

Робинзоны из Бомбея

Издательство "Детская литература"

Annotation

В книгу входят веселые и приключенческие повести, лирические и остросоциальные рассказы, рисующие многообразную жизнь детей современной Индии со всеми ее противоречиями. В сборнике представлены произведения 18-ти известнейших современных писателей Индии, пишущих на хинди, бенгали, ория, маратхи, английском и других языках.

- [Робинзоны из Бомбея](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Повести](#)
 - [Сатьяпракаш Агарвал](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Кришан Чандар](#)

- Шанкар
 - 1. Я живу у дедушки
 - 2. Как меня укусила змея
 - 3. Как дедушка стал мокрым и сердитым
 - 4. Как я получил подарок от бога и что из этого вышло
 - 5. Почему тете Чируте нельзя меня любить?
 - 6. У нас в гостях слониха Лакшми
 - 7. Как я поймал и спас крокодила
 - 8. Моя школа
 - 9. На ярмарке
- Камала Наир
- Аруп Кумар Датта
 - Браконьеры
 - Неожиданная находка
 - Новые улики
 - Угроза
 - Ночные тени
 - Неожиданное препятствие
 - Слуга видит привидения
 - Несчастье
 - Первая половина ночи
 - Вторая половина ночи
 - В заповеднике
 - Возмездие
 - Лицом к лицу
 - Эпилог
- Рассказы
 - Бхишам Сахни
 - Раджендра Ядав
 - А. Педнекар
 - Чандрагупта Видьяланкар
 - Бамачороно Митро
 - Маркандэй
 - Мастарам Капур Урмиль

- [Мальти Джоши](#)
- [Пудумейпиттан](#)
- [Нарайон Гонгопадхай](#)
- [Потеккат](#)
- [Амаркант](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
-

Робинзоны из Бомбея
Повести и рассказы писателей
Индии

Предисловие

Скажите, ребята, кто из вас не мечтал о дальних странах: о голубом океанском просторе, о выстроившихся вдоль берега кокосовых пальмах, о встречах с неизвестными людьми на затерянных в море островах?.. Вряд ли среди вас найдется хоть один, с кем такого не случилось: в детстве все мы любим помечтать, пофантазировать, отправиться, пусть не наяву, в дальние, полные риска странствия. И одной из тех стран, которые манили ваше воображение с тех самых лет, как вы стали помнить себя, была, несомненно, далекая, почти сказочная Индия; при одном лишь слове «Индия» не у одного из вас, наверно, сладко замирало сердце, как, бывало, в самом интересном месте сказки или были, которую рассказывала бабушка...

Да, когда-то Индия была действительно далекой страной, расположенной чуть не на краю света, и нашему земляку — тверскому купцу Афанасию Никитину потребовалось больше года, чтобы, завершив «хождение за три моря», достичь наконец вечнозеленых берегов прекрасной земли, омываемой волнами лазурного моря...

Многое изменилось с тех пор, и сейчас об Индии вы можете узнать не только из учебников географии. Индийские кинофильмы демонстрируются в наших кинотеатрах, рассказы об Индии часто звучат по радио, с Индией вы знакомитесь из телевизионных передач. Индия стала понятней и ближе, тем более что и расстояния в наши дни тоже значительно сократились: теперь достаточно нескольких часов лета на современном реактивном лайнере, чтобы перенестись из Москвы в столицу Индии — Дели. Сократились

расстояния — сблизилась народы. Индийцы стали частыми гостями нашей страны. Советские люди — студенты, ученые, инженеры, рабочие и простые туристы — могут посещать Индию, знакомиться с ее изумительной природой, замечательными архитектурными памятниками, ее древней культурой и самое главное — с ее людьми, своими руками создающими будущее своей родины.

Когда вы подрастаете, ребята, вам тоже, может быть, когда-нибудь удастся побывать в этой чудесной стране: кто-то из вас, несомненно, будет геологом, географом, специалистом по океанологии либо станет изучать историю Индии, индийскую культуру, литературу, языки... А время в наш век несется стремительно, и вы не заметите, как это далекое, туманное «когда-нибудь» превратится в почти осязаемое, четкое своей определенностью «сейчас, теперь».

Пока же это время не пришло, читайте книги об Индии — этой удивительной, прекрасной стране на полуострове Индостан, раскинувшейся от покрытых вечными снегами хребтов Каракарума и Гималаев на севере до уходящего далеко в океан мыса Коморин — на юге; различные области этой великой страны с ее более чем 650-миллионным населением различаются не только ландшафтом и климатическими условиями, но и внешним обликом, привычками, нравами, бытом, наконец, языками, на которых говорят и создают свою литературу народы, населяющие ее. Книга станет для вас тем окном, через которое вы сумеете увидеть многое из того, чем живет эта страна и ее люди...

Индия — развивающаяся страна. Это значит, что ей предстоит еще многое сделать и в промышленности, и в сельском хозяйстве, чтобы догнать развитые страны как по производству, так и по уровню жизни населения:

много еще в Индии тех, кто страдает от недоедания, голода, безработицы и нищеты...

Развитие Индии задержали не скудость природных или людских ресурсов — и то и другое Индия всегда имела в изобилии, — не наличие множества народов и языков, — развитие Индии надолго задержало продолжавшееся почти 200 лет колониальное порабощение, от которого она освободилась лишь в 1947 году.

Тяжелое наследие, доставшееся Индии от прошлого, точно пудовые чугунные гири на ногах, до сих пор мешает ей ускоренными темпами двигаться вперед.

Однако, несмотря на трудности и препятствия, индийский народ уверенно строит свое будущее. И в строительстве новой Индии ему активно помогает прогрессивная литература, которая создается на различных языках этой страны.

Языков, диалектов и местных наречий в Индии великое множество. Правда, подавляющее большинство из них — это языки малочисленных народностей и племен, которые подчас не имеют даже письменности. Языков, на которых говорят многомиллионные массы населения, в Индии, естественно, гораздо меньше. Это высоко развитые языки, имеющие богатую литературу. К тому же конституцией Индии они признаны основными языками страны. Общее число таких языков — пятнадцать. Десять из них — языки Северной Индии, относящиеся к индоевропейской семье: ассамский, бенгальский, гуджаратский, кашмирский, маратхский, ория, панджабский, синдхи, урду и хинди. Четыре — основные языки Южной Индии, входящие в дравидийскую семью: тамильский, телугу, каннара и малаялам. В состав основных языков Индии, кроме того, включен также классический язык древности — санскрит.

Значительное число жителей Индии в качестве второго языка широко использует английский, хотя родным языком он является менее чем для 200 тысяч населения страны. Литература, создаваемая в Индии на английском языке, входит в число наиболее развитых индийских литератур.

Немногие писатели в Индии создают произведения специально для детей, однако очень многие — если не сказать большинство — пишут о детях своей страны, и, хотя их произведения предназначаются для взрослых, однако, попадая в руки ребятишек, они нередко становятся их любимыми книжками. О детях писали выдающиеся мастера слова Индии, начиная с патриарха современной индийской литературы Рабиндраната Тагора. О детях писали прозаики старшего поколения, о детях пишут люди среднего поколения и литературная молодежь.

Горько жилось ребятишкам в прежней, колониальной Индии. Их уделом были голод, нищета, бесправие, тяжкий, непосильный труд.

Однако дети есть дети, и даже в те черные времена, когда Индия стонала под кованым каблуком колонизатора, в жизни детворы оставались неизбывная радость, и веселье, и игры, и бесхитростные проказы.

Многое изменилось в Индии с того времени, как она стала независимой, и вот малыши азартно носятся по настоящему стадиону, гоняя кожаный мяч (рассказ Н. Гонгопадхая «Футбольный матч»), — занятие, которое раньше считалось привилегией сахибов; девочка, по имени Джану, отправляется наконец в школу, где уже учатся ее младшие братья (повесть Камалы Наир «Когда река заговорила»); ребятишки, спеша на урок,

могут по пути заглянуть в соседнюю лавку, чтобы полюбоваться моделью советского космического аппарата (рассказ Педнёкара «Спутник»), а в дни каникул имеют возможность отправиться на экскурсию, как герои повести Кришана Чандара «Робинзоны из Бомбея», — дело, о котором прежде они не посмели бы даже мечтать... Более того, современные индийские дети чувствуют себя сопричастными делам своей родины, они сознают свою ответственность за сохранение ее природных богатств и способны вступить в неравную схватку с браконьерами, как трое неразлучных друзей из повести Аруп Кумара Датта «Следопыты из Казиранги»...

Среди тех, кто пишет для детей, особо следует выделить имя Шанкара, повесть которого «Рассказы озорника Раджи» вам предстоит прочесть. Уже будучи известным художником, Шанкар становится во главе крупнейшего детского издательства Индии — «Чилдренз бук траст» и начинает писать для детей. Ныне Шанкар — один из наиболее известных и любимых детских писателей Индии. Его книжки по-настоящему интересны и занимательны. Не раз издавались они и на русском языке. Может быть, вы даже читали их, это — «Слониха Малати и кокосовый орех» и «Ночь в джунглях», опубликованные несколько лет назад. Ныне в Индии учреждена Шанкаровская медаль, которой награждаются лучшие книги издательства «Чилдренз бук траст». Одной из таких книг является повесть Аруп Кумара Датта «Следопыты из Казиранги», которую мы уже упоминали.

Далеко не все радужно в жизни детей Индии и сейчас: слишком тяжелым оказалось наследство, полученное страной от колонизаторов, и слишком непрост ее путь к светлому будущему; и об этом с чувством взволнованной заинтересованности и боли рассказывает современная литература. О тяжелой доле

детей и подростков, вынужденных наниматься «в услужение» или идти в рабочие, повествуется в «Прислуге» Амарканта и «Сорвиголове» Раджёндры Ядава. О малыше, которого определили в чистильщики, с грустью рассказывает Бхишам Сахни в «Вступлении в жизнь».

Однако в какой бы трудной обстановке ни жил индийский малыш, он никогда не унывает, всегда готов прийти на помощь попавшему в беду товарищу; он уже изжил холопский дух, который так усердно прививался его народу колонизаторами, и проникся чувством собственного достоинства, никому не позволяя унижить себя, о чем так красочно рассказывается в повести «Робинзоны из Бомбея», созданной Кришаном Чандаром — писателем, который давно известен нашим юным читателям по сказке «Перевернутое дерево», увидевшей свет несколько лет назад. Индийский малыш — будь то мальчик или девочка — в любой обстановке показывает практическую сметку и способность выстоять в борьбе с трудностями, как маленькие героини новелл «Маленькая хозяйка» Потекката и «Испытание» Мальти Джоши. Это происходит потому, что сама действительность новой Индии воспитала в них эти новые качества и взгляды. Действительность уже не предстает перед ним, маленьким человеком, входящим в жизнь, черным безысходным тупиком, как в былые, колониальные времена: она уже открывает путь, пусть пока еще не очень широкий, к движению вперед, вселяет надежду на будущее.

Созданные мастерами слова, повести и рассказы сборника полны оптимизма, проникнуты верой в светлое будущее индийского народа и его детворы.

Кто же они, люди, своим пером создающие детскую литературу Индии?

В подавляющем большинстве это представители так называемых «средних слоев» города — дети родителей,

которые, работая на государственной службе, занимаясь адвокатурой, журналистикой, коммерцией и т. п., были в состоянии дать своим детям образование; подрастая и берясь за перо, юноши уже знали, как достается трудовой кусок, и им было что сказать своему читателю.

На каких бы языках ни создавали свои произведения писатели Индии, как бы ни складывались их судьбы, они — плоть от плоти своего народа, с ним они всегда — и в радости, и в горе, они не мыслят своей судьбы отдельно от судьбы своего народа.

Если для литературной молодежи освободительная борьба — это уже история, о которой они узнают из учебников да из рассказов бывалых людей, то большинство писателей старшего и среднего поколения еще живо помнят годы борьбы, а некоторые из них принимали личное участие в освободительном движении. И ныне, трудясь в условиях независимой Индии, они все силы отдают борьбе за светлое будущее своей родины, своего народа, и одной из основных целей, к достижению которых они стремятся, является создание литературы, предназначенной для подрастающего поколения страны, — создание детской литературы, которая благодаря их совместным усилиям проходит ныне стадию интенсивного формирования в качестве особого вида искусства слова.

Так пусть же эта книжка, ребята, послужит для вас тем оконцем, в котором вы увидите еще один кусочек Индии: она поможет вам ближе узнать эту удивительную страну, жизнь ее народа, мечты, надежды и свершения ее сынов, стремящихся к миру, труду и обновлению жизни.

В. А. Чернышев

Повести

Сатьяпракаш Агарвал

Пятеро бесстрашных

*Посвящается детям, которые узнают
себя в этой книге*

Глава 1

Дзинь... дзинь... дзинь... — прозвенел звонок, возвещающая об окончании занятий. Ребята быстро собрали свои книжки, рассовали их по сумкам и бросились к выходу.

Нанхе, зажав под мышкой выскальзывающую связку книг, а рукой придерживая грифельную доску, побежал

к воротам ждать своих друзей. Его класс был ближе всех от ворот школы, поэтому он всегда прибегал туда первым. Ох и надоели ему эти ожидания! Но что поделаешь: его друзья жили в одном с ним переулке, поэтому родители строго-настрого приказали им уходить в школу и возвращаться домой всем вместе.

Не прошло и пяти минут, как из толпы ребят вынырнула Мунни. Следом за ней показался Мохан. Он не спеша подошел к ребятам.

— А разве Бирджу с Ашей до сих пор не пришли? — недовольно спросил Мохан.

— Они каждый день опаздывают, Мохан-дада [\[1\]](#), — тотчас пожаловалась Мунни.

Мохан сердито посмотрел на нее и с опаской оглянулся на проходивших мимо ребят: он испугался, что те услышат его прозвище «Дада». Ведь в школе его звали по имени. «Дадой» он был только для своих друзей, потому что из всех пятерых ребят он был самый старший. Мохану льстила эта кличка. Мунни, поняв свою ошибку, тут же спохватилась:

— Ох, Мохан, прости! Я нечаянно...

И Дада, готовый обрушиться на девочку, сразу смягчился.

Бирджу и Аша не приходили. Нанхе, уставший от долгого ожидания, решительно заявил:

— Знаешь что, Дада! Их надо проучить как следует, а то взяли моду каждый день опаздывать.

— Верно, — поддержала его Мунни. — Ждешь их, ждешь, а им хоть бы что.

Дада глубокомысленно уставился в одну точку. Положение вожака обязывало его вдумчиво относиться ко всем вопросам. Но пока он решал, как поступить с вышедшими из повиновения приятелями, запыхавшись, прибежала Аша.

— Изволили прибыть, рани? [2]— ехидно обратилась Мунни к подружке. — Даже сумку потеряла.

— Где же твоя сумка, Аша? — удивился Дада.

— Моя сумка никуда не денется, — проговорила Аша, переводя дыхание. — Вы лучше о Бирджу побеспокойтесь. Он отказывается идти домой.

Ребята удивленно посмотрели на нее.

— Уселся в саду под деревом и с места не двигается. Не пойду, говорит, домой, и все! — продолжала тараторить Аша.

— Вот еще новости! — воскликнул Дада. — Это почему же он домой не хочет идти? Что случилось?

— Ничего особенного, — охотно пояснила Аша. — Он просто плохо сегодня отвечал. Вот учитель Бенчу и оттрепал его за уши, а потом из класса выгнал.

Нанхе, которому не терпелось скорее покинуть школьный двор, воскликнул:

— Только и всего?

Но Дада очень рассердился.

— Ну, чего на меня уставилась? — набросился он на Ашу. — Почему сразу не сказала, что учитель избил Бирджу?

— Это как же я не сказала? — в свою очередь возмутилась Аша. — Что же, мне на весь двор теперь кричать?

Аша была на год моложе Дады, поэтому не особенно считалась с его авторитетом.

— Ладно, — уступил Дада, считая бесполезным делом спорить с девчонкой, — веди, показывай, где он.

Ребята побежали в школу. Впереди всех Аша. В школе уже никого не было, и сторожа закрывали классы. Только из учительской доносились громкие голоса.

Ребята проскользнули по коридору мимо классных комнат и выбежали в сад. В углу сада под манговым

деревом сидел надувшись Бирджу.

— Ты почему не идешь домой? — спросил Дада.

Опустив голову, Бирджу молчал.

Нанхе подсел к Бирджу и, участливо заглядывая ему в глаза, обратился к Даде:

— Мохан-дада, давай проучим учителя Бенчу? А?

— Дело говоришь, Нанхе, — поддержал Дада малыша. — А то взял привычку колотить детей ни за что. Чугунная скамейка! ^[3] — обругал он учителя.

— И верно чугунная скамейка! — обрадованно подтвердил Нанхе.

— Он просто злодей, этот учитель Бенчу, — подхватила Аша. — Если бы Бирджу молчал, а то ведь он отвечал. Разве он виноват, что отвечал неправильно.

— Было бы не обидно, если бы он разок стукнул, а то ведь за уши оттрепал, поставил плохую отметку да еще из класса выгнал. Разве можно за одну вину сразу три наказания давать?

Позабыв Бирджу, ребята наперебой стали вспоминать свои обиды.

— Ишь! Хохочут! — сердито сказал Дада, кивнув на учительскую, откуда раздавался громкий смех.

— Поколотили детей и радуются, — вздохнула Мунни.

— Все так делают, — рассудительно заметил Нанхе. — Что в школе, что дома. Моему брату очень нравится меня колотить. Чуть что, так сразу подзатыльник. Будто я для того и живу, чтобы получать оплеухи.

Тема для разговоров расширилась. Дома им иногда доставалось за какую-либо провинность, у каждого было что вспомнить, поэтому всем не терпелось высказаться.

— У меня дома тоже все на оплеухах держится, — угрюмо произнес Дада. — Стакан уронил — оплеуха.

Уроки не приготовил — оплеуха. В школу не пошел — оплеуха.

— Правда, меня мама никогда не трогает, но всегда заставляет что-нибудь делать. Только выйдешь поиграть, а она уже зовет: «Помой посуду, дочка! Принеси ступку! Помоги горох лущить!» И так целый день, словно я служанка в доме, — пожаловалась Аша.

— Эксплуатация! — неожиданно выпалил Дада и победоносно посмотрел на приятелей.

Это слово он сегодня вычитал в учебнике.

Раскрыв рты от удивления, ребята с уважением уставились на своего предводителя.

Заметив, что друзья не поняли его, Дада стал лихорадочно думать, как объяснить это слово своим несмышленным приятелям:

— Эксплуатация... это... это... Ну, в общем, это когда угнетают... да... в общем, вот... Ну... ну, значит, когда угнетают детей, это и называется эксплуатацией. Теперь поняли? — вздохнул он с облегчением.

Никто не хотел выглядеть глупцом в глазах вожака, поэтому все дружно закивали головами, выражая полное согласие с только что полученным разъяснением.

— Но как же избавиться от этой, как ее... ик-ик-спла-та-ции? — спросила Аша.

— Да, как избавиться от этой саплотации? — спросил Нанхе.

— От нее нельзя избавиться до тех пор, пока в этом мире будут большие и маленькие. Большие всегда будут угнетать маленьких, — авторитетно пояснила Мунни.

— И зачем нам такая жизнь? А почему бы нам не устроить свою детскую страну? — внезапно вмешался молчавший до сих пор Бирджу.

— Верно, — воскликнул Дада, — почему бы нам не устроить свою Страну Детей, где не будет больших, где

нам будет весело и хорошо!

Все дружно закричали «ура» и захлопали в ладоши.

Глава 2

Мысль об устройстве Страны Детей целиком завладела ребятами. Даже Бирджу позабыл о своих обидах.

Первым заговорил Дада, почесывая в затылке:

— Прежде всего нужно найти для нашей страны место...

— Да такое, о котором бы взрослые не знали, — перебила его Аша.

— Но где найти такое место? — воскликнул нетерпеливый Нанхе.

Тогда Дада стал вспоминать, что он слышал на уроках географии. Первое, что пришло ему в голову, — это тундра. Учитель объяснял, что тундра занимает огромную площадь, но там много снега.

— Нет, это не подойдет — мы все там замерзнем. А может быть, в тайге? Но там дремучие леса и зимой холодно, а летом жарко, — рассуждал он вслух.

— Нашел! Нашел! — закричал вдруг Бирджу.

— Что нашел? — поинтересовался Нанхе.

— Место нашел, где мы сможем устроить Страну Детей! — радостно кричал Бирджу.

— Это где же? — недоверчиво спросил Дада, который мало полагался на сообразительность Бирджу в столь важном вопросе.

— Дворец духов! — сказал Бирджу, горделиво поглядывая на своих товарищей.

У ребят даже рты пораскрывались от изумления.

— Вот так место! — протянул Нанхе. — Да ты знаешь, что туда даже взрослые боятся заходить?

— Ну и пусть, — отпарировал Бирджу, — а мы не побоимся!

Недалеко от их квартала находился полуразвалившийся дворец, известный под названием «Дворец духов». Говорят, что в далекие времена его построил какой-то раджа. А теперь будто там поселились злые духи. Правда, духов там никто не видел, но многие слышали, как по ночам оттуда доносились какие-то странные звуки. Однажды утром на улице рядом с дворцом нашли без сознания какую-то старуху. С тех пор ночью по этой улице никто не ходил. Днем же ребята всегда играли на пустыре рядом с дворцом, а Дада мог даже на спор обежать дворцовую ограду. Для игр пустырь считался самым подходящим местом, но ни у кого никогда не возникало мысли перелезть через глухую ограду.

— Ну что, решено? Чего же вы молчите? — не унимался Бирджу. — Испугались злых духов? Больше смелости!

— Да смелости-то у нас хватает, — ответил Дада, задетый словами товарища.

— «Хватает»! — передразнил его Бирджу. — Если бы хватало, не стали бы рассиживаться, как ленивые буйволы. Вы только подумайте, разве злые духи хуже взрослых? Уж они-то наверняка никого не... ик-ик-сплатируют.

Энтузиазм Бирджу подействовал на ребят. Нанхе особенно понравились последние слова товарища. «Уж лучше жить среди злых духов, чем под гнетом взрослых», — подумал он, вспомнив затрещины своего брата, и, влюбленно глядя на Бирджу, захлопал в ладоши.

Найдя поддержку в лице Нанхе, Бирджу с удвоенным энтузиазмом замахал руками:

— Вот это мужественный ребенок! Он лучше вас понимает, что злые духи не обижают маленьких, как

это делают взрослые люди.

— А если они тоже будут обижать? — засомневалась Аша.

— Если бы да кабы... — перебил ее Бирджу. — Как только придем во дворец, нужно сразу подружиться с ними.

— Согласен, Бирджу, — сказал Дада. — Если мы с ними подружимся, то они нас не тронут.

Все единодушно поддержали своего вожака.

— Это хорошо, — сказала Аша, — что взрослые не ходят во Дворец духов.

— Там столько места, что не только пятеро, а пять тысяч поместиться смогут, — заметила Мунни, которая самой большой цифрой на свете считала пять тысяч.

Видя, что все согласились, Бирджу запрыгал от радости.

— Ур-рр-аа! — закричал он, размахивая руками. — Да здравствует Страна Детей!

Ребята дружно подхватили это «ура». Но едва прошла первая вспышка радости, как Аша сказала:

— Сколько же мы еще будем сидеть здесь? Если мама станет ругать меня, то я скажу, что Дада задержал.

Глава 3

Мохан оторопел, когда услышал, что Аша собирается жаловаться на него матери. Возмутился и Бирджу, которому не понравилось, что Аша торопится домой. Разве можно думать о пустяках, когда решается такой важный вопрос! Но тут и Мунни, которая боялась своей тетки, стала проявлять нетерпение.

— Смотрите, учителя уже расходятся. И нам пора домой, — показала она рукой на учительскую.

Все обернулись. Учителя, весело разговаривая, шли к воротам.

Ребята тоже направились к выходу. Но пошли они не к воротам, а через черный ход — так безопаснее.

Едва они вышли из школы, как Бирджу съехидничал:

— Ну вот и остыли. Самое главное — место найти, а остальное уже не важно.

— Кто сказал, что остыли? — возмутился Дада. Слова Бирджу задели его за живое. — Слушайте все! Завтра в четыре часа утра мы идем во Дворец духов!

— В четыре часа?! — удивленно воскликнул Нанхе. — Да у нас в доме, Мохан-дада, так рано никто и не встает.

— Вот и хорошо. Если бы родители в это время проснулись, разве они разрешили бы нам пойти во дворец? — возразила Аша.

— Нечего раздумывать! Завтра встаем в четыре часа! — бодро заявила Мунни.

Только тут Дада опомнился. До сих пор он еще в четыре часа ни разу не вставал. Но уж если сам сгоряча

назначил время, то изменять его уже было поздно. Ведь это подорвало бы его авторитет! Придется как-то потихоньку выбраться из дому. А вообще-то так даже интереснее!

— Вот что! — остановил Дада своих друзей. — Сегодня ночью я утащу у своего брата будильник и поставлю его на четыре часа. Ровно в четыре я тихонько по карнизу доберусь до Бирджу и разбужу его. Потом...

— Но, Дада, — перебил его Нанхе, — ведь будильник разбудит не только тебя, но и всех в доме.

Дада сердито посмотрел на Нанхе.

Ребята молча зашагали дальше. Дада лихорадочно пытался что-то придумать.

— Кому-то из нас придется не спать всю ночь, — сказал наконец Бирджу и вздохнул.

Все молчали.

— Почему «кому-то»? Пусть Дада не спит, ведь он самый старший, — сказала Аша.

Даде стало не по себе от такого предложения.

— Ты правильно говоришь, Аша, — сказал он покорно. — Только мне почему-то ночью всегда очень хочется спать.

— А кому не хочется? — хитровато улыбнулся Нанхе.

— Не спать одному целую ночь тяжело, — примирительно вздохнула Мунни. — Эту ночь должны двое не спать. Бирджу и Нанхе в одном доме живут, окна у них рядом. Вот и будут разговаривать всю ночь.

— Правильно! — поддержала ее Аша. — Ничего с ними не случится, если ночь не поспят, зато днем выспятся. Как придем во дворец, пусть сразу и ложатся.

Доводы были настолько убедительны, что Бирджу и Нанхе ничего не оставалось делать, как согласиться. Теперь нужно было подумать и о другом: что брать с собой?

И когда Дада заговорил об этом, его тут же перебила Аша:

— А зачем нам набирать с собой много вещей? Ведь духи как-то живут там. Должны же у них быть одежда и еда. Если мы подружимся с ними, то они наверняка с нами поделятся.

— «Поделятся»! — передразнил ее Бирджу. — Да они нас тогда через два дня из дворца выгонят. А ведь нам там всю жизнь жить! Всю жизнь!

— А у духов игрушки есть? — поинтересовалась Мунни.

— Дада, — спросил Нанхе, ковыряя носком ботинка кучу гравия на дороге, — а духи мясо едят?

— А то как же, — ответил Дада, поправляя на плече сумку.

— Что? — ужаснулась Аша. — Мясо едят? Тогда я не пойду туда.

— Чудачка ты, Аша, — вступил в разговор Бирджу. — Пусть едят, но мы-то его есть не будем.

Это немного успокоило Ашу. Ребята подошли уже к своему переулку, но так и не решили, что же они возьмут с собой завтра.

— Пойдемте к старому баньяну и там все обсудим. — Бирджу показал рукой на огромное развесистое дерево.

— Вообще-то нам незачем много набирать с собой, — сказал Дада, направляясь к баньяну. — Недавно я в одной книжке прочитал, что человеку нужно только жилье, еда и одежда.

Все были поражены мудростью своего вожака. Никому из них и в голову бы не пришло, что человеку так мало нужно.

— Ну что же, тогда одно платье наденем на себя, а другое возьмем в запас. А вот что брать из еды, нужно составить список, — сказала Аша.

— Я надену шелковую тенниску и зеленые штаны, а синие возьму с собой! — радостно воскликнул Нанхе.

Но на него никто не обратил внимания.

— А кто же нам будет еду готовить? — озабоченно спросила Мунни.

— Как кто? Наша уважаемая Аша. Она все время хвастается, что мама ее этому научила, тому научила. Вот пусть и покажет, на что она способна, — ухмыльнулся Бирджу.

— Я разве неправду говорю? — рассердилась Аша. — Я так могу испечь лепешки и сварить картошку, что пальчики оближешь!

В душе она была довольна, что ей представляется случай показать свое кулинарное искусство.

— Ну вот и договорились. А теперь, Аша, скажи, что мы должны принести, — с облегчением подвел итог Дада, радуясь, что отделался от одной заботы.

— Хорошо, — с готовностью согласилась Аша, — пишите.

Бирджу вынул карандаш и тетрадь.

— Печку, — стала диктовать Аша, — сковороду, скалку, маленькую кастрюлю, щипцы, суповую ложку, килограмм масла, четыре кило риса, муку, дрова, котел, тарелки...

Составив список, Бирджу начал распределять, кому что принести. Каждый пообещал захватить то, что нужно. Один лишь Нанхе сказал, что может взять с собой только ложку. Это ему и поручили.

Возложив ответственность по сбору продуктов и посуды на Бирджу, Дада снова облегченно вздохнул.

Глава 4

Итак, Бирджу с Нанхе готовились не спать всю ночь. Они придвинули к окнам свои постели. Из комнаты Бирджу хорошо была видна комната Нанхе, а из комнаты Нанхе — комната Бирджу. Прodelав эту

работу, оба удовлетворенно вздохнули. Теперь они спокойно могли беседовать всю ночь.

Когда после ужина Бирджу лег на свою постель, то первым делом он заглянул в комнату Нанхе. Но постель приятеля была пуста.

— Нанхе! Нанхе! — позвал он.

Нанхе в это время ужинал в соседней комнате. Услышав голос Бирджу, он тут же прибежал.

— Чего тебе?

— Ты что делаешь? — спросил Бирджу.

— Ужинаю, — недовольно пробурчал Нанхе и убежал обратно.

После ужина Нанхе пришел в свою комнату. Бирджу в это время сидел на постели и что-то писал.

— Ты что пишешь? — спросил Нанхе, укладываясь спать.

— Эй! Эй! Не ложись! — забеспокоился Бирджу. — А то заснешь. Ты лучше возьми учебник и готовь домашнее задание. Видишь, я занимаюсь.

Нанхе никогда не любил готовить уроки. Он потому и во Дворец духов согласился пойти, что там не придется выполнять никаких домашних заданий.

— Меня пока никто не укусил, чтобы я еще сейчас возился с книгами. Вот ты пачкаешь свою тетрадь, а зачем? Кто ее будет смотреть? Ведь завтра мы не пойдем в школу.

Замечание Нанхе смутило Бирджу. Как же он упустил это из виду? Действительно, для чего теперь заниматься ненужными делами. Бирджу тотчас же закрыл тетрадь, положил ее в изголовье и лег.

Некоторое время друзья молчали. У Нанхе начали слипаться глаза. Он повернулся на бок и сказал:

— Бирджу, я засыпаю.

— Я тоже, — сонным голосом отозвался Бирджу.

— Зря мы с тобой послушались Ашу... Трудно не спать целую ночь, — проворчал Нанхе, потирая глаза.

— Наконец-то ты понял. Я еще тогда подумал, что не спать всю ночь будет нелегко, — сказал Бирджу и повернулся к окну.

Некоторое время приятели лежали молча.

Внезапно Бирджу спросил:

— Нанхе, а ты все приготовил на завтра?

Нанхе сел на постели и торжественно вытащил из-под подушки ложку.

Бирджу, в свою очередь, показал рукой под кровать и прошептал:

— А у меня все здесь.

Под кроватью стоял огромный брезентовый мешок и здоровенный котел.

— Ты, пожалуйста, подумай, Нанхе, — сонным голосом пробормотал Бирджу, — Не забыли ли мы еще чего-нибудь? А то придется за чем-нибудь возвращаться.

Нанхе задумался.

— Бирджу, а Бирджу, а во Дворце духов электричество есть?

— Конечно, есть. Иначе как же они ночью готовят уроки, — ответил Бирджу.

— Да разве духи учатся? — засмеялся Нанхе.

Бирджу был старше Нанхе и считал себя умнее. Разве мог он стерпеть насмешки младшего?

— Эх ты, дурачок! — сразу нашелся он. — Если не духи, то их дети наверняка учатся.

Такой веский довод сразил Нанхе. Ведь ему еще бабушка говорила, что все дети учатся. «Значит, и дети духов тоже учатся» — подумал он.

— Ну, а электрический фонарь нужно брать? — спросил Нанхе.

— Конечно, нужно.

— Почему, если там электричество есть? — спросил Нанхе.

— По-моему, все-таки там нет электричества. Если бы оно было, то они зажигали бы свет. А ты разве когда-нибудь видел свет во Дворце духов? — стал вразумлять Бирджу непонятливого приятеля.

Нанхе начал догадываться, чего хочет Бирджу.

— Ну что ж, тогда возьми фонарь из дома, — невозмутимо посоветовал он, глядя в потолок.

— Наш фонарь сломался. Я же тебе вчера показывал, — сказал Бирджу.

— А наш еще не сломался, — немного помолчав, произнес Нанхе, — только он в папиной комнате. Если бы во Дворец духов мы пошли днем, тогда бы я захватил его.

— Да ты что, все дело испортить хочешь? Если мы утром не уйдем отсюда, то я погиб. Ведь я почти всю посуду запихал в мешок. Ты еще не знаешь моего отца. Он похлеще учителя Бенчу за уши оттреплет, — испуганно прошептал Бирджу.

Друзья снова замолчали.

Первым заговорил Нанхе:

— Что же нам делать?

— Что делать? Проберись на цыпочках в комнату отца, возьми фонарь и неси его сюда, — предложил Бирджу.

— Ну уж нет! Если отец проснется, тогда все пропало, — заметил Нанхе.

— Для того чтобы жить в Стране Детей, нужно быть смелым, как тигр. Вперед, малыш! — подбадривал Бирджу своего приятеля.

— Смотри, Бирджу, ты меня не подзуживай! — рассвирепел Нанхе. — Я человек опасный.

— Да разве же я тебя подзуживаю? Был бы ты смелый, давно бы принёс фонарь, — ласковым голосом продолжал Бирджу.

— Ты еще увидишь, какой я тигр! — С этими словами Нанхе спрыгнул с постели и вышел из комнаты.

Бирджу удовлетворенно вздохнул. Но не прошло и минуты, как он увидел возвращавшегося в комнату Нанхе.

— Молодец! Геройское дело сделал ты, Нанхе. Ну, где фонарь?

— Не принес, — ответил Нанхе убитым голосом.

— Не принес? Это почему же? — удивился Бирджу.

— А если папа проснется, тогда что? — испуганно спросил Нанхе.

— Глупый! Да как же папа проснется, если ты пойдешь на цыпочках? — с досадой произнес Бирджу.

Нанхе виновато посмотрел на друга.

— Иди, иди, только тихонечко, — снова начал подбадривать Бирджу. — Без фонаря не возвращайся. Понял?

Нанхе молча вышел из комнаты. На цыпочках он дошел до комнаты отца и остановился. Сердце его билось часто-часто. Набравшись смелости, он открыл дверь и вошел в комнату. Ощупью добрался до шкафа. Потом тихонько открыл дверцы и стал шарить на нижней полке, где лежал фонарь. Ага, вот он! Полдела сделано. Нанхе осмелел.

Взяв фонарь, он закрыл дверцы и двинулся к выходу. Но не прошел и нескольких шагов, как споткнулся о кровать и с грохотом покатился по полу.

— Кто там? — крикнул отец, зажигая свет.

Нанхе тут же спрятал фонарь за спину.

— А, это ты, Нанхе! Ты что здесь делаешь? — удивился он.

Нанхе задрожал от страха. Он так растерялся, что не мог слова выговорить.

— В чем дело, сынок? Ну что же ты молчишь? — снова спросил отец.

И тут Нанхе осенила, как ему показалось, блестящая мысль.

— Я, я в уборную иду, — пролепетал он, заикаясь.

— Чего же ты, дурачок, испугался? Я уже сколько раз тебе говорил: когда встаешь в уборную, зажигай свет. — Отец ласково потрепал его по щеке.

«Пронесло!» — подумал Нанхе с облегчением. Волей-неволей ему пришлось идти в уборную, а уж оттуда он пошел в свою комнату.

— Ну, принес? — нетерпеливо спросил Бирджу.

— Принес, — недовольно пробурчал Нанхе. — Из-за тебя чуть не попал в историю. Хорошо, что все обошлось. — Нанхе лег в постель, а фонарь положил под подушку.

Глава 5

Едва на часовой башне пробило четыре часа, Бирджу поспешно вскочил, заглянул в комнату Нанхе и увидел, что тот преспокойно спит. Бирджу рассвирепел: «Я за всю ночь ни на минуту глаз не сомкнул, а этот барин дрыхнет!» Он просунул руку в окно и растолкал приятеля.

— Что? Разве пора вставать? — вскочил Нанхе, протирая глаза.

— Нет еще! Часика три можешь поспать! — зарычал Бирджу.

— Смотри-ка, уж солнце восходит, — пробормотал Нанхе, не обращая внимания на рассерженного приятеля.

— А ты думал, что оно будет ждать, пока ты проснешься! Быстрее выкатывайся из дому. Я сейчас выхожу, — сказал Бирджу и достал из-под кровати мешок.

Друзья осторожно вышли из дома. Солнце уже взошло, и его нежный свет разлился повсюду.

Теперь перед ними стояла задача разбудить остальных. Комната, в которой спал Дада, находилась

на втором этаже, и добраться до окна можно было по столбу, стоявшему рядом. Бирджу раньше частенько пользовался им. И на этот раз он забрался на столб, дотянулся до окна и тихо позвал:

— Мохан-дада! Мохан-дада! Вставай, уже четыре часа.

Однако призыв друга потонул в мирном храпе Дады, который спал, уткнувшись носом в подушку. Бирджу с ужасом понял, что разбудить Даду будет нелегко.

— Эй, Дада, вставай! Долго ты еще будешь дрыхнуть? — снова позвал Бирджу.

Дада что-то пробурчал во сне и перевернулся на другой бок. Бирджу разозлился. У него уже не было сил так долго висеть на столбе.

— Эй, Дада, вставай сейчас же! — закричал он изо всех сил.

— Ты что орешь так громко? Разбудишь всех! — забеспокоился внизу Нанхе.

— Как же я его тогда разбужу? — возмутился Бирджу, глядя сверху на приятеля.

— Подожди, я сейчас.

Нанхе схватил валявшуюся на улице длинную бамбуковую палку и подпрыгнув, протянул ее Бирджу.

— Держи! Буди палкой.

Но тот не сумел схватить ее, и палка полетела на землю.

— Эх ты, а еще хвалился, что будешь чемпионом по крикету!

— Ворона! Даже палку поймать не можешь, — рассердился Нанхе и снова бросил палку, и Бирджу опять не поймал. — Да, Бирджу, ты обязательно станешь чемпионом, даже знаменитым, — съехидничал Нанхе.

— Если ты бросаешь палку за десять метров от меня, то как я ее поймаю? — рассвирепел Бирджу. — Бросай еще раз. Только рядом со мной.

— Зачем рядом, я тебе ее прямо в руки брошу. Правда, ты все равно ее не поймашь, — с наивным сочувствием продолжал издеваться Нанхе.

— Ты будешь бросать палку или нет? Учти, будить Даду придется тебе. Я второй раз на столб не полезу.

Тут Нанхе испугался. Он подпрыгнул и бросил палку прямо в руки Бирджу. Тот просунул ее в окно и стал тыкать Даду.

Дада вскочил и, увидев Бирджу, закричал:

— Ты что, очумел?

— Я не очумел, досточтимый соня, — смиренно ответил Бирджу. — сейчас же спускайся вниз. — И он соскользнул со столба.

Через некоторое время появился Дада. Разбудить Мунни и Ашу было просто: их комнаты расположены на первом этаже. Они вскоре тоже вышли на улицу. Вся операция была проведена с такой осторожностью, что никто из взрослых не проснулся.

Заметив в руках у Мунни раскрашенную коробку, Нанхе любопытствовал:

— А в ней что, Мунни?

— Моя кукла, — ответила та.

— Зачем же тащить с собой во дворец бесполезные вещи? — возмутилась Аша.

— По-твоему, это бесполезная вещь?! Да я без нее и дня не проживу в вашем дворце, — рассердилась Мунни.

— Тогда я тоже захвачу свою куклу, — категорически заявил Нанхе.

— Неси, кто тебе не разрешает, — милостиво согласилась Мунни. — Иди за своей кривоножкой.

— Эй, Мунни, не обзывай так мою куклу, а то поссоримся. Во всем квартале такой не найдешь! — вспыхнул Нанхе.

— Ну ладно, потом разберетесь, чья лучше, — вмешался Дада. — Беги, Нанхе, беги за своей куклой.

Нанхе побежал домой и через несколько минут вернулся с куклой.

Бирджу, которому было поручено отвечать за имущество, начал сверять его со списком. Как и следовало ожидать, там многого не хватало, но зато оказалась лишней одна шкатулка.

— А это кто принес? — показывая на шкатулку, спросил Бирджу.

— Я, — ответила Мунни.

— А что в ней?

— Вещи моей куклы.

— Ого, да она, оказывается, с приданым сюда пожаловала! — удивилась Аша.

— Ты не смейся, Аша! — топнула ногой Мунни. — Как же она без них будет умываться утром? Как она будет кушать? Как будет причесываться? Спать? Да ей ни минуты нельзя оставаться без них.

— Разве твоя кукла умывается? — удивился Дада.

— А ты думал, она такая же ленивая, как Аша, которая умывается раз в неделю? — съязвила Мунни.

Нанхе молчал. Ему стало стыдно: ведь он никогда не купал свою куклу, не кормил ее и не укладывал спать. Поэтому, когда Мунни говорила о своей кукле, ему ничего не оставалось делать, как прятать от стыда глаза. Он только думал про себя, что когда они придут во Дворец духов, то он каждый день будет умывать и кормить свою куклу, чтобы Мунни потом не дразнила его.

— Ну, мы когда-нибудь тронемся отсюда? — устало поинтересовался Бирджу. — Надоели эти кукольные разговоры.

— Верно, хватит терять попусту время, — поддержал его Дада.

Дада и Бирджу взвалили на спины два огромных мешка, и ребята двинулись к Дворцу духов устраивать новую страну — Страну Детей.

Глава 6

И вот пятеро храбрецов с огромными мешками остановились у ворот Дворца духов, где им предстояло основать Страну Детей.

— Бирджу! — торжественно обратился к приятелю Дада. — Перед нами ворота в нашу новую страну. Тебе предоставляется право открыть их!

— Это неправильно, Мохан-дада, — тотчас возразил Нанхе, — ворота в новую страну должна открывать рука полководца. Вот ты и открой.

— Ладно, тогда я открою, — согласился Дада и, засучив рукава, направился к воротам.

— погоди, Дада, а что, если за воротами духи притаились? — предостерегла Мунни.

Дада сразу сник от этих слов. Всю его храбрость как ветром сдуло.

— Верно, как бы там действительно не оказались духи, — пролепетал он, пятясь назад. — А то не заметишь, как схватят и проглотят. Они же невидимые...

Бирджу тоже почувствовал себя неважно от таких разъяснений.

Ему стало страшно, и он стыдливо потупился.

— Дада, пусть духи невидимые, но разговаривать-то они наверняка умеют. Ты покричи погромче, может, они и откликнутся, — посоветовал Нанхе.

— Верно, Дада, покричи, — поддержала его Аша.

— Возьми да и покричи сама! — огрызнулся Дада. — Чего вы ко мне привязались?

— Я?! Да они меня и не услышат. Пусть тогда уж Бирджу. У него это здорово получается, — увернулась Аша.

Бирджу храбро сделал полшага вперед и громко крикнул:

— Эй, духи, вы здесь? Духи, а духи, отвечайте!
Кругом по-прежнему было тихо.

— Пошли, зря испугались. Никаких там духов нет, — подпрыгнул от нетерпения Нанхе.

— Открывай, Дада, открывай. Видишь, там никого нет, — подбодрила Аша.

Но Дада стоял не двигаясь и смотрел на ворота так, будто за ними начиналась дорога в загробный мир.

— А давайте откроем ворота все вместе, — несмело предложила Мунни.

— Вот это правильно! — обрадовался Дада, все еще поеживаясь от недавно пережитого страха.

Пятеро героев изо всех сил дружно навалились на массивные, окованные железом ворота, но они даже не шелохнулись.

— Что же будем делать? — разочарованно протянула Аша.

— Давайте толкнем еще разок, — предложил Бирджу, засучивая рукава.

Дада задумчиво почесал подбородок. Попасть во Дворец духов оказалось не так-то просто!

Бирджу стал молча прохаживаться у ворот.

— Может быть, духи изнутри их закрыли? — предположила Аша.

— Долго же ты думала, — сочувственно посмотрев на Ашу, сказал Нанхе. — Я давно уже догадался, что они заперли их изнутри.

— Тогда, может, через ограду перелезем? — несмело предложила Мунни.

— Верно! — сразу оживился Дада.

Бирджу даже заплясал от радости. Он вспомнил, как однажды, бегая вдоль ограды дворца, он заметил, что в одном месте каменная стена сильно разрушена.

— За мной! Я проведу вас во дворец, — сказал он, гордо выпятив грудь.

Все покорно поплелись за Бирджу.

— Здесь! — показал он на полуобвалившуюся ограду.

Дада мысленно прикинул высоту стены.

— Ну вот ты и лезь первый, — сказал он Бирджу.

Тот смущенно засопел.

— Мое дело показать вам самое удобное место, а как перелезть — сами думайте.

— И что вы над такой ерундой голову ломаете! — воскликнул Нанхе. — Подумаешь, перелезть через забор. Да это совсем просто!

— Ты бы лучше показал, как перелезть надо! — возмутилась Аша.

— А как? — поинтересовалась Мунни.

Не ответив на ее вопрос, Нанхе скомандовал:

— Мохан-дада, становись петухом!

— Все опешили: Нанхе приказывает вожаку становиться петухом!

Ошеломленный Дада уставился на Нанхе.

— А ну-ка поторапливайся! — продолжал распоряжаться Нанхе. — Вставай, Дада, вставай. На тебя — Аша, потом Бирджу, на Бирджу — Мунни, а я по вашим плечам заберусь на стену.

Дада засмеялся.

— Ай да Нанхе! — похвалила Аша. — Да ты, оказывается, иногда умные вещи предлагаешь.

— «Иногда, иногда»! — передразнил ее Нанхе.

Сам-то твердо был уверен, что всегда предлагает умные вещи.

Глава 7

Все встали так, как предложил Нанхе: в самом низу на корточках стоял Мохан, на его плечах Аша, на Аше — Бирджу, а на Бирджу — Мунни. Нанхе, словно по лестнице, забрался на самый верх. Но тут он

обнаружил, что до верха еще далековато. Тогда Нанхе подпрыгнул, ухватился за выступ и благополучно взгромоздился на стену.

Прыжок сильно повлиял на устойчивость «петушиной» пирамиды. У Аши стали подкашиваться ноги от напряжения. Но совсем плохо было Даде. У него так заболела спина, что он не выдержал и закричал:

— Эй, эй! Вы что там танцуете?! Лезьте осторожнее, а то раздавите меня!

Когда Нанхе схватил Мунни за руки и стал тащить вверх, она неосторожно толкнула ногами Бирджу, и все «петухи» с грохотом рухнули на землю. Бирджу перевернулся в воздухе и откатился в сторону.

— Ой-ой-ой! — завопил сверху Нанхе. — Разбились! Держите скорее Мунни, а то я сейчас тоже полечу!

Мунни, которую за руки держал Нанхе, покорно висела на стене. Страхивая с себя пыль, поднялись Аша и Бирджу.

— Если не можешь держать, — громко причитал Бирджу, — сказал бы раньше!

Дада в это время стоял, прижавшись к стене и поддерживая за ноги Мунни.

— Иди скорее сюда, — рассердился он, — становись петухом, не то Мунни сейчас тоже шлепнется!

Но Бирджу распалился еще больше:

— Пропади пропадом твоя Мунни! Что я теперь буду делать с моей коленкой?

— Расшумелся из-за какой-то чепуховой царапины. Почти ничего и не видно! — возмутилась Аша.

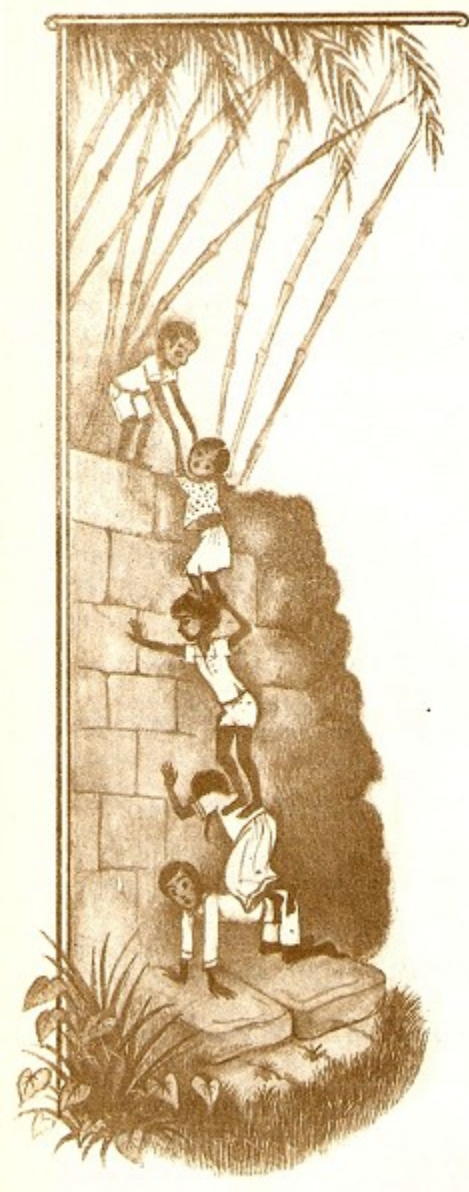
— «Не видно»! — пуще прежнего кричал Бирджу. — Тебе бы такую царапину. Ты сразу бы вспомнила маму с папой. Что я, притворяюсь, что ли?

По правде говоря, ему несколько не было больно. Его обидело, что никто ему не посочувствовал.

А Мунни в это время, дрожа от страха, покорно ожидала своей участи.

— Бирджу, а Бирджу, — вдруг заговорила она смиренным голосом, — ты, конечно, сильно ушибся, но если ты сейчас не поможешь мне, то я тоже упаду. А ведь я маленькая...

Мольба Мунни подействовала: Бирджу подошел к стене и опустился на корточки. Дада осторожно, придерживая Мунни за ноги, забрался к нему на спину и чуть приподнял девочку. Нанхе поднатужился и втащил ее на стену.

«Петушиную» пирамиду пришлось повторять несколько раз, пока Аша и Бирджу не оказались наверху. Внизу остался Дада и два тяжелых мешка. Как он ни пытался самостоятельно забраться на стену, у него ничего не получилось.

— Ну что-ж, — кротко вздохнул Нанхе, — ничего не поделаешь, Дада, придется тебе идти домой. Мы здесь вчетвером будем жить.

Мохан-дада остолбенел от такого коварства. Бирджу с негодованием посмотрел на Нанхе.

— А почему бы тебе не пойти домой?

— Тогда скажи, как его поднять наверх? — беззлобно огрызнулся Нанхе.

— Так и говори, а то болтает какую-то чепуху, — рассудительно заметила Мунни.

— Подавай мешки, Дада, — сказал Бирджу.

— Значит, бросаете меня? — голосом, в котором звенела обида, спросил Дада.

— Кто тебе сказал, что бросаем? Я же прошу подать мешок. Только когда будешь подавать второй, то привяжись к нему сам. Попробуем вместе с мешком тебя сюда втащить.

Дада сразу повеселел и тут же подал мешок наверх. Но когда Бирджу стал поднимать его, Дада изо всех сил вцепился в лямки мешка.

— Что ты делаешь? Отпусти! — завопил Бирджу. — Мы тебя с другим затащим.

— А-а! — разочарованно вздохнул Дада.

Аша, Нанхе и Мунни стали потешаться над торопливостью своего предводителя. Бирджу втащил первый мешок. Дада привязался ко второму и протянул его приятелю.

— Ну, теперь держись крепче! Нанхе, ты мне тоже помогай, — сказал Бирджу.

Но затащить на стену такой груз оказалось не так-то просто. Сколько ребята ни старались, ни мешок, ни Даду сдвинуть с места не смогли. Поднатужились еще раз. К ним присоединилась Мунни, и они чуть приподняли тяжелую ношу. Воодушевленные успехом, ребята изо всех сил рванули мешок на себя. Ашатут же схватила Даду за руку, Бирджу за другую, и вожак с мешком оказался наверху.

— Смотрите! — закричал Нанхе, показывая рукой. — Дом Ямы ^[4]! Ну что, будем спускаться или болтать?

— Что ж, спускайся, — сказал Бирджу.

— «Спускайся»! — передразнил его Дада. — По-твоему, это проще, чем мух бить...

— Идите за мной, — скомандовал он и двинулся по стене.

Ребята последовали за ним.

— Здесь!

— Здесь? — переспросил Бирджу и с удивлением посмотрел вниз.

Стена была намного выше той, через которую они перелезали, но зато в ней были выбоины, по которым можно было легко спуститься.

Глава 8

Вскоре ребята оказались на влажной заросшей высокой травой лужайке.

— Ну вот мы и пришли, — торжественно объявил Дада. — Теперь нужно обдумать дальнейший план.

— Только побыстрее думай, — почесывая ноги, облепленные комарами, посоветовал Нанхе.

— А что тут долго думать? Теперь нужно найти пять хороших комнат для жилья, — сказала Аша.

— Вах-вах! Что она говорит, — передразнил Бирджу Ашу, — кто же тебе их здесь приготовил?

Комары добрались и до Мунни.

— Мы долго здесь будем стоять? — закричала она, с остервенением хлопая себя по ногам.

— Послушай, Мунни! — рассердился Дада. — Когда идет деловой разговор, ты не суй свой нос. Ну что ты вертишься как ужаленная?..

В это время комары облепили Даду. Он взвился от боли и бросился бежать. За ним кинулись остальные.

— Уф! Кажется, убежали от комаров! — облегченно вздохнул Дада, почесывая искушенные ноги.

— Я тебе давно говорила, что надо оттуда выбираться, — пробурчала Мунни.

Но Дада не обратил внимания на ее слова. В таких случаях он предпочитал молчать, потому что спорить с девчонкой, да вдобавок маленькой, считал ниже своего достоинства.

— Ну, так что будем делать? — возвратился к прерванному разговору Бирджу.

— Мы во Дворце духов, — торжественно начал Дада. — Сейчас нам нужно найти его хозяев и подружиться с ними. Итак, задача ясна.

— Нет, Дада, прежде всего подумай о ночлеге для нас с Бирджу. Ведь мы всю ночь не спали, — сказал Нанхе, потирая глаза.

— Почему ты всегда заботаешься только о себе? — возмутилась Мунни. — Подумаешь, не поспал ночь!

— А ты почему не заботаешься о других? — рассердился Нанхе.

— Не поспала бы ночку, небось не так бы запела, — поддержал его Бирджу.

— Не сердись, Бирджу, — примирительно сказала Аша. — Вот подружиться с духами, тогда и поспите. А когда мы найдем хорошую комнату, где будет много столов, стульев, мягких — прямигких постелей...

— А для моей куклы будет маленькая кроватка? — поинтересовалась Мунни.

— Не будет, так попросим у духов. Разве они не исполнят такой пустяк для своих маленьких друзей? — покровительственным тоном сказала Аша.

— А для моей тоже будет? — спросил Нанхе.

— Для твоей хромоножки кроватку не обязательно просить, — вмешалась Мунни.

— Я уже сколько раз говорил тебе, Мунни, — рассвирепел Нанхе, — чтобы ты не обзывала так мою куклу! Говорю тебе последний раз!

— А ну, хватит вам разбирать кукольные дела! — прикрикнул на малышей Бирджу. — Лучше подумайте, как с духами подружиться.

— Как же ты с ними хочешь подружиться, если их нигде не видно! По-моему, здесь вообще никого нет, — сказал Мохан-дада.

— Пошли лучше себе комнату искать, может быть, и встретим кого, — предложила Аша.

— Ну что же, пошли, — нехотя согласился Дада и направился к парадному входу дворца.

Широкая площадка перед входом была выложена белыми мраморными плитами, потрескавшимися и почерневшими от времени. Ступени из полированного красного песчаника разбиты. Возле лестницы, в густой траве, валялись обломки каких-то диковинных статуй. Дикий виноград и лианы густо оплели разбитые оконца из белого резного мрамора, расположенные с обеих сторон входа. Дада подошел к двери и с силой толкнул ее. Дверь со скрипом отворилась.

— Ду-у-ухи... — выдохнул Дада и отпрыгнул в сторону.

Нанхе, дрожа от страха, прижался к Аше, а Мунни спряталась за их спины. У Бирджу задрожали ноги. Все испуганно уставились на дверь, но все было спокойно. Ребята немного осмелели.

— Да нет здесь никаких духов, — слегка заикаясь, проговорил Бирджу.

— Д-д-д-должны быть, — дрожащим голосом пролепетал Дада.

— Если они есть, то почему не показываются? — обратилась Мунни к Даде.

— Что же будем делать? — спросил Бирджу.

— По-моему, надо возвращаться домой, — сказал Нанхе.

Вдруг Аша громко расхохоталась. Ребята в недоумении посмотрели на нее.

— Что с тобой, Аша? — удивилась Мунни.

Но Аша продолжала хохотать пуще прежнего.

— Дада, по-моему, в нее вселился дух, — прошептал на ухо Даде Бирджу. — Ее скорее нужно отвести к Джарпару-бабу. Когда в дядю Раму вселился бес, то Джарпар-бабу выгнал его.

— Эх вы, храбрецы! Пустой комнаты испугались, — наконец успокоилась Аша, — Никого здесь нет.

— Ну теперь-то пойдём? — с облегчением рассмеялся Дада. — Действительно, комната пустая.

Ребята один за другим вошли внутрь. Аша была последней. И едва она переступила порог, как от порыва ветра дверь захлопнулась.

В комнате сразу стало темно, как ночью.

— Д-д-дай ск-скорой фо-фо-фонарь, Нанхе, — дрожащим голосом проговорил Бирджу, — а то-о ничего не видно.

— Сейчас! — с готовностью откликнулся Нанхе, пытаясь вытащить застрявший в кармане фонарь.

— Ты-ты-ты ведь не боишься, Нанхе? Н-не-не бойся. Духов не надо бояться, — пробормотал Бирджу.

— К-к-кто ска-ска-сказал, что я боюсь? — храбрился Нанхе, шаря в темноте дрожащей рукой, чтобы передать товарищу фонарь.

— А п-п-почему у тебя ру-ру-руки трясутся, Б-б-бирджу? — заикаясь, спросил Нанхе.

— К-к-кто ска-сказал, что трясутся? — возразил Бирджу, — Да я ни-ни-ничего не боюсь.

Он включил фонарь.

— Б-б-быстрее открывай дверь, а то ничего не видно, — стараясь не выдать свой страх, сказал Дада. В темноте ему чудились какие-то тени.

— С-с-сейчас, — покорно согласился Бирджу и, подойдя к двери, изо всех сил толкнул ее. Но дверь даже не шелохнулась.

— Не-не-не открывается, — в отчаянии пролепетал он.

— Эх ты, с таким пустяком справиться не можешь! — досадливо пристыдил его Дада и потянул дверь на себя. Она не открывалась.

Глава 9

Когда после нескольких попыток дверь открыть не удалось, пятеро храбрецов испугались не на шутку. Еще бы не испугаться, если дверь захлопнулась сама по себе... «Тут что-то похожее на колдовство», — подумали они.

— Ты знаешь, Дада, — возбужденно зашептал Бирджу, — с нами как с раджей Чандрасеном получилось, когда он к колдунам попал. Там тоже дверь сама закрылась и...

— По-моему, духи узнали, что мы пробрались к ним во дворец, вот и решили запереть нас в этой комнате, — перебила его Аша.

— Как же мы теперь домой попадем? — всхлипнул Нанхе. — Это ты во всем виноват, Бирджу!

Но Дада виновницей всего происшедшего считал Ашу.

— Это ты нас сюда затащила, — зашипел он на Ашу. — Теперь думай, как отсюда выбираться. Говорили

тебе, что за дверью духи...

— Ты на меня вину не сваливай, Дада, — сердито прошептала в ответ Аша.

— Выходит, я во всем виноват? — разъярился Дада.

— Напрасно сердисься. Никто тебя не обвиняет, — не сдавалась Аша.

— Перестаньте ссориться, — вмешался Бирджу. — Давайте лучше подумаем, как нам выйти отсюда. Не вечно же торчать в этой комнате.

— Ничего теперь не придумаешь, — с досадой проворчал Дада.

— Бирджу, дай-ка мне скорее фонарь, — вдруг нетерпеливо просипел Нанхе.

На стене появилось расплывчатое бледное пятно. Через мгновение оно, вздрагивая, медленно поползло в сторону. Притихшие ребята с недоумением и любопытством следили за ним.

— Дверь!! — вдруг завопил Дада. — Здесь еще одна дверь!

— Угу, — дрожащими губами улыбнулся Нанхе, испуганный не столько неожиданным криком Дады, сколько своим открытием.

Дада подбежал к полуоткрытой двери и в нерешительности остановился.

— Ты что встал? Иди дальше, я посвечу, — подбодрил его Нанхе.

Дада несмело вошел в комнату.

— Ой-ой-ой! — вдруг закричал он, бросаясь назад, и в темноте со всего маха налетел на дверь. Дверь с лязгом захлопнулась.

— По-по-можите! — вопил предводитель, колотя в дверь кулаками.

— Е-е-го, наверно, д-ду-хи едят, — заикаясь, прошептала Мунни.

— П-п-пошли спасать, — сказал Бирджу и бросился к двери. — Держись, Дада, сейчас выручим!

Все дружно навалились на дверь. Она распахнулась, и Дада с грохотом отлетел в сторону.

— Ты живой, Дада? — сочувственно обратилась к нему Мунни.

— Тебя правда дух ел? — спросил Нанхе, осветив бледное, перекошенное от страха лицо вожака.

— Не-не знаю, — ошалело глядя на друзей, пролепетал Дада. — Что-то п-п-пробежало по ногам.

— Пошли скорее отсюда, — предложила Аша.

Ребята бросились в противоположную дверь и очутились в темном коридоре. Фонарь в руках Нанхе лихорадочно метался из стороны в сторону, освещая мрачные сырые каменные стены, покрытые паутиной и плесенью.

Ребята, дрожа от страха, сбились в кучку у прохладной стены.

— Что теперь с нами будет? — захныкала Мунни.

— Замолчи, без тебя тошно! — оборвал ее Бирджу. И, обращаясь к Нанхе, приказал: — Погаси фонарь, растяпа, а то батарейка сядет.

Нанхе поспешно погасил фонарь и прижался к Даде.

— Куда теперь пойдём? — уныло пробормотал Дада. Мунни жалобно всхлипнула.

— Да перестань ты ныть! — не выдержал Бирджу.

Девочка замолкла и уткнулась мокрым лицом в грудь Аши. Та молча погладила ее по голове и вздохнула. Ребята тихо стояли, тесно прижавшись друг к другу, предаваясь невеселым мыслям. Прошло уже довольно много времени, но они так и не придумали, что им делать дальше.

— Нечего стоять, пошли искать дорогу, — сказал Бирджу.

Нанхе включил фонарь, взял Бирджу за руку, и ребята двинулись вперед. Вскоре они дошли до конца коридора. Но... там никакого выхода не было — коридор заканчивался глухой каменной стеной.

— А где же здесь дверь? — спросил Нанхе, в голосе которого было больше недоумения, нежели страха.

Аша в изнеможении оперлась на какой-то выступ в стене, и... в тот же момент раздался громкий скрежет. Нанхе с перепугу погасил фонарь. В лица ребят пахло прохладным затхлым воздухом.

Лязгая от страха зубами, Дада пробормотал что-то нечленораздельное.

— Ой, мама! — заревела Мунни. — Духи!

— Ф-ф-фонарь скорее за-зажги! — дрожащим голосом попросил Бирджу.

Нанхе, у которого от страха одеревенели пальцы, никак не мог нащупать кнопку фонаря.

— Ч-ч-чего возишься? — нетерпеливо прошипел Бирджу.

Вспыхнул фонарь, и изумленные «герои» увидели, что стена коридора отодвинулась в сторону, открыв вход в большой просторный зал. В противоположной стене виднелась дверь, прикрытая полуистлевшим золотисто-красным парчовым пологом.

Бирджу тут же бросился к двери.

— Куда ты? — остановила его Мунни.

— Не мешай! — прикрикнул на нее Дада.

А в это время Бирджу уже изо всех сил навалился на дверь, и она распахнулась. Свежий ветер и солнечные лучи ворвались в зал.

— Уррра! — дружно закричали ребята.

— Ой, да там сад! — удивленно воскликнула Мунни.

Все в изумлении застыли на месте: густой зеленой стеной стояли деревья, увитые лианами, и кусты, усыпанные цветами. С деревьев гроздьями свисали личи [\[5\]](#).

— Сколько здесь личи! — выбежав в сад, захлопала в ладоши Аша, которая очень любила эти ягоды.

За ней из комнаты степенной походкой вышел Дада.

Солнце стояло уже высоко, а у ребят с утра крошки во рту не было.

И когда они увидели на деревьях плоды, в животах у них заурчало так, словно там кошки мышей ловили.

Мунни стала бегать от дерева к дереву и рвать все, что попадалось под руку. Фруктов в саду было видимо-невидимо. Бирджу забрался на манговое дерево и начал с удовольствием уплетать спелые сочные плоды. Дада залез на персиковое дерево.

А Нанхе, ошеломленный изобилием фруктов, растерянно бродил по саду, не зная, чему отдать предпочтение.

— Эй, Нанхе! — окликнула его Аша. — Хочешь личи? — и, сорвав гроздь ягод, бросила ему.

Подошла Мунни.

— Нанхе, — жалобно сказала она, — что же нам делать?

— Откуда я знаю, что нам делать! — отмахнулся Нанхе, — У самого глаза разбегаются: хочется всего попробовать.

— Как же быть? — не отставала Мунни.

— Вот глупые! — засмеялась Аша. — И чего вы растерялись? Пробуйте всего понемногу. Еще успеете всего поесть как следует. Нам же здесь долго жить.

«А ведь она права: чего тут раздумывать? Никуда это от нас не уйдет. Каждый день будем пробовать всего понемногу». — И ребята побежали к груше.

Глава 10

Наевшись манго, Бирджу с трудом сполз с дерева и поплелся искать своих друзей. Отяжелевший и сонный, он шел по саду, спотыкаясь о корни деревьев. Увидев Мунни, сидевшую на груше, Бирджу устало поинтересовался:

— Ну как, все еще не наелась?

— Ох, тяжело! Боюсь лопнуть. Но эта уже последняя.

И Мунни вонзила зубы в большую сочную грушу.

Вскоре к ним подошли Дада и Аша. Дада с кряхтением развалился на зеленой шелковистой траве.

— Как здесь здорово! — восторженно сказала Аша. — Ни родителей, ни учителей. Красота!

— А по-моему, здорово то, что здесь до сих пор не появился ни один дух, — добавила Мунни, спускаясь с дерева.

— Не спеши. Вот наступит ночь, тогда вдоволь насмотришься на них, — успокоил ее Дада и перевернулся на другой бок.

— Я засыпаю, Дада, — пробормотал Бирджу. — Умираю, как спать хочу.

— Быстро ты раскис, Бирджу. Посмотри на Нанхе: меньше тебя и то держится. А ведь он тоже всю ночь не спал, — укоризненно произнес Дада.

При этих словах ребята оглянулись вокруг и, не обнаружив Нанхе, растерянно посмотрели друг на друга.

— Где же Нанхе? — удивленно спросила Аша.

— Где ему быть... Наверно, сидит на каком-нибудь дереве и объедается, — беззаботно заметила Мунни. — Живот-то у него хотя и маленький, да вместительный.

Дада приподнялся и с беспокойством посмотрел на ребят.

— Ты что, Дада? — спросил его Бирджу.

— Да я... я думаю, куда же мог пропасть Нанхе? — озабоченно пробормотал Дада.

— Да никуда он не пропал. Где-нибудь в саду болтается. Придет, — сладко зевнув, успокоила его Мунни.

Время шло, но Нанхе не появлялся. Ребята забеспокоились. Прошло еще полчаса.

Наконец Бирджу не выдержал:

— Дада, а может быть, Нанхе нас найти не может?

— Пошли его искать, — решительно сказал Дада, — но только все вместе, а то еще кто-нибудь потеряется.

Ребята вскочили и дружно принялись за поиски. Они облазили весь сад, устали, искололись о колючую траву и кустарники, но Нанхе словно сквозь землю провалился.

— А вдруг его духи утащили? — опасливо спросила Мунни.

Дада и сам уже начал так подумывать. В самом деле, не мог же Нанхе ни с того ни с сего исчезнуть!

— А какие он фрукты больше всего любит? — спросил Дада. — Его наверняка нужно в том месте искать.

— Ему сегодня все хотелось перепробовать, — сказала Мунни.

Пока ребята переговаривались, беднягу Бирджу совсем разморило.

Исколотые ноги гудели от усталости и едва держали своего хозяина.

Вдобавок ко всему Бирджу изнывал от жажды.

— Дада, — простонал он, — пить очень хочется. Где бы водички достать?

Ребята, занятые поисками Нанхе, наверно, вообще не вспомнили бы, что хотят пить, если бы не Бирджу.

— И мне хочется пить, — облизнула пересохшие губы Мунни.

— Неужели в саду нет колодца? — упавшим голосом произнес Бирджу и устало опустил на траву.

— Нет тут никакого колодца, — сказала Аша. — Пока мы искали Нанхе, я все время смотрела по сторонам.

У Дады голова кругом пошла от забот: пропал Нанхе, все устали и хотят пить. «Уж лучше жить среди взрослых, чем попасть в такое положение, — тоскливо подумал он, — Но теперь поздно отступать. Без Нанхе дома не появишься. Если его брат узнает, что Нанхе остался во Дворце духов, то он меня на части разорвет».

— Нашелся! Нанхе нашелся! — вдруг закричала Мунни.

— Где он? — спросили все в один голос.

— Да вон он, — показала Мунни на дерево метрах в десяти от них.

И действительно, под деревом в густой траве, мирно посапывая, спал Нанхе.

Глава 11

Бирджу словно огнем обожгло, когда он увидел спящего Нанхе, «Ночью надул меня и сейчас дрыхнет! А я до сих пор ни на минутку глаз не сомкнул!»

Дада очень вежливо растолкал Нанхе. Тот в недоумении поднялся и, протирая глаза, уставился на друзей. По выражению их лиц Нанхе тут же сообразил, что надвигается гроза. Ребята молча и сердито смотрели на Нанхе, который сосредоточенно стал тереть глаза и потягиваться, потом сладко зевнул и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой.

— Может, еще поспите немного, бабу-джи [6]? — ласково заговорил Дада. — Вы ведь очень устали? Хотите, я вам ножки помассирую?

— А я головку, — в тон Даде сказал Бирджу. — Аша песенку колыбельную споеет...

— Зачем вы беспокоите господина? — не удержалась Аша. — Разве не видите, что он о чем-то задумался.

Нанхе, хлопая глазами, удивленно смотрел на ребят.

— Да ты что, Дада? Разве ты не узнал меня? — испуганно спросил он. — Это я, Нанхе. Ведь я же с вами пришел во Дворец духов...

— Да, повелитель, мы это знаем... А вот знаешь ли ты? — сердито обрушился на него Дада.

— Что? А что случилось? — еще больше удивился Нанхе.

— Так вот знай! Пока ты дрых, мы тебя по всему саду искали, все ноги себе искололи, — объяснила Нанхе Мунни. — О других ты не думаешь! Тебе бы только поспать!..

Бирджу, не в силах выразить свой гнев, сердито смотрел на Нанхе.

Нанхе наконец сообразил, что ребята рассердились на него из-за того, что он уснул. Сладко потянувшись, Нанхе лучезарно улыбнулся:

— Пить хочется, у тебя нет водички, Дада?

Все остолбенели от такой наглости. А Нанхе, решив, что конфликт улажен, продолжал безмятежно улыбаться, поглядывая на друзей.

Бирджу едва сдержался, чтобы не наброситься на Нанхе и не отколотить его. Аша была готова съесть его живьем.

— Ты что, нас своими слугами считаешь? Мы все ноги изранили пока тебя искали! Ишь ты, воды захотел! — дал волю своему гневу Дада.

— Воды подавай ему! А мы что, по-твоему, пить не хотим? — рассердилась Мунни.

Тут Нанхе понял, что без хитрости не обойтись, и, чтобы разжалобить рассерженных друзей, громко всхлипнул и заговорил, шмыгая носом:

— Зря вы на меня, ребята, обиделись. Я совсем не виноват. Не успел с дерева слезть, как мне тут же спать захотелось. Разве я виноват, что я самый маленький и целую ночь не спал. Как же я мог бороться со сном? — При этом Нанхе изо всех сил старался выдавить слезу, но у него никак не получалось.

Дада озадаченно уставился на всхлипывавшего Нанхе. «Верно, — подумал он, — взрослые и те не могут бороться со сном. А что мог поделать Нанхе? Ведь он вправду не спал целую ночь. Кто виноват, что так

получилось?» В душе Дада уже начал жалеть маленького приятеля. Но Бирджу не думал так быстро сдаваться.

— Я тоже не спал целую ночь и, как видишь, до сих пор не сплю, — сказал он.

— Ты ведь вон какой богатырь, Бирджу, — потупившись, робко возразил Нанхе.

Бирджу даже поперхнулся от неожиданной лести. Плечи его непроизвольно расправились, и он тут же позабыл о всех своих обидах. Сердца четырех друзей, растроганных покорностью Нанхе, переполнились любовью к нему. Гнев был сменен на милость. Все, не сговариваясь, пришли к единодушному решению: виноват не Нанхе, а сон.

Заметив это, Нанхе бодрым голосом спросил:

— Так дадите попить? У меня в горле пересохло.

— Нет воды, Нанхе, — ласково ответила Аша, — я сама умираю от жажды. С утра во рту капельки не было.

— Неужели в саду колодца нет или бассейна? — удивился Нанхе.

— Где-то должна быть вода, только мы ничего не нашли, — рассудительно заметила Мунни.

— Во дворце мы наверняка найдем ее, — ответил Дада.

— Тогда пошли искать, не то я умру от жажды! — воскликнул Нанхе.

Солнце клонилось к закату.

— Ну так пойдём или будем целую ночь здесь торчать? — нетерпеливо топнула ногой Аша. — Ведь нам еще для ночлега нужно место найти.

— Верно, — поддержал ее Дада, поднимаясь, — нельзя терять ни минуты.

Вслед за ним поднялись и остальные. Вдруг Дада неожиданно вспомнил:

— Да ведь мы сегодня ничего не ели!

— Я, например, не есть, а пить хочу, — сказала Аша.
— А я — спать, — пробурчал Бирджу.
Вдруг раздался ликующий крик Мунни:
— Нашла! Воду нашла!
— Где? — разом повернулись к ней ребята.
— Потом скажу, — загадочно улыбнулась Мунни.
Сначала мне скажите, видели ли в этом саду кокосовые пальмы?
— Я видел. Вон там, — недоумевающая, ответил Нанхе и показал рукой.
— Ну вот и пойдем туда, — сказала Мунни.
— Но там нет нигде воды, — сказал Нанхе, — я уже все облазил.
— Нет, есть, — упрямо повторила Мунни.
— Откуда ты знаешь? — спросил Дада.
— Откуда, зачем да почему! Пойдемте, там все и узнаете.
У ребят не было настроения спорить с Мунни, и они покорно поплелись за ней. Когда подошли к пальмам, Мунни скомандовала:
— А теперь, Бирджу, полезай на пальму и срежь орехи.
Тут все догадались, какой «водой» хочет напоить их Мунни. И похвалили ее за смекалку.
Вскоре сверху посыпались кокосовые орехи. Ребята быстро собрали их и, разбив о камень, с удовольствием напились вкусного прохладного сока.

Глава 12

Утолив жажду кокосовым соком, ребята стали думать о ночлеге.
— А не уснуть ли нам где-нибудь в саду, Дада? — предложил Нанхе.

— А если ночью духи придут? — напомнила ему Мунни.

— Вот и хорошо, — сказал Дада, — сегодня ночью мы должны подружиться с ними. Тогда-то уж мы устроим Страну Детей.

— А какие они... духи? — спросил Нанхе.

— Сам увидишь, какие они бывают. Теперь уже недолго осталось ждать, — успокоил Бирджу, потирая глаза.

— Ну хватит болтать! Скоро ночь, а мы до сих пор не знаем, где будем спать, — сказал Дада и, одернув рубашку, зашагал ко дворцу.

Ребята торопливо двинулись за своим предводителем. Подойдя ко дворцу, Дада остановился и растерянно стал осматриваться по сторонам.

— Ну чего ты остановился? Пойдем дальше или как истуканы будем на месте стоять? — нетерпеливо спросил Бирджу.

— Куда идти? Надо сначала подумать, в какую дверь лучше входить, — сказал Дада, почесывая затылок.

— Что ты всё время чешешься? У тебя в голове насекомые завелись, что ли? — рассердилась Аша, которой надоели беспрестанные почесывания Дады.

— Аша!.. — свирепо посмотрел на нее Дада.

— Я хотела узнать, до каких пор мы будем здесь стоять, — стушевалась Аша, которая хотя и не считалась с авторитетом своего командира, но все же побаивалась его.

— Правильно говорят: у кого что болит, тот про то и говорит. Это у тебя, наверно, блохи завелись, — неожиданно возмутилась Мунни, которой не понравилось, что Аша пренебрежительно относится к Даде.

Поддержка Мунни несколько успокоила Даду, но в душе он все же решил проучить Ашу, да так, чтобы

впредь она больше не язвила в его адрес. Но как? И тут его осенило...

Испуганно вобрав голову в плечи, Дада широко раскрыл глаза и громко прошептал:

— Смотрите, дух! Дух перед нами!..

Бирджу, засыпавший стоя, при слове «дух» вздрогнул и оглянулся.

Нанхе быстро прижался к Аше, и Мунни юркнула за спину Дады.

— Г-г-где? — спросила Аша.

— Вон стоит! Видишь? Он улыбается, — показал пальцем Дада.

Нанхе еще сильнее прижался к Аше и, испуганно моргая глазами, посмотрел в ту сторону, куда показывал Дада. Мунни вцепилась в рубашку Дады. У Бирджу предательски задрожали коленки.

— А я что-то ничего не вижу, Дада, — выдавил наконец Бирджу.

— Да вон он стоит, возле двери, — зашептал Дада. — У него огромная пасть, нос, как хобот, глаза словно тарелки...

Ребята задрожали от страха, Бирджу засопел, с унылой безнадежностью поглядывая то на дверь, то на Даду.

Дада не унимался:

— ...ноги высотой с дом, руки длинней дерева, а уши...

— А у нн-него вв-волосы е-е-есть? — пролепетал Нанхе.

Но Дада, не слушая его, продолжал:

— ...уши, как у слона... Ой, он шевелится... Идет! В нашу сторону идет. Спасайтесь!

Услыхав последний призыв командира, ребята со всех ног бросились бежать. Дада бежал следом и кричал:

— Еще быстрее, не то сцапает, еще быстрее...

Ребята неслись без оглядки от страшного духа. Но Дада продолжал подзадоривать и без того потерявших голову друзей.

— Аша! Быстрее! Дух гонится за тобой!

Аша задыхалась от быстрого бега. Но, услышав, что дух стал преследовать ее, она собрала все силы и со скоростью ветра рванулась вперед.

Бирджу, выбившись из сил, остановился, обхватил дерево и стал покорно ожидать своего конца. Нанхе споткнулся, кубарем покатился по траве и затих. Мунни забилась в густой колючий кустарник.

— Еще быстрее, Аша, еще быстрее! Дух не отстает от тебя! Беги влево! Теперь вправо!.. Опять влево!.. Не останавливайся!

Аша четко выполняла команды Дады. Она совершенно выбилась из сил. Наконец, обессилив, Аша тяжело шлепнулась на траву и закрыла глаза. «Конец, — пронеслось у нее в голове, — сейчас дух проглотит меня...»

Глава 13

Прошло много времени, но никто не притрагивался к Аше.

«Почему дух до сих пор не проглотил?» — с удивлением подумала она, не открывая глаз.

— Дух убежал! Он убежал, Аша! — донесся до нее голос Дады.

Тогда Бирджу оторвался от дерева. Из кустов показалась голова Мунни. Нанхе, который до этого лежал, закрыв лицо руками, поднялся и опасно посмотрел по сторонам.

— Ко мне! Идите все ко мне! — закричал Дада. — Духа уже нет. Он убежал!

Ребята неуверенно направились к нему. Только Аша, не открывая глаз и скрючившись, продолжала лежать на земле. Тут Дада испугался не на шутку: он решил, что Аша потеряла сознание, и быстро подбежал к ней.

— Аша! Аша! Что с тобой? — испуганно спросил он.

— Д-д-д-дух... дух! — пролепетала Аша, не открывая глаз, и, нащупав руку Дады, судорожно вцепилась в нее.

— Дух убежал, Аша, — успокоил ее Бирджу.

— Эх ты, а еще большая! Духа испугалась, — пристыдила ее Мунни.

Дада, глядя Ашу по голове, успокоил ее:

— Нет его уже здесь. Вставай. Какая ты трусиха — духов боишься!

Узнав, что опасность миновала, Аша вскочила:

— Это кто говорит, что я духов боюсь? Да я вас просто разыграла.

— Вот оно что! — ехидно протянула Мунни.

— Дада, а почему мы его не видели? — не отвечая на вопрос, спросила Аша.

Дада смутился, не зная, что ей ответить.

— Сам не знаю, — сказал он. — Но, наверное, потому, что духов могут видеть только те люди, которые всегда говорят правду.

— А наоборот не может быть, Дада, что духов могут видеть только те, кто всегда говорит неправду? — лукаво ухмыльнулся Нанхе.

— Может, поэтому вы и не увидели его, — растерянно пробормотал Дада, не поняв намека.

— А почему дух не съел Ашу? — спросила Мунни.

— А кто знает? Наверно, потому, что духи любят мальчиков, — ответил за Даду Бирджу.

— Зачем же тогда дух гнался за Ашой, если не хотел ее съесть? — не унимался Нанхе.

— Вот чудной! Он, может, не съесть ее хотел, а подружиться, — выкрутился Дада.

«И чего я, сумасшедшая, испугалась, если дух гнался за мной не затем, чтобы съесть а подружиться?» — недоумевала про себя Аша.

Бирджу от усталости и только что пережитого страха еле держался на ногах.

— Смогу я сегодня хоть немного поспать, Дада? — жалобно простонал он.

Дада молча нагнулся, взвалил на плечи мешок и направился к дворцу.

Ребята последовали за ним. Подойдя к одной из дверей, Дада толкнул ее. Дверь отворилась с громким скрипом, и ребята очутились в большой комнате. Пахло плесенью.

Ребята увидели, что комната пуста.

Нанхе сморщил нос:

— Как мы будем жить в этой вони?

— Так же, как и духи живут, — сказал Бирджу. — Вы как хотите, а я ложусь спать.

— Здесь? — удивленно посмотрел на него Дада. — Давайте поищем получше комнату.

В это время Аша открыла другую дверь.

— Вот хорошая комната, Дада, — крикнула она, — большая и плесенью здесь не пахнет!

Ребята гурьбой направились туда. Комната всем поправилась.

Мунни оглядела ее и сказала:

— Здесь не только пятеро, а все пять тысяч поместиться смогут.

— По-моему, это дарбар [7], — высказала свое предположение Аша.

Дарбар представлял собой полукруглый зал с высоким потолком. Солнечные лучи, пробивавшиеся через маленькие окошечки из резного белого мрамора, причудливо освещали почерневшие от времени стены, на которых кое-где сохранились рисунки, изображавшие сцены битв и охоты, парадные выходы раджи. У стены, на возвышении, где, видимо, когда-то стоял трон раджи, под слоем пыли валялись ржавые сломанные доспехи, обломок копья и треснутый щит.

В зале было шесть дверей. У стен стояло несколько старинных шкафов. Даду разобрало любопытство: не лежит ли что в шкафах? Он подошел к одному из них и стал открывать дверцы. В это время Нанхе вдруг спросил:

— Дада, а почему все-таки мы духа не видели?

При слове «дух» Дада тут же отдернул руки. Бирджу вздрогнул. Аша быстро взглянула на открытую дверь. Дада сердито проворчал:

— А чего ты торопишься? Вот наступит ночь, тогда и увидишь.

— А как же ты, Дада, увидел духа под вечер, если они только ночью появляются? — продолжал допытываться Нанхе.

— Вечером только старший может увидеть духов, а ночью все остальные. Ясно!

Пока Дада разговаривал, Бирджу успел открыть один шкаф.

— Да он совсем пустой, — разочарованно сказал он.

— И этот пустой, — сказал Дада, открывая другой шкаф.

Один за другим они открыли все шкафы, но ничего там, кроме пыли, не нашли. Потом очередь дошла и до дверей. Все двери открывались в какую-нибудь комнату, и только одна дверь вела в узкую галерею, которая заканчивалась большим залом. Ребята пошли туда. К стенам зала были приделаны балконы. У передней стены находился беломраморный трон. С потолка свисали светильники, покрытые толстым слоем пыли. Ребята, пораженные таинственной обстановкой, стояли зачарованные.

— Э-э, да здесь каменный стул есть! — удивленно воскликнул Бирджу.

— А зачем он здесь, Дада? — спросил Нанхе.

— По-моему, на нем сидит раджа духов, — немного подумав, ответил Дада, который недавно вычитал в одной книжке описание царского дворца. Оттуда же он узнал, как называется этот каменный стул, но сейчас никак не мог вспомнить.

— Ух, его и не сдвинешь, — сказала Аша, попытавшаяся сдвинуть каменный трон.

— Постой! Что ты делаешь? На нем ведь раджа сидит. Понимаешь, раджа! — подскочил к ней Дада. И в этот момент он вспомнил. — А вы знаете, что это такое? — спросил он.

— Нет, — дружно признались ребята.

Тогда Дада удовлетворенно кашлянул, приосанился и важно произнес:

— Этот стул называется троном. Так что перед вами трон духов.

— До чего же неряхи эти духи. Совсем не могут убираться. Даже с хороших вещей пыль не стирают.

Нанхе в это время сосредоточенно рассматривал балкончики и никак не мог понять, для чего их приделали в зале, потому что нигде не было лестниц, чтобы забраться на них. И он снова обратился к Даде за разъяснением:

— Дада, а как залезть на балкон? Здесь ведь никаких лестниц нет?

Но Дада пропустил мимо ушей вопрос Нанхе, потому что был занят другим: кряхтя от натуги, он пытался открыть тяжелые маленькие двери, но это ему не удавалось. Дада повернулся, чтобы позвать Бирджу, и увидел, что тот уже спит, свернувшись калачиком на каменном троне.

Глава 14

Дада оставил в покое дверь, подошел к Бирджу и сердито посмотрел на него.

— Что случилось, Дада? — спросил Нанхе.

Аша и Мунни, рассматривавшие светильники, вздрогнули от неожиданности.

— Что случилось? — спросили они встревоженно, подбегая к Даде.

— Выбыл из игры, — мрачно произнес Дада, глядя на спящего Бирджу.

— А что это значит «выбыл из игры»? — испуганно спросила Аша.

— А то, что наш почтенный Бирджу теперь будет дрыхнуть до самого утра, — сердито пояснил Дада.

— Бедняжка, — сочувственно вздохнула Мунни, — сегодня всю ночь не спал, вот его и сморило!

— Нам бы тоже давно пора подумать о ночлеге, — сказала Аша.

— Где же мы ляжем спать? — спросил Дада.

— Давайте ляжем рядом с Бирджу, — предложил Нанхе.

— Здесь? В этом зале? — испугалась Мунни, которой хотелось найти такую комнату, где все бы двери плотно запирались, так, чтобы туда духи не могли забраться.

Даде тоже не нравилось это место.

— По-моему, здесь спать неудобно. Рядом есть хорошая маленькая комната. Будем ночевать там, — сказал он.

— Ну что же, пошли туда, — сразу согласилась с ним Аша.

Ребята подняли спящего Бирджу, перенесли в соседнюю комнату и уложили на пол. Там было совсем темно, Дада включил фонарь.

— Это что же, мы на голом полу будем спать? — удивился Нанхе.

— А на чем же? Или ты думаешь, что тебе постели сюда принесут? — рассердился Дада, который, правда, сам никогда не спал на голом полу.

Но Аша говорила, что духи нам постели дадут, — разочарованно протянула Мунни.

— Дали бы, если бы мы нашли их, — сказала Аша.

Но Дада видел духа и ничего у него не попросил, — обиженно произнес Нанхе.

— Времени не было, — не моргнув глазом соврал Дада.

Ребята задумались, не решаясь ложиться на пол. В душе они все проклинали тот час, когда решили пойти во Дворец духов. Только Бирджу спокойно посапывал: перед ним уже не стоял вопрос, на чем спать — на постели или на полу.

Не придумав ничего лучшего, Аша стала укладываться на пол, подбадривая растерявшихся друзей:

— Ложитесь, ведь всего одну ночь придется так спать, а потом подружимся с духами, и они дадут нам

мягкие — прелягкие постели.

— Верно, — поддержал ее Дада. — Вон Бирджу спит себе и сладкие сны видит.

Ребята стали укладываться. Мунни молча легла около Бирджу. Рядом с ней Аша, потом Нанхе и Дада.

Но не прошло и двух минут, как у Нанхе вдруг возникла потребность поговорить.

— А вы знаете, — начал он, — мне брат говорил, что у того, кто спит на полу, спина становится твердая, как доска. Поэтому дома я никогда не сплю на полу.

— Неправду он говорит, — авторитетно заявил Дада. — Как же спина может доской сделаться?

— А вот... правда, — горячо возразил Нанхе и сел. — Брат однажды спал на полу, а наутро всем жаловался, что у него спина как доска стала.

— Значит, у твоего брата и раньше была спина деревянная, — подзадорил его Дада.

Аша и Мунни рассмеялись. Нанхе обиженно лег на свое место и замолчал. Прошло еще немного времени. В комнате стало совсем темно.

Но ребята, как ни старались, уснуть не могли. Все ждали, что вот-вот появятся духи.

— Дада, а Дада, — вдруг зашептала Мунни, — включи фонарик, а то мне очень страшно!

— Ты что, Мунни, до сих пор не спишь? — удивился Дада.

— Да разве уснешь в такой темнотище, — снова зашептала Мунни.

Дада вынул из кармана фонарь и включил его. Комната озарилась слабым светом.

Нанхе тотчас открыл глаза.

— Погаси фонарь, Дада, — испуганно зашептал он. — А то духи увидят свет и придут сюда.

— Давайте все-таки спать, — сказала Аша и повернулась на бок.

— Фью-ю! Оказывается, никто и не спит! — присвистнул Дада и осветил лица ребят.

Глава 15

Прошел целый час, но по-прежнему никто не спал: в душе все побаивались прихода духов. Как тут заснешь!

Наконец Нанхе нарушил молчание:

— Дада, закрой дверь, тогда мы быстро заснем.

— Заснуть-то мы заснем, только как тогда духи попадут сюда?

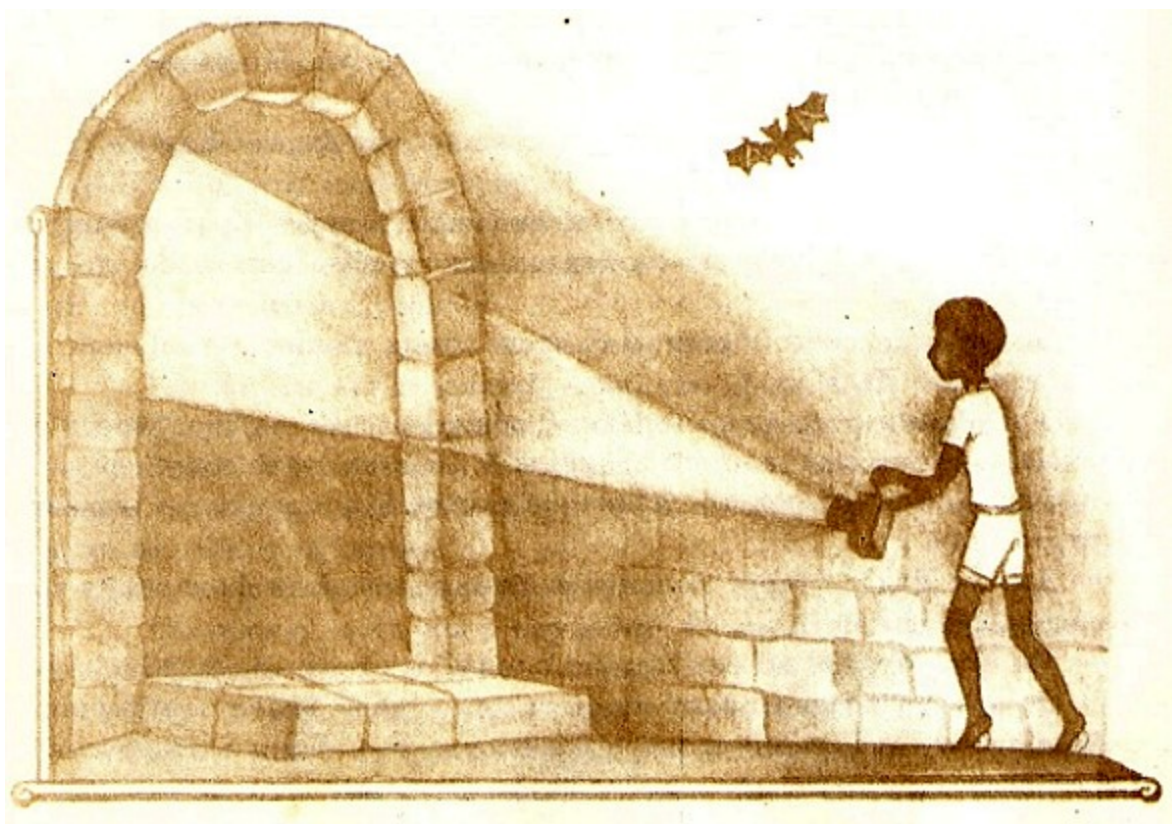
— Как же мы подружиться с ними? Как же мы тогда сможем жить в нашей Стране Детей? Нет, Нанхе, дверь должна оставаться открытой, — рассердилась Аша.

— Но духи сами могут открыть дверь, — несмело возразила Мунни.

Даде самому было страшно спать при открытой двери, но и подойти к ней он тоже боялся.

— Ладно, давайте закроем, — наконец милостиво согласился он. — Иди, Нанхе, закрывай.

— Я... я?.. Да я до задвижки не дотянусь, — тут же нашелся он.

Задвижка на двери действительно была высоко, и дотянуться до нее мог только Дада. Даде ничего не оставалось делать, как идти самому. Он нехотя поднялся и, передав Нанхе фонарь, сказал:

— Посвети, а то как бы мне не стукнуться обо что-нибудь.

Нанхе послушно взял фонарь и направил луч на дверь. Дада стал осторожно красться к двери. Он дрожал от страха, ноги его не слушались, но «храбрый» вожак мужественно шел вперед. Подойдя к двери, он потянул ее на себя. Но не успела дверь закрыться полностью, как вдруг раздался вопль: «Д-д-дух! Дух!» — и Дада со всех ног бросился назад и повалился на Нанхе. Тот с перепугу выронил фонарь и, вместо того чтобы вылезти из-под Дады, изо всех сил вцепился в него. Аша подкатилась к спящему Бирджу, а Мунни, перевернувшись на месте, от страха закрыла лицо

руками. Так они пролежали довольно долго. Зажженный фонарь лежал на полу и освещал порог открытой комнаты. Аша украдкой взглянула на дверь и прошептала:

— Дада, где же дух?

— На-на-над дверью! — дрожа от страха, ответил Дада.

Аша посмотрела туда и, ничего не заметив, снова обратилась к Даде:

— Там ничего нет, Дада.

— Как... Нет? Я... я сам видел. — С этими словами Дада не без опаски дотянулся до фонаря, быстро схватил его и осветил дверь.

Там висело что-то черное.

— Что это? спросил Дада дрожащим голосом.

Аша внимательно посмотрела на «чудище» и захохотала:

— Ой, да это же летучая мышь висит!

Нанхе, быстро работая локтями, вылез из-под Дады.

— Ой, Дада, летучей мыши испугался!

Теперь уже смеялись все.

— Испугался?.. Это я испугался? — возмутился Дада.

— Ладно, ладно, — примирительно сказала Аша, — сначала иди дверь закрой, а потом расскажешь нам, какой ты храбрый.

Дада снова перепугался. Разве летучая мышь не страшней духа? Он слышал однажды, что если она вцепится в кого-нибудь, то ее никакими силами не оторвешь. Идти еще раз к двери Дада считал все равно что идти в пасть смерти. Но слова Аши подзадорили его не на шутку. Кроме того, Дада прекрасно понимал, что если он откажется закрыть дверь, то все ого будут считать трусом. Дада взял в руки фонарь и двинулся к двери. Ему было страшно не меньше, чем в первый раз, но отступать было некуда, и Дада шел. От страха «храбрый» командир покрылся холодным потом. Но до

двери все-таки добрался. Подойдя к двери, он несколько раз стукнул по ней кулаком. От стука мышь с шумом вылетела из комнаты. У Дады отлегло от сердца. Он не спеша закрыл дверь и вернулся на место. Не прошло и нескольких минут, как все спали крепким сном.

Глава 16

Утром Нанхе открыл глаза, когда его друзья еще сладко спали. В комнате было светло. Солнечные лучи, прорвавшись через решетчатые окошки, рассыпались на полу причудливыми узорами.

— Вставайте, сони! — закричал Нанхе.

Ребята проснулись.

— Дада, а почему духи не приходили? — спросила Аша. — Ты же говорил, что они ночью обязательно придут.

— Не знаю, — почесал в затылке Дада.

— А я знаю, — сказал Нанхе, хитро улыбаясь.

— Ну скажи, почему? — повернулась к нему Аша.

Бирджу сердито посмотрел на Нанхе.

— Чего тянешь, говори.

— Потому что мы дверь закрыли, вот почему, — выпалил Нанхе.

— Верно, — согласилась с ним Мунни. — Не могут же они войти через закрытую дверь.

— Но они могли бы постучать, — возразила Аша.

— А может быть, они не знали, в какой мы комнате находимся? — неожиданно вмешался в спор Дада.

— Ну что ж, — сказал Бирджу, — тогда придется еще одну ночь провести здесь, чтобы встретиться с духами.

Все замолчали.

— Останемся на вторую ночь, — вздохнул Дада. — А сейчас пошли погуляем по двору, — предложил он.

— Скорее в сад! — обрадовалась Мунни. — Только в эту ночь двери не будем закрывать, а то опять прозеваем духов.

— Хорошо, хорошо! — согласился с ней Дада и отодвинул задвижку.

Пятеро храбрецов вышли из комнаты. Дада и Бирджу несли тяжелые мешки с продуктами и посудой.

Войдя в зал, где стоял мраморный трон, Дада осмотрелся вокруг и спросил своих друзей:

— А теперь куда пойдём?

— Да куда-нибудь, — ответила Аша.

Пойдем через эту дверь, — показал Дада на маленькую дверцу за мраморным тронном.

— За дверью начинался длинный узкий ход. В потолке хода зияла круглая дыра, через которую откуда-то пробивался свет. Ребята остановились и стали с удивлением осматриваться.

— Дада, откуда же здесь свет? — спросил Нанхе. — Никаких окон не видно, а светло!

— Ты находишься во Дворце духов и ничему не удивляйся. Здесь все может быть, — ответил ему Дада.

Глава 17

Вскоре проход вывел ребят в круглую комнату. Шедший впереди Дада неожиданно отпрянул назад, наступив на что-то мягкое.

— Что это? — вскрикнул он испуганно.

Приглядевшись, он увидел на полу огромную кошму.

— О, да здесь ковер! — удивился Дада.

Как жалко, что мы ночевать сюда не пришли, — с сожалением произнес Нанхе.

— Аша, — обратилась к ней Мунни, показывая толстый слой пыли на ковре, — опять ворчать будешь, что духи грязнули.

— Придется их научить чистоте, — ответила Аша.

— Ой! А там что такое? — воскликнул Бирджу и, бросив мешок с вещами на пол, подскочил к огромным круглым подушкам.

Ребята с любопытством стали рассматривать диковинные подушки.

— А ведь они бархатные, — прикоснувшись к одной из подушек, сказала Аша.

Ребята наперебой стали высказывать свои догадки, для чего нужны эти мягкие подушки. Одни говорили, что духи спят на них, другие утверждали, что духи подкладывают их под ноги. Конец спорам положил Дада.

— Это очень странные подушки, — авторитетно заявил он, — но этой ночью, когда подружимся с духами, мы у них все узнаем. А теперь за дело!

Ребята, весело переговариваясь, очистили ковер от пыли.

— Дада, — вдруг спросил Бирджу, — а здесь нет воды? Пить очень хочется.

— А мне — есть, — сказала Аша.

— Живот твой мы сумеем вылечить, а вот где воду найти, нам Дада подскажет, — усмехнулся Нанхе.

— Как же ты его думаешь вылечить? — поинтересовалась Мунни.

— А очень просто, — ответил Нанхе, — в мешке спрятан котелок...

— А в нем сдобные лепешки, — заключила его мысль Аша.

Нанхе напомнил им о хорошем лекарстве, потому что все давно позабыли про лепешки, захваченные из дому. Дада вытащил их из мешка. Уговаривать никого не пришлось: с лепешками было покончено через

несколько минут. Но пришла другая беда: после сдобных соленых лепешек ребята так захотели пить, что места себе не находили. Особенно страдал Бирджу.

— Дада, — взмолился он, — ну достань где-нибудь водички, не то я помру...

— Эх, водички не мешало бы сейчас попить! — мечтательно причмокнул языком Нанхе.

— Пошли в сад и напьемся кокосового соку, — предложил Дада.

— Верно, пошли пить кокосовый сок, — поддержал его Бирджу.

Все дружно вскочили.

Ребята по длинному ходу снова вошли в тронный зал.

— Дальше я не помню, как идти, — сокрушенно признался Дада. — Может, кто из вас помнит?

— Вот так номер! — воскликнула Аша.

Ребята растерянно посмотрели на своего вожака, который стоял, почесывая затылок, тщетно пытаясь что-нибудь придумать. Бедняжка Мунни с тоской подумала о доме.

— Ну вот, — жалобно всхлипнула она, — теперь мы все умрем здесь без воды. И домой больше никогда не попадем.

— Не умрем, — горячо возразил Бирджу. — Будем поочередно входить во все двери и наверняка найдем дорогу в сад.

Все согласились с ним и, открыв первую попавшуюся дверь, пошли по темному переходу. Впереди шагал Бирджу, замыкал шествие Дада.

В комнате, куда привел их Бирджу, было три двери. Ребята вошли в одну из них и очутились в комнате, где было уже восемь дверей.

Пройдя через одну из дверей, они оказались в огромном зале.

— Мы опять ошиблись! — сказал Дада.

— Пошли обратно и попробуем через другую дверь найти выход из дворца, — предложил Бирджу..

Когда ребята вернулись в комнату, где было восемь дверей, они растерянно оглянулись по сторонам: никто не помнил, через какую дверь они вошли в эту комнату. Бирджу не знал, что делать. В отчаянии он посмотрел на своих товарищей.

В душе Дада ругал себя за то, что согласился пойти во Дворец духов. Ему очень хотелось пить. Язык словно присох к гортани. «Лучше уж терпеть эксплуатацию взрослых, чем так мучиться», — с тоской думал он.

— Зря я пошел в этот дворец, — захныкал Нанхе, — как было дома хорошо...

— Долго мы будем здесь рассиживаться, — чуть не плача, спросил Бирджу, — может быть, пойдем все-таки воду поищем?

— Откуда она здесь? — рассердился Дада.

— Что же тогда, по-твоему, пьют духи? Должна же она где-то быть, — уверенно сказал Нанхе.

Ребята понимали, что искать воду во дворце бесполезно, но все же решили поискать еще раз. Они заглядывали во все комнаты, облазили каждый уголок, перепачкались в пыли, но воды так и не нашли.

Наконец они вышли в крошечный дворик, покрытый травой и окруженный со всех сторон дворцовой галереей. Посреди дворика росла огромная смоковница. После бесплодных двухчасовых поисков воды ребята еле держались на ногах от усталости.

— Как есть хочется... — зевнул Нанхе.

— Аша приготовила бы поесть, да только для этого вода нужна, — с горечью сказал Дада.

Бирджу с безучастным видом бродил по дворику. Потом подошел к большому, покрытому мхом камню, возле которого лежала Мунни, и попытался сдвинуть его с места. Он изо всех сил уперся ногами в землю и стал раскачивать камень. Ребята, утомленные

бесплодными поисками воды, молча лежали, не обращая никакого внимания на своего приятеля. Бирджу с громким сопеньем продолжал свое занятие. Тут Дада приподнялся на локте и уже было раскрыл рот, чтобы спросить Бирджу, что он делает, как вдруг камень качнулся и откатился в сторону, и в том месте, где он лежал, забил родничок.

От неожиданности Мунни отпрянула в сторону. Раскрыв от удивления рты, ребята уставились на непонятно откуда появившуюся воду. А опомнившись, они с радостными криками бросились к воде.

Бирджу с жадностью стал глотать вкусную прохладную воду.

Когда все напились, Дада сказал:

— Вы как хотите, а я искупаюсь.

Кто откажется искупаться в жаркий день! С визгом и хохотом друзья начали плескаться в прохладной воде.

Глава 18

После купанья ребята еще сильнее захотели есть.

— Ну что ж, Аша, теперь очередь за тобой, — обратился к ней Дада. — Покажи, на что ты способна.

— Сейчас, — с готовностью отозвалась Аша.

— А что ты приготовишь? — поинтересовался Нанхе.

— Горячие лепешки в масле и картошку, — важно ответила девочка.

— Много мы уже слышали о твоих лепешках, — засмеялся Дада. — Теперь попробуем, какие они на вкус.

— Я не хвастаю, я говорю правду, — возмутилась Аша и с достоинством добавила: — Пальчики оближете. Ну, кто мне будет помогать?

— Бирджу и Мунни, помогите Аше! — приказал Дада тоном, не терпящим возражений.

Мунни и Бирджу так хотели есть, что не нашли сил возразить приказу и тотчас согласились.

— Бирджу, вынимай из мешка печку и уголь, а ты, Мунни, кастрюлю и чисть картошку, — стала отдавать распоряжения Аша. — Через две минуты еда будет готова.

Нанхе, оставшись не у дел, уселся на траву рядом с Дадой и сказал:

— Чтобы через две минуты все было готово. А то у меня в животе урчит так, словно там мыши возятся.

— Сиди и смотри, — оборвала его Аша.

Вид у нее был озабоченный. Она деловито набросала уголь в печку и стала помогать Мунни чистить картошку.

— Бирджу, возьми в мешке бумагу для растопки и положи в печку, — продолжала командовать Аша.

Тот принес бумагу и положил на угли.

— Да не сюда же, — досадливо поморщилась Аша. Она взяла бумагу и засунула под угли.

— Теперь зажигай.

— Чем же я зажгу? — спросил Бирджу.

— Спичками, обычными спичками! — ответила Аша.

— Откуда они у меня? — искренне удивился Бирджу.

Услышав это, Аша уронила картошку и сокрушенно опустила голову.

— Что случилось? — встревожился Дада.

— Бирджу спички забыл, — чуть не плача от досады, сказала Аша.

«Не видать нам теперь вкусных лепешек и горячей картошки», — подумали все.

— Я так и знал, что мы обязательно что-нибудь забудем, — расстроился Нанхе.

— Это как же так, Бирджу, — набросился на него Дада, — тебе было поручено захватить все необходимое, а ты даже спички забыл?

— Я не виноват, — стал оправдываться Бирджу, — ведь Аша записывала, что надо захватить, с нее и спрашивай.

— Ты на меня не сваливай! — вспылила Аша. — Я записала все, что нужно было, а о таких пустяках, как спички, помнить не обязана.

— А теперь вот из-за этого «пустяка» будем голодные сидеть, — всхлипнула Мунни и бросила на землю нож.

— Как же теперь быть, Дада? — спросил Нанхе.

— Откуда я знаю, — хмуро ответил Дада.

— Это Бирджу нам все испортил, — набросилась на него Аша, — заманил сюда, наобещал, что будем жить в Стране Детей... Где твоя страна?

— Вот подружимся с духами, тогда и говори, — рассердился Бирджу.

— Где же все-таки искать этих духов? — спросил Нанхе.

— Мне кажется, что их вообще здесь нет, — немного подумав, сказал Дада.

— То есть как? Как нет?! — воскликнули ребята.

— Ну, может быть, и есть, только они невидимые, — увернулся Дада.

— Как же так?.. Почему же тогда этот дворец называется Дворцом духов? — удивленно спросил Бирджу.

— Ведь вчера вечером ты сам видел духа, — напомнила Аша.

Дада растерялся. Как им объяснить, что никого он не видел. «Будь что будет, скажу правду», — решил он.

— Вчера я... — начал он и замолчал.

— Что вчера, Дада? — нетерпеливо спросил Нанхе.

— Вчера я обманул вас, — признался Дада и потупился.

— Как — обманул? Значит, я вчера напрасно бежала? — негодуяще воскликнула Аша.

— Ведь ты же говорил, что у него огромная пасть, нос, как слоновый хобот... — растерянно проговорил Нанхе.

— Все это неправда, — упавшим голосом сказал Дада.

Ребята, подавленные признанием своего вожака, молчали.

— Значит, духов во дворце нет, — задумчиво сказала Мунни.

— Почему нет? Есть. Как же тогда захлопнулась дверь, когда мы входили во дворец?

«А правда, почему тогда захлопнулась дверь? — подумал вдруг Дада. — Не могла она сама по себе закрыться».

— Потом разберемся, есть здесь духи или нет, а сейчас давайте лучше подумаем о еде, а то я умираю с голоду, — захныкал Нанхе.

— Правильно, от дум сыт не будешь. Пойдемте все-таки поищем дорогу в сад, — поддержала его Аша.

Собрав все в мешки, ребята пошли искать дорогу. Долго они бродили по дворцовым комнатам, но никак не могли выбраться из дворца. И вдруг, открыв одну из дверей, Бирджу радостно закричал:

— Ура! Наша стена!

— Ой, смотрите-ка, мы же через эту стену перелезли! — удивилась Мунни.

Ребята запрыгали от радости.

— А ну-ка, где тут ворота, через которые мы хотели войти во дворец? Пойду посмотрю, как их духи закрыли, — осмелел Дада.

Дада и Аша стали искать ворота.

— Вот они! — крикнула наконец Аша.

Все подбежали к воротам.

— Эх, да на них цепь! — воскликнул Дада. — Вот почему они тогда не открылись!

— А ты попробуй сейчас открыть, — посоветовал Бирджу.

— Не нужно! Не открывай! — закричала Мунни.

— Открывай, Бирджу, не бойся. — Дада мужественно уступил право открыть Бирджу.

Тот изо всех сил навалился на ворота, но они даже не шелохнулись.

— Ну что, говорила я вам, что их не открыть? Их духи заколдовали, — довольно засмеялась Мунни.

— Нет здесь никаких духов. Ворота потому не открываются, что закрыты на задвижку, — сказала Аша и показала наверх.

Глава 19

Теперь пятеро храбрецов убедились, что во дворце нет никаких духов и люди напрасно назвали его Дворцом духов.

— Ну что же, значит, идем домой? — спросил Дада.

— Бирджу, — торжественно произнес Дада, — ты у нас самый храбрый. Сегодня мы тебе поручаем открыть ворота Дворца духов!

Бирджу, смущенный похвалой вожака, залился румянцем и с готовностью бросился выполнять приказание. Но тут же обнаружил, что не может дотянуться до задвижки. Дада немедленно отдал новую команду:

— Бирджу, становись петухом, Аша — на Бирджу, Мунни, встанешь на Ашу, а ты, Нанхе, заберешься наверх и откроешь задвижку.

— А ты... Дада, что будешь делать? — спросил Нанхе.

— Я?.. Я?.. — слегка смутился Дада. — Я послежу за вами, чтобы кто-нибудь не упал.

Оспаривать такой веский довод никто не стал, и, встав друг на друга, ребята построили «петуха». Нанхе забрался наверх и благополучно отомкнул задвижку. Открыть теперь ворота не составило никакого труда.

Когда пятеро храбрецов вышли на улицу, каждый из них стал лихорадочно придумывать какую-нибудь отговорку за свое долгое отсутствие.

— Что скажем дома, Дада? — нарушил молчание Нанхе.

— Сам не знаю, — ответил Дада и почесал в затылке.

— Лучше рассказать всю правду, тогда не накажут, — посоветовала Аша.

Все согласились.

Когда ребята подошли к своей улице, Дада остановился и сказал;

— Ты, Бирджу, иди впереди, а я позади всех.

— Нет, Дада, впереди должен идти командир, — возразил Бирджу. — Не хочешь, тогда пусть Мунни идет впереди, потому что ее дом всех ближе.

— Не-е-ет, — отказалась Мунни, — иди уж лучше ты, Дада.

Пока они совещались, на улице появился какой-то мужчина. Увидев ребят, он подбежал к ним и закричал:

— Вот вы где! А ваши родители с ног сбились, разыскивая вас по всему городу. А ну-ка марш за мной!

На крик из окна высунулась тетка Мунни и, увидев в толпе ребят племянницу, радостно всплеснула руками и тотчас выбежала из дома.

— Да где же ты пропадала, негодница? — запричитала тетка, схватив на руки девочку. — Я из-за тебя всю ночь не спала. Где ты бродила? Это ты, босяк, сбиваешь с толку маленьких детей! — вдруг набросилась она на Даду.

Дада виновато засопел и спрятался за спину Бирджу.

— Беги, Дада, — горячо зашептал сзади Нанхе, дергая жожака за рубашку.

Дада досадливо отмахнулся от Нанхе, но сам все же незаметно стал пятиться за угол дома. И вдруг на его плечо опустилась чья-то тяжелая рука. Дада вздрогнул и боязливо обернулся. Перед ним стоял старший брат.

— Явился, милый братец, — сказал он голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

Дада вобрал голову в плечи, ожидая привычного подзатыльника.

Но брат почему-то медлил. Дада поднял глаза и опешил: брат улыбался.

— Так где же ты все-таки пропадал? — спросил он уже более дружелюбным тоном.

— Мы, мы... — начал Дада, но в этот момент раздались крики: «Аша! Девочка моя!», «Нанхе!» — и на улице показались мать Аши и отец Нанхе.

Те с радостными воплями бросились к ним навстречу.

Бирджу стоял в стороне, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и тоскливо смотрел на свой дом. Он знал: кому-кому, а ему наверняка попадет за то, что утащил всю посуду. И когда в толпе появился его отец, Бирджу струхнул не на шутку. Но тот лишь укоризненно посмотрел на сына и ничего не сказал.

— Так где же все-таки пропадали, герои? — снова спросил брат Даду.

Тот молчал.

И вдруг раздался голос Нанхе:

— Во Дворце духов!

Взрослые с недоверием посмотрели на малыша.

— Да-да, во Дворце духов! — польщенный всеобщим вниманием, еще больше воодушевился Нанхе. — И даже ночевали там.

И Нанхе, явно преувеличивая свою роль в недавней экспедиции, рассказал всю эту историю от начала до конца.

Удивлению всех собравшихся не было границ, а маленький Нанхе в их глазах превратился в сказочного богатыря.

— Вот это да-а-а, — с уважением произнес брат Дады, когда Нанхе закончил свой рассказ. — Да вы настоящие храбрецы!

С тех пор Дворец духов стали называть просто Старым дворцом, а за маленькими храбрецами навсегда укрепилась кличка — пятеро бесстрашных.

Кришан Чандар

Робинзоны из Бомбея

1

Ученики одной из бомбейских средних школ отправлялись на экскурсию в Гоа [8]; впереди было целых пятнадцать дней отдыха: интересных прогулок и веселых пикников. Все приготовления были давно закончены, и у причала бомбейского порта юных экскурсантов поджидал блиставший свежей краской старенький пароход.

Каждый участник экскурсии внес двадцать пять рупий [9]: сюда входила стоимость билета в оба конца и пятнадцать дней пребывания в Гоа. Сумма была более чем скромная, и на экскурсию записалась вся школа. На двух палубах парохода разноголосо гомонила шумливая ребятня. Выстроившись вдоль борта, принаряженные по такому случаю экскурсанты шумели, толкались, свистели, пели песни, прыгали, запускали в небо разноцветные шары, звонко перекликались с теми, кто еще стоял на берегу, поджидая своей очереди. В ответ с берега неслись радостные крики и залиvistые трели глиняных свистулек. Родители давали последние советы и наставления, ребята, не слушая их, нетерпеливо кивали головами: душой они были уже в море или среди красот, которые ждали их в Гоа.

— Эй, вы! Санджив! Джаму! Идите скорей сюда! — протолкавшись к борту, что есть мочи кричал друзьям румяный крепыш Рустам по кличке Толстяк. За спиной у него болтались два разноцветных шара. Завидя на берегу закадычных дружков — все они учились в седьмом классе, — Рустам всем своим видом выражал

бурную радость: Санджив и Джаму были уже у трапа и предъявляли контролеру билеты.

Шары за спиной у Рустама вдруг с треском лопнули. От неожиданности Рустам вздрогнул и обернулся: позади него, весело скаля зубы, стоял Вишну, известный всей школе сорвиголова из девятого. Это от его булавки лопнули шары, а они были такие красивые, самые красивые из всех, что мелькали на палубе! Рядом с Вишну стояла его сестренка первоклашка Судха и, глядя на обескураженного Рустама, заливисто смеялась.

Опомнившись, Рустам полез было в драку, но он был слишком толст и неповоротлив; Вишну легонько двинул его кулаком в грудь, и Рустам, отлетев на два шага, растянулся на палубе. Публика наградила победителя громкими аплодисментами.

От ворот порта, гоня перед собой круглый голыш, к трапу парохода двигался пятиклассник Сону в защитного цвета рубаше и такого же цвета шортах явно не по росту: пояс на шортах был в нескольких местах ушит. За спиной у Сону висела плотно набитая всяческой снедью котомка.

Сону весело катил перед собой голыш, потом неожиданно ойкнул и присел — в ботинке оказался гвоздь, — но тут же встал и, прихрамывая, попытался идти дальше. В эту минуту в воротах порта показался его дружок Касим в сопровождении кули [\[10\]](#), который нес на голове два его чемодана и туго свернутую постель, а в руках — два огромных букета. Отец Касима был самым богатым торговцем на всем Бхинди-базаре: он вел оптовую торговлю кожей.

Сону быстро снял ботинок, присел на корточки и, используя голыш вместо молотка, стал загибать злополучный гвоздь. Поравнявшись с ним, Касим дружески хлопнул его по спине.

— Что расселся, Сону?

— Да вот ботинок чиню.

— Вот это да! — весело заржал Касим. — Оказывается, даже у мочи [\[11\]](#)разваливаются ботинки!

Сону действительно был сыном сапожника, и все в школе знали, что отец его — сапожник из касты мочи. Отец Сону, которого все почтительно называли дядя Ганпат, сидел под грязным брезентовым навесом на углу улицы неподалеку от богатого ресторана, разложив прямо на асфальте весь свой немудреный инструмент. Здесь, прямо на улице, он шил сандалии, чинил ботинки и чистил обувь. В дни каникул Сону помогал отцу. Сону с раннего детства приучали к труду; он трудился наравне со взрослыми и ничуть не обижался, когда сверстники называли его «сын сапожника». А что тут обидного, если он действительно сын сапожника, тем более что он был самый первый ученик в классе. Своего первенства он никому не уступал ни в учебе, ни в игре. Поэтому и сейчас он не обиделся на шутку друга.

— Сапожник, как известно, без сапог, — весело отозвался он, — а у меня все-таки ботинки.

Касим весело захохотал и ласково обнял Сону за плечи.

— А я уж думал, ты не поедешь.

— Да я и сам думал, что не поеду, — улыбаясь, сказал Сону.

— Ну, а где ж взял деньги?

— Отец дал. Где ж еще?

— Много?

Сону с гордостью показал Касиму бумажку в пять рупий.

— Только пять? — разочарованно протянул Касим.— А на экскурсию надо в пять раз больше.

— Хватит и пяти, — уверенно сказал Сону. — Пикники мне ни к чему, а посмотреть Гоа мне хватит и пятерки, а если пешком, то еще и останется.

Касим помолчал. Потом достал из кармана новенькую бумажку в десять рупий и протянул другу.

— Отец мне дал тридцать пять, так что десятка лишняя. Бери!

— Было пять — стало пятнадцать, — беря деньги, весело улыбнулся Сону. — Остальное, скажем учителю, пусть даст в долг.

— Точно, так и скажем. А где ж твоя постель?

— Нет ее у меня, — спокойно отвечал Сону.

— А рюкзак?

— А это чем хуже рюкзака? — кивнул Сону на мешок за спиной.

Касим потрогал мешок Сону.

— Тяжелый. Что это там?

— Сласти! — И Сону озорно блеснул глазами.

— Сласти-и? — с удивлением переспросил Касим.

— Сласти, — подтвердил Сону. — Наложил, сколько смог поднять. Хочешь — попробуй.

Касим сунул руку в мешок и в испуге отскочил: в мешке что-то завозилось, раздался визг и оттуда высунулась голова щенка.

— Вот так сласти! — вырвалось у Касима.

Глядя на перепуганного Касима, Сону хохотал до слез. Касим сначала надулся, но потом сам рассмеялся вместе с Сону.

— И щенка с собой возьмешь?

— Возьму, а что?

— А как пронесешь?

— Вот так и пронесу, — проговорил Сону, отобрал щенка у Касима и снова упрятал его в мешок.

Друзья со смехом двинулись дальше, и тут на них чуть не налетел Вишну: он спрыгнул на пристань, чтобы забрать свой багаж, который с трудом притащили два

кули. Вишну учился в одном классе с Касимом и обращался с ним как с равным.

— Хэлло, Касим! — окликнул Вишну, протягивая руку.

— Хэлло, Вишну! — пожимая протянутую руку, в тон ему отвечал Касим.

При виде обливавшихся потом кули Касим удивленно взглянул на Вишну.

— И все это — твой багаж?

— Ну а чей же еще? — с насмешкой отвечал за него Сону. — Дело-то предстоит не простое — опасное!.. Правда, такой багаж теперь не всякий контрабандист за собой таскает.

— Эй ты, сапожник, попридержи язык! — покосившись на Сону, со злостью заорал Вишну. — Ишь, ухмыляется! Еще контрабандистом обзывается! Как бы плакать не пришлось!

Вишну бросился на Сону, но Сону увернул и, растворившись в толпе экскурсантов, уже через минуту стоял у трапа, рядом с директором школы. Он торопливо изложил ему свою просьбу, упрашивая взять его пятнадцать рупий с тем условием, что остальные он внесет позже, когда сумеет достать. Однако директор упрямо качал головой. Все девочки и мальчики внесли полную сумму — двадцать пять рупий, почему же для одного школа должна делать исключение? Тем более, что школьный совет со своей стороны и без того уже безвозмездно выделил на экскурсию несколько сотен рупий. Сону молча выслушал директора и, огорченный, отошел от трапа. Стоя в сторонке, он с грустью и завистью смотрел на сверстников, которые смогли внести двадцать пять рупий и теперь, предъявив билет, важно проходили по трапу на пароход. Рядом с Сону застыл Касим, лихорадочно соображая, как помочь другу, чтобы и он вместе со всеми мог поехать на экскурсию.

Неожиданно над головой басовито заревел гудок — первый сигнал к отправлению. Далеко по морю разнесся рев паровой сирены. Ребята завопили от радости, захлопали в ладошки. Еще немного — и пароход отчалит.

Сону отвернулся: в глазах у него стояли слезы.

— А ты почему застрял здесь? — сухо спросил директор, обращаясь к Касиму. — Ты едешь или, может, передумал?

— Еду, сэр, — упавшим голосом сказал Касим и уже сделал шаг к трапу, как вдруг Сону дернул его за рукав и, блестя глазами, что-то оживленно зашептал ему на ухо. Касим взглянул на друга — лицо у не просияло. Касим крепко пожал другу руку и быстро взбежал по трапу на палубу.

Сону помахал ему вслед рукой и не спеша прошел на другой причал, у которого рыбаки готовили свои лодки к выходу в море, Сону вполголоса переговорил о чем-то с одним из них и, получив согласие, вручил пять рупий. Сунув деньги в складку дхоти ^[12]рыбак быстро отвязал лодку и, работая веслом, неслышно направил ее к противоположному борту парохода, куда доносились только крики экскурсантов. Объезжающие и провожающие толпились у другого борта.

Из-за перил верхней палубы неожиданно вынырнула голова Касима. Завидев друга на носу рыбачьей лодки, Касим радостно помахал ему рукой и, перегнувшись через перила, кинул в лодку конец длинного просмоленного каната. Едва конец каната шлепнулся в воду, Сону повязал свой мешок на голову и, изготовившись, замер.

Вверху в последний раз проревел гудок, и пароход стал медленно отходить от причала.

Сону ухватился за просмоленный конец и с ловкостью обезьяны стал взбираться по канату. Через

минуту он уже стоял на верхней палубе рядом с Касимом. Из всей толпы только Вишну заметил, как Сону взбирался по канату.

— Держите его, держите! — во всю глотку заорал Вишну. — Это Сону, сын сапожника! У, мочи проклятый! Задарма решил прокатиться!

За Сону погнался один из учителей, но беглец, ловко перебросив свой мешок Касиму, юркнул в толпу школьников. Но не тут-то было: подстегнутый окриком директора, наставник не отставал. Наконец, зажав беглеца на трапе, что вел с верхней палубы на нижнюю (учитель — сверху, директор — снизу), они ухватили нарушителя за уши и торжественно провели на верхнюю палубу. Схватив свою трость, директор уже надвигался на Сону.

— All right, all right, Sir [\[13\]](#), — по-английски заговорил вдруг Сону, смиренно сложив руки лодочкой.— Я сейчас же вручу вам деньги за экскурсию — двадцать пять рупий как одна пайса.

— Каким же это образом?

Сону протянул директору две оставшиеся у него бумажки:

— Вот возьмите... здесь десять рупий.

— А остальные?

— Остальные я отработаю.

— Как то есть «отработаю»! — не отпуская его ухо, завопил учитель.

— Отпустите ухо, тогда скажу.

Учитель отпустил Сону. Все трое — Сону, учитель и директор — стояли, окруженные плотным кольцом учеников. Одни радовались за смельчака, другие удивлялись его наглости.

Сону взял из рук Касима свой мешок, осторожно запустил туда руку и одна за другой разложил на палубе все принадлежности для чистки обуви. Сидя на

корточках, он поднял над головой щетку и банку с кремом.

— Подходи кому не лень,
Чищу туфли каждый день.
Будут туфли-скороходы.
Блеск хорош для всякой моды.

2

Напевая такую песенку, Сону принялся чистить обувь всем желающим. А желающих, к удивлению, набралось хоть отбавляй. Сону работал не хуже эквилибриста в цирке: щетки у него были точно живые, а бархотка, извиваясь, ластилась к туфлям будто кошечка. Ребятишки отходили, любуясь начищенными до блеска туфлями, и в мешок, который Сону оставил открытым, со звоном сыпалась мелочь. Это были его трудовые деньги. Прежде Сону как-то не доводилось чистить обувь однокашникам, и сейчас он блеснул перед ними своим мастерством. И ему ничуть не было стыдно: кто стыдится своего труда, если к тому же он и выполнен на совесть?

Сону одержал верх: теперь все в один голос восхищались его смекалкой, бесстрашием и мастерством. И теперь всем очень хотелось, чтобы Сону непременно поехал на экскурсию вместе с ними. Поэтому перед Сону даже выстроилась очередь: всем неожиданно захотелось почистить у него туфли. В очереди теснились даже те, чьи туфли еще с утра были начищены. В глазах учеников Сону сейчас олицетворял честь и достоинство каждого из них, всей школы в целом, и желание во что бы то ни стало почистить у

него обувь было равнозначно дружески протянутой руке.

Пароход еще не отошел, а недостающие пятнадцать рупий были уже собраны и торжественно вручены директору. Классный руководитель крепко обнял мальчика и, обращаясь ко всем, прочувствованно добавил, что именно так добиваются поставленной цели. Малыши тут же окружили Сону и стали петь, танцевать, хлопать в ладошки. В стороне от общей радости остались только Вишну и пара его дружков. Сынки богатых и знатных, они смотрели на Сону сверху вниз — фи, какой-то чумазый чистильщик! — но Сону уже привык к этому и не обращал на них никакого внимания.

В шуме и веселье день прошел незаметно. Детей пленила красота моря.

Наступила южная ночь, полная неповторимого очарования. Ребятишки стали укладываться. Сону и Касим отыскивали укромное местечко на верхней палубе и, разложив постель Касима, улеглись рядышком.

Однако не успели они расположиться, как откуда-то явился Вишну.

— Это мое место! — стал задираться он, — А ну-ка, забирайте свою постель да проваливайте поживей! Я тут буду спать!

Друзьям поначалу хотелось хорошенько проучить нахала. Конечно Вишну был сильный, но вдвоем они сумели бы намять ему бока. Касим уже готов был кинуться в драку, но Сону остудил его. Затевать драку в первый же день так хорошо начавшейся экскурсии — что могло быть хуже? Поэтому Сону молча стал сворачивать постель.

— Ты что это вздумал? — наскочил на него Касим. — Это место наше, и мы никуда отсюда не уйдем!

— А ну его! — махнул рукой Сону и застегнул ремни. — Пусть занимает это место, если ему так хочется. А мы

найдем себе другое, ничем не хуже. Смотри, сколько места на палубе! Пусть занимает... Может, тут действительно клад, а сторожить некому.

Сону вскинул узел на плечо, и Касим скрепя сердце последовал за ним. Вишну с победным видом тотчас же притащил сюда свою постель.

А Касим и Сону отошли на другой конец палубы и, раскатав постель, быстро улеглись. Черное небо было усыпано бесчисленными звездами, и они сияли еще ярче в кромешной тьме, плотно окутавшей пароход. Звезды кротко мерцали, точно глазки малышей, которых безудержно клонит ко сну. «Может, они тоже направляются на экскурсию, как и мы?» — сонно подумал Сону. Веки у него налились свинцовой тяжестью, и он крепко заснул под шорох волн за кормой и равномерный гул машины где-то внизу.

Среди ночи он проснулся. Пронзительно выл ветер. Пароход мотало. Он то вздымался на крутую волну, то падал в какую-то черную пропасть, и соленый фонтан окатывал палубу. Среди черных туч, окутавших небо, что-то глухо рокотало, изредка сверкала молния, все вокруг озарялось ослепительным, мертвенно-белым, светом, и следом оглушительный грохот обрушивался на море. Волны, казалось, вздымались до самого неба, с ревом обрушиваясь на старенькую, выдавшую виды посудину. Начался дождь, очень скоро превратившийся в настоящий тропический ливень. Теперь кругом была сплошная вода: вода лилась с неба, вода волнами перекачивалась в море, водой была залита вся палуба. Постель была хоть выжимай, а сами они промокли до последней нитки. Дети поменьше и девчонки подняли рев: когда накатывала очередная волна, казалось, что тысячетонный молот обрушивается на металлическое тело судна, пароход скрипел, и дети боялись, что он развалится и все они потонут в море.

Внезапно на нижней палубе тревожно и часто зазвонил сигнальный колокол, возвещающая что-то недоброе, а следом, мокрый с головы до пят, по трапу с трудом взобрался кто-то из учителей, осветив палубу карманным фонариком.

— На нижнюю палубу! — сквозь шум и грохот прокричал он. — Всем немедленно спуститься на нижнюю палубу! Пароход придется покинуть! В трюме пробоина. Вода посту...

Все остальное потонуло в грохоте. Налетел свирепый порыв ветра, через палубу прокатилась тяжелая волна, сбив с ног учителя и погасив его фонарик.

Ветер достиг ураганной силы. Сону и Касим одной рукой держались друг за дружку, другой — за перила, где на коленях, а где и ползком с трудом спустились на нижнюю палубу.

У Сону было такое ощущение, что все происходящее — это приснившийся ему кошмарный сон: вопли и плач ребятишек, грохот волн и вой бури, хриплые голоса матросов и четкие слова команды, которые через мегафон отдавал капитан:

— Шлюпки-и... на воду!

Грохот волн, мертвенный блеск молний, дикая качка корабля. В ярком свете электрических фонарей мелькали мокрые сосредоточенные лица матросов со спутанными на лбу волосами. Это было, наверно, страшнее, чем самый страшный кошмарный сон...

Сону так перепугался, что все последующее слилось для него в одну темную густую массу. Последнее, что врезалось ему в память: он стоит на пароходе, обхватив обеими руками стойку. Что было потом и как он оказался в шлюпке — ничего этого он не помнил. Потом он видит, что вместе с другими ребятами лежит на дне лодки, а два матроса пытаются удержать ее. Но

накатившая волна смывает матросов и уносит шлюпку далеко в море...

По небу полоснула молния, и в ее блеске Сону заметил среди беснующихся волн их крохотный, словно игрушечный, белый пароходик. Потом наступила кромешная тьма.

Почувствовав себя полностью беззащитными перед лицом разбушевавшейся стихии, дети в лодке подняли крик. Положение действительно было ужасное. Лишенную управления лодку бросало из стороны в сторону, подбрасывало куда-то вверх, швыряло вниз, она кренилась то на один борт, то на другой, всякий раз зачерпывая изрядную порцию воды. Черное как сажа море казалось бескрайним. Кто здесь мог прийти им на помощь? Когда лодку кренило на левый борт, дети бросались к правому, а когда волна налетала справа, они в страхе бросались к левому. Началась давка, раздались крики отчаяния и боли. Лодка вела себя, словно зверь, сорвавшийся с цепи: она ложилась то на один борт, то на другой, становилась почти на дыбы или взбрыкивала, высоко вверх задирая киль, однако, даже хлебнув воды, держалась на плаву, не переворачивалась. Но шараханье от борта к борту могло погубить всех.

— Всем сидеть на своих местах! — в ярости прокричал Сону.— Перестаньте шарахаться от борта к борту!.. Если не прекратите, лодка перевернется и все мы погибнем!

— А мы и так уже тонем, — еле расслышал он сквозь рыдания и слезы. — Чего еще ждать?

Лодку кидало по волнам, будто щепку. Она то взлетала на гребень волны, то срывалась в черную пропасть или на миг замирала в прогале между двух волн. У ребят зуб на зуб не попадал от страха.

Море еще продолжало бесноваться, с новой силой набрасываясь на лодку, ребята, сбившись в кучу, все

еще плакали навзрыд, призывая на помощь своих мам, когда в лодке раздался вдруг дрожащий детский голосок: пела сестра Касима — восьмилетняя девочка по имени Хусна. Поднеся к груди сложенные лодочкой руки, к ней присоединилась Судха — младшая сестра Вишну, а за нею — все остальные, и скоро посреди бушующего моря звучал нестройный детский хор. Старались петь песни веселые, задорные — те, что доводилось слышать у бойскаутов, и, кончая одну, сразу же запевали другую. Потом принялись за те песни, которым их учили в школе. Когда запас песен, казалось, иссяк, в ход пошли песенки из популярных кинофильмов. Кто бы и что ни запевал, все тут же подхватывали хором. Так продолжалось всю ночь до рассвета: ураган бушевал, море бесновалось, а дети пели. За песнями они забывали и о страхе, и о боли. Всю ночь их лодка была во власти стихии. Лодку мотало по волнам, ежеминутно грозя перевернуть, и каждый раз сердца ребят замирали от страха, а к горлу подступала тошнота.

Но вот ураган стал слабеть, волны швыряли лодку уже без прежней силы, ветер заметно утих. Наступало хмурое утро. Облака неслись по небу грязными клочьями. Море успокоилось, и лодка мирно качалась на легкой зыби.

Промокшие до костей, дрожащие, ребята уже не плакали, а, поднявшись во весь рост, всматривались в светлеющую даль: вокруг было бескрайнее море, а посреди моря их одинокая, затерянная в морском просторе лодка. Лишь где-то у края горизонта виднелся крохотный краешек земли, окаймленный зеленью пальм. Кто чем мог, они принялись грести к берегу.

Берег медленно приближался. Налетела шальная волна и понесла лодку на прибрежные рифы. Налетев на рифы, лодка разломилась пополам, и дети очутились в воде.

К счастью, это случилось на мелководье, к тому же было время прилива, и морской поток помогал ребятам быстрее добраться до суши. Бредя по пояс в воде, поддерживая друг друга, обессиленные дети наконец очутились на сухом берегу. И тут силы оставили их. Ступив на сухой берег, они замертво валились на теплый песок у подножия пальм и тут же засыпали мертвецким сном.

3

Солнце уже припекало, когда дети один за другим стали просыпаться. Они отдохнули, приободрились и были бы совсем счастливы, если бы не хотелось так есть. Первой не выдержала восьмилетняя Хусна: раздался ее приглушенный плач.

— Что с тобой? — ласково спросил ее Сону.

— Е-е-есть хочется, — сквозь слезы протянула девочка.

— Мне... тоже, — дрожащими губами, еле слышно пролепетала Судха.

Сидевший рядом с Сону его щенок, по кличке Моти, жалобно заскулил. Сону ласково погладил маленького друга.

Вдруг что-то тяжелое с шумом упало на песок. От неожиданности все вздрогнули и, словно по команде, повернули головы в ту сторону. Вглядевшись, Вишну первым бросился туда: под пальмой, глубоко зарывшись в песок, лежал большущий кокосовый орех. Вишну живо схватил его, острым обломком камня проделал в нем отверстие и, припав к нему губами, стал пить сок. Утолив жажду, Вишну сосредоточенно принялся выковыривать белую, нежную мякоть, которую тут же отправлял в рот. Ребятишки тотчас же окружили его со всех сторон.

— Дай мне немножко!

— И мне!..

— И мне!

В ответ Вишну только нагло смеялся им в лицо и продолжал уплетать за обе щеки. Только своей сестре Судхе он уделил два крохотных кусочка.

Видя, как Вишну откровенно издевается над голодными ребятами, Джаму не выдержал и с ловкостью обезьяны вскарабкался на самый верх кокосовой пальмы. Через минуту на соседнем дереве уже сидел его друг Васант. В четыре руки они принялись обрывать зрелые кокосовые орехи. Орехи, как снаряды, один за другим с шумом падали на песок. Вишну метался от одного ореха к другому, стараясь захватить все, но орехов было так много, что он никуда не успевал и ему ничего не досталось. Теперь у Вишну не было ни одного ореха, зато у остальных — по два, а то и по три. Обозлившись, Вишну отнял по ореху у двух малышей, а заодно и у своей сестры Судхи. Но теперь орехи были у каждого, и связываться с ним никто не стал.

Каждый принялся за свои орехи: били орехи об острые выступы скал и, проделав отверстие, пили прохладный, освежающий сок, а потом принимались за мякоть. Насытившись, они улеглись на песок, нагретый ласковым утренним солнцем. Это было по-настоящему здорово! А Вишну, развалясь на песке, высказал вслух все, что каждый из них думал про себя:

— Вот благодать! Ни школы, ни родителей, ни книжек тебе, ни экзаменов и ни одного учителя! Загорай себе на песочке да ешь кокосы! Лучше не придумаешь!

— Так-то оно так,— со вздохом возразил Гопал, — да вот жить негде, жилья нет. Огня тоже нету — костер не разведешь, а ночью будет прохладно. Это хорошо сейчас, когда светит солнышко, а что будем делать,

когда наступит ночь? Стоит появиться одному тигру — и всем нам крышка.

Судха, Хусна и другие малыши от страха съежились и тихонько заойкали.

— Да вы не пугайтесь раньше времени, — подбодрил их Сону.— Как-никак, а мы на твердой земле и, может быть, даже в своей собственной стране.

— А может быть, на заброшенном острове, — подхватил ехидно Вишну, — и тут нам придется провести всю жизнь, как Робинзону Крузо. Я только недавно прочитал эту книжку...

— Мне кажется, что мы где-то неподалеку от Гоа, — серьезно проговорил Касим.

— Вот взберемся на холм — вон видите впереди, — указал рукою Сону на покрытый голубой дымкой холм на фоне зелени, — тогда и узнаем, где мы — на материке или на острове.

— Может, оттуда и деревню какую-нибудь увидим,— неуверенно подхватила Судха. — А то отсюда ничего не видно — только заросли сплошные...

— Надо пробираться к холму, — решительно заявил Сону. — Кто пойдет со мною?

— Я пойду, — первой подала голос Судха.

— Нет, девочек я не возьму, — решительно сказал Сону. — Тут же сплошные джунгли...

— Тогда я пойду, — сказал Гопал, — У меня отец — охотник, и я часто ходил с ним на охоту в джунгли.

— А я и вовсе из племени бхилов [\[14\]](#), — заявил Джаму, и для меня лес — дом родной.

— Хорошо, — довольный, произнес Сону. — Кто еще? Касим молча стал рядом с Сону.

Беззаботно валявшийся на песке толстяк Рустам решительно выбросил вверх руку:

— Я тоже пойду.

— Тебе не стоит, Рустам, — возразил Санджив.

— Почему это? — удивился Рустам.

— Тебя могут принять за слоненка, — улыбаясь одними глазами, спокойно продолжал Санджив. — Поймают в сети и отведут в зоопарк.

Раздался дружный смех — тревожная атмосфера сразу разрядилась. Сону подошел к Вишну, который, раскинув руки и ноги, делал вид, что спит.

— Ты самый старший из нас, Вишну, — обращаясь к нему, сказал Сону, — и самый сильный. Тебе и возглавлять отряд.

— Сейчас мне спать хочется, — лениво протянул Вишну. — Вы идите, а когда вернетесь, представите мне рапорт!

— Как тебе не стыдно! — набросился на него Санджив. — С ним по-человечески говорят, а он корчит из себя принца наследного!

— Ну, не хочет — и не надо, — остановил его Сону. — Обойдемся и без Вишну. А он пусть остается здесь — будет охранять малышей.

— Мне хочется спать, и ничего делать я не буду, — отрезал Вишну и, повернувшись к стоявшим спиной, сделал вид, что спит.

Отряд во главе с Сону двинулся в джунгли. По мере того как ребята продвигались в глубь леса, заросли становились все гуще, деревья — все выше. Наконец они зашли в такие дебри, что лучи солнца еле пробивались сквозь сплошную зелень крон. Сону никогда прежде не доводилось видеть настоящие джунгли. Он был истый горожанин и за пределы Бомбея никогда не выезжал, поэтому все здесь казалось ему новым и удивительно интересным. Быстрыми шагами он смело шел впереди, как вдруг кто-то из ребят схватил его сзади за рубаху и с силой потянул назад, а толстая ветка дерева, которой коснулся Сону, угрожающе закачалась. Сону испуганно взглянул кверху и замер от

страха: то, что поначалу он принял за ветку, оказалось огромной пятнистой змеей.

— Это питон,— пояснил Джаму. — Он может проглотить животное раза в четыре толще себя. Сначала обовьет его, переломает ему кости, а потом заглатывает и переваривает.

— Иди осторожнее, Сону, — сказал Гопал. — А впереди пусть идет Джаму; джунгли он знает лучше нас всех.

Теперь впереди шел Джаму, а остальные двигались за ним, то и дело оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к шумам и шорохам. Неожиданно в кустах что-то зашуршало. Все замерли, вглядываясь в заросли, среди которых слышалось осторожное шуршание.

— Тигр, — одними губами прошептал Сону. — Помоему, тигр.

Джаму предостерегающе поднес палец к губам. Все умолкли и затаив дыхание улеглись на землю. Джаму бесшумно скользнул в кусты и исчез в зарослях; ветки вдруг раздвинулись, и перед изумленными путешественниками предстала... Судха!

— Судха, ты?! — удивленно воскликнул Джаму.

— Ты зачем пришла сюда? — сердито спросил Гопал.

— Девчонкам нечего делать в джунглях, — заключил Касим.

— Я... я пришла, чтоб... чтоб заменить своего брата, — робко пролепетала Судха.

— Но ты же... — начал было Касим.

— Но я — девчонка, ты это хочешь сказать? — осмелела Судха. — Так вот я пришла и от имени девочек тоже.

— Девчонку мы с собою не возьмем,— подал голос Васант. — Нечего ей в лесу делать.

Судха скорчила ему рожицу и, подражая его голосу, так же уныло протянула:

— Если вы не возьмете меня, я пойду сама, своими ногами. — И Судха показала Васанту язык.

— Да что вам жалко, что ли? Пусть идет с нами, — рассудительно проговорил Сону. — А назад пойдет — без провожатого заблудится, а нам еще на холм взобраться надо.

Все молча согласились с ним.

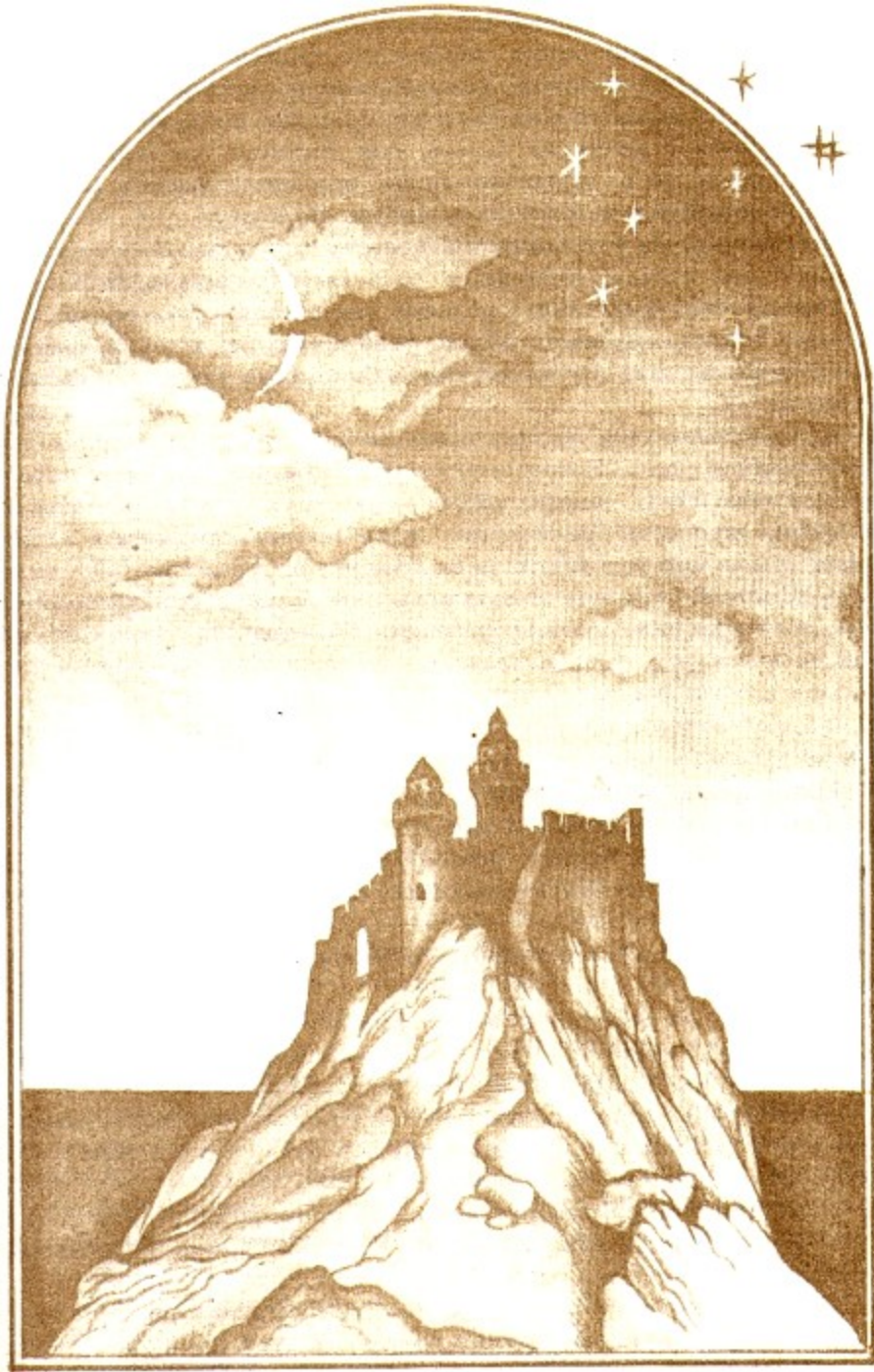
Судха была рада, что ей все-таки разрешили идти вместе со всеми. И она бойко затопала, держась между Сону и Васантом. Подъем становился все круче, заросли все гуще. Здесь уже давно не ступала человеческая нога. Никаких следов — ни поселения, ни торной дороги, ни даже протоптанной людьми тропки. Кругом одни только дикие непролазные джунгли. В густых кронах вверх с ветки на ветку с резкими криками перелетали зеленые попугаи. На ветках, лакомясь дикими плодами, сидели и кувыркались обезьяны. Это был особый мир, далекий от человека и непонятный ему. Ребята взбирались все выше, и их взору открывались бескрайние лесные дали. Животные и птицы, которых они прежде могли видеть только в зоопарке, здесь резвились на свободе. Они чувствовали себя здесь привольно, так же как люди чувствуют себя, живя в городах и деревнях. Изредка попадавшиеся поляны были покрыты изумрудной травой, мягкой и ласкающей кожу, как персидский ковер. Иногда среди зелени на миг показывалась грациозная фигурка лани, в следующий же миг лань делала стремительный прыжок и исчезала. На одной из полян медведица возилась с медвежатами. Из зарослей донеслось глухое рычание пантеры. В густой кроне вверх на миг блеснули ее желтые, как у кошки, глаза и тотчас же исчезли. Прыгая с ветки на ветку, как жонглеры, по верху прошло стадо павианов, переговариваясь на только им одним понятном языке.

Неподалеку прямо из скалы бил родник, у которого виднелось небольшое стадо антилоп-нильгау. Поочередно склоняя головы к воде, антилопы неторопливо пили. Сделав несколько глотков, они вскидывали головы, чутко поводили ушами, настороженно осматривались и, не заметив ничего подозрительного, снова приникали к воде. Вокруг стояла тишина, хотя лес был полон жизни. Животные спокойно паслись, двигаясь поодиночке или сбиваясь в небольшие стада. Здесь можно было одновременно увидеть пятнистого оленя и диких коз, пугливых ланей, стремительно мелькавших в траве зайцев и рыжих лисиц, и, с видом старого аскета-йога у погасшего костра, взирала на мир огромными незрячими глазами старая мудрая сова, неподвижно сидевшая на высокой ветке. А цветов вокруг было такое множество, и все такие яркие, что у ребят глаза разбежались: таких красивых цветов не было даже в городских парках. Да и весь этот лесной мир был такой разнообразный и удивительный! Изумленными и восхищенными глазами смотрели ребята на все, что открывалось их взору.;

Когда путешественники были уже совсем близко к вершине, джунгли стали совсем непроходимыми. Когда можно было продираться вперед, их не останавливала ни порванная одежда, ни глубокие царапины, ни занозы — пока была возможность, они мужественно продолжали подъем. Но сейчас деревья стояли такой плотной стеной, переплетенные лианами, что дальше надо было прорубаться — голыми руками такую преграду было не одолеть. Путешественники, не сговариваясь, остановились и с немым вопросом посмотрели на Джаму. Джаму на миг замедлил шаг, задорно усмехнулся и, подпрыгнув, ухватился за свисавшую ветку. Явно подражая Тарзану, он издал дикий вопль и, раскачавшись на ветке, перемахнул на

соседнее дерево, затем — на следующее, и скоро его голос звучал уже где-то вдалеке.

Его примеру тотчас же последовали самые храбрые — Сону и Судха, и скоро весь лес огласился дикими воплями: каждый старался не хуже, чем настоящий Тарзан. Перепуганные птицы с шумом поднялись в воздух и с тревожным криком носились над лесом, а обезьяны, завидев ребят, стали строить им рожи и прыгать с дерева на дерево, цепляясь за ветки хвостами, словно дразня незваных пришельцев: «Прыгать-то вы, дескать, прыгаете, а вот попробуйте-ка ухватиться за ветку хвостом... Э-э, да что с вами говорить: у вас и хвоста-то нет!»

Сону и его спутники продолжали свой путь. Ближе к вершине холма заросли стали редеть, деревья расступились, колючие кустарники остались где-то внизу, меж деревьев росла мягкая изумрудная трава, а чуть повыше громоздились голые камни и островерхие

скалы. Перепрыгивая с камня на камень, они достигли наконец вершины холма, откуда, по их предположениям, они могли увидеть либо Гоа, либо, на худой конец, хоть какую-нибудь деревушку.

Однако то, что открылось им, повергло их в смятение: холм, на котором они стояли, возвышался посреди поросшего густым лесом и изрезанного глубокими ущельями небольшого острова, со всех четырех сторон омываемого морем, тянувшимся без конца и края, насколько хватал глаз. Нигде не видно было даже признака человеческого жилья...

Долго стояли они, не произнося ни слова, словно замороженные открывшимся видом. На пологом склоне холма, сбегавшем к востоку, острый глаз Судхи заметил скалу, а на скале — старинный замок с мощными крепостными стенами и красивыми сторожевыми башнями, крыши которых блистали на солнце точно золотые.

— Смотри — замок,— коснувшись руки Сону, тихо проговорила она показывая в ту сторону пальцем.— Наверно, там живут бхуты [\[15\]](#).

4

Все молчали, всматриваясь в ту сторону, куда указывала Судха. Наконец Судха прервала молчание.

— Там, наверно, бхуты, — повторила она.

— Какие еще там бхуты? — возразил Касим.— В замках живут разбойники.

— Давайте скорей возвращаться к берегу,— неуверенно предложил Васант.

— Может, на берегу нас мать с горячими лепешками дожидается? — съязвил Гопал. — Ты, Васант, сначала думай, а потом уж говори... Зачем нам возвращаться, если уж мы попали сюда?

— Ты прав, Гопал, — согласился Сону. — Если это замок, значит, есть стены и крыша над головой. Может, там кто-то и живет. Тем лучше. Мы попросим у него помощи.

— Сону правильно говорит, — поддержал его Касим.

— А что будет с нашими, что остались на берегу? — озабоченно спросила Судха.

Было решено, что Джаму и Гопал возвращаются назад и ведут сюда остальных. Здесь обе группы объединяются и двигаются к замку.

— Только идти надо побыстрее, — добавил Касим, — В замок надо попасть до захода солнца.

Гопал взглянул на Джаму и весело усмехнулся:

— А мы по-солдатски: марш-бросок — и мы здесь.

Солнце уже опускалось за башни и высокие стены замка, когда объединенный отряд путешественников достиг подножия скалы, на которой возвышался замок.

Заброшенный старый замок наводил страх. На стенах и сторожевых башнях не было видно ни души. От подножия скалы к воротам замка вела каменная лестница, во многих местах выщербленная и поросшая травой.

Поднявшись по ступенькам, дети остановились у массивных, обитых медными листами ворот. Постучали — сначала тихо, потом забарабанили кулаками что было мочи. Протяжно скрипнули петли, и ворота медленно, словно нехотя, открылись. Ребята в страхе попятились. Потом те, кто посмелее, стали подходить поближе и заглядывать внутрь. Им открылось удивительное зрелище. Замок изнутри был полностью разрушен, крышу давным-давно снесло ураганом, навесы на верандах и балконах еле держались, перегородки внутри здания почти все обвалились. На полу — кучи битых кирпичей и мусора, поросших травой и колючим кустарником, где гнездились птицы. В тех

перегородках, которые еще держались, зияли огромные проломы. Видимо, люди покинули замок многие годы назад. В полной сохранности были только главные ворота, лестничные переходы, сторожевые башни да стены, обращенные к горе. Обращенная в сторону моря часть крепости целиком лежала в развалинах.

Осмотр крепости ничего утешительного не принес. Ведь издали крепость казалась такой могучей и нарядной, и ребята были уверены, что здесь непременно кто-нибудь живет, и, спускаясь по склону горы, они размышляли, как их встретят, чем угостят и где уложат спать. После осмотра замка все их мечты рухнули, и теперь они стояли посреди крепости, подавленные, не зная что делать дальше.

Вдруг откуда-то из глубины замка донесся голос Сону. Все разом оглянулись. Да, это был он, Сону, он звал их к себе. Все наперегонки бросились к нему. Оказывается, облазив все закоулки замка, он обнаружил одну комнату, в которой можно было временно приютиться. Комната имела стены и половину крыши, через другую половину, давно снесенную, открывалось чистое небо.

— Ну, как? Годится под спальню? — спросил Сону.— Тут хоть стены есть.

— Стены высокие, прочные, — подхватил Касим.— Через такие ни один зверь не перелезет.

— А как же дверной проем? — озабоченно спросил Джаму, указывая на зияющую пустоту вместо двери. — Как быть с проемом?

— Будем дежурить по очереди, — спокойно отвечал Сону.

— Кто берется дежурить ночью? — обращаясь к мальчикам, спросил Касим.

Кроме Васанта, Касима и Сону, дежурить вызвались Шанкар, толстяк Рустам и постоянно улыбающийся Субраманьям.

— Мы с братом тоже будем дежурить, — подала было голос Судха, но Вишну не откликнулся, притворившись спящим.

— Не огорчайся, — утешил девочку Сону. — И без твоего брата добровольцев оказалось больше чем надо... Ну так вот, распорядок на эту ночь мы установим такой: первыми на дежурство заступят я и Шанкар, во вторую очередь пойдут Васант и Рустам и последними будут дежурить Касим и Субраманьям. Смена — через каждые три часа. Остальным — спать!

Кое-как расчистив угол комнаты, все повалились на пол, тесно прижимаясь друг к другу.

Ночь выдалась темная. Невольно в сердца дежурных закрадывался страх. Из джунглей доносилось рычание тигра, какие-то вопли и крики. Сквозь пролом в крыше видны были яркие звезды. Однако путешественникам поневоле было не до страхов: ребята настолько устали, что, едва коснувшись пола, все заснули мертвецким сном, и им уже было все равно, где они и как тут очутились. Только когда сквозь пролом в крыше долетал прохладный ветерок, все ежились, поджимая ноги, и плотнее сбивались, чтобы хоть как-то согреться. На каменных плитах они спали так сладко, точно на покрытых шелком постелях.

А их покой в ночи хранили сменявшие друг друга дежурные. Внутри замка не было видно ни зги, только раза два или три на вершине стены на миг загорались два огромных зеленых глаза, но дежурные, к счастью, их не заметили.

Утром мальчики отправились в лес: надо было отыскать что-нибудь съедобное. Девочек они оставляли в замке со строгим наказом — далеко не уходить.

Но стоило мальчикам скрыться в лесу, как девочки тотчас же создали свой отряд и, выйдя из ворот замка, направились к протекавшей неподалеку небольшой

горной речушке. Там они искупались и, вволю наплескавшись, принялись собирать цветы, в изобилии покрывавшие берег речки. Некоторые перешли речку вброд и, поднявшись на взгорок, улеглись на траву загорать.

Проворно собирая цветы, Судха вдруг издала радостный крик.

— Что такое? — озабоченно спросила Хусна.

— Горох, горох! Стручки гороха!

Среди цветов, густо усыпавших большой куст, висели длинные зеленые стручки. Расщепив один из них на две половинки, Судха показала содержимое Хусне: внутри были мелкие зеленые шарики, очень похожие на обычный полевой горох.

— Конечно, это горох, — уверенно сказала Судха и, ссыпав содержимое стручка на ладонку, отправила в рот.

— погоди ты! — остановила ее Хусна. — А вдруг что-нибудь ядовитое? Надо посоветоваться с мисс Ботаникой.

Мисс Ботаникой девочки в шутку прозвали свою сверстницу: настоящее ее имя было Джамна, а прозвище ей дали потому, что она увлекалась ботаникой и неизменно получала по этой дисциплине самые высокие оценки.

Серьезная не по возрасту, Джамна постоянно носила очки с толстыми стеклами. Сейчас Джамна, уединившись от подруг, тщательно осматривала основание скалы, на которой стоял замок. Когда девочки хором позвали ее, она тотчас же прибежала. На открытой ладонке у нее блестело несколько мелких прозрачных кристаллов, похожих на кусочки стекла.

Внимательно рассмотрев куст и стручки на нем, она наконец дала заключение:

— Все верно. Можно есть. Это дикий горох...

Девочки тотчас же набросились на горох. Мигом очистив куст, они принялись разыскивать новые заросли гороха и, весело болтая о всякой всячине, обрывать стручки.

Джамна и Судха переправились через речку, хотя речка эта была нечем иным как горным ручьем, который можно было перейти вброд. Выйдя на противоположный берег, девочки занялись делом: Джамна с помощью Судхи принялась что-то разыскивать. Через полчаса стало ясно, что девочки трудились не зря: вернулись они с охапками каких-то кустиков. Когда другие девочки поинтересовались, что это за кустики, обе загадочно переглянулись.

— Скажем, когда вернутся мальчишки, — лукаво улыбаясь, проговорила Судха.

В полдень возвратились наконец мальчишки. Они обследовали остров и принесли множество вкусных вещей, поэтому, едва ступив на каменные плиты лестницы, принялись хвастаться:

— А взгляните только, что мы принесли... Вот лесной гранат, а вот дички — лесные яблоки... маленькие, но ух какие кислые — вырви глаз!..

Кроме того, в двух местах они обнаружили небольшие заросли бананов, а в качестве доказательства прихватили с собой гроздь еще не спелых бананов и теперь с гордостью показывали свои находки всем желающим.

Показ находок наконец был закончен.

— Ну, а вы что тут делали без нас? — обратился к девочкам Касим, очень довольный произведенным впечатлением. — Небось только языки чесали да таскали друг дружку за косы?

— Ну что вы, ваше величество! Как можно, ваше величество! — с явной издевкой затараторила Хусна.

— А это что, посмотрите, — обиженно надула губки Мери.

— Видим, цветы,— спокойно сказал Джаму. — Известно, у девчонок одни цветы на уме. Что ж, и есть будете цветы?

— А для еды мы нашли кое-что повкусней ваших дичков, которые и в рот-то взять противно, — презрительно морща носик, заявила Судха.

— Что же это такое? — с наигранно серьезным видом спросил Сону, — Жажду узнать...

— Если бы в твоей голове было хоть чуточку ума, ну, вот хотя бы с эту горошину, ты бы сам догадался, — сердито прозвенела Судха и высыпала перед самым его носом целый ворох стручков дикого гороха.

Сону с радостным криком бросился вперед, но Судха отстранила его рукой, а стручки прикрыла передником.

— Но это еще не все,— подхватила мисс Ботаника. — А ты взгляни на это. — И она стала по одному показывать принесенные из-за речки кустики с какими-то перепачканными землей клубеньками вместо корешков.

— Наверно, какое-нибудь лекарственное растение, мисс Ботаника? — высказал предположение Гопал.

— Сам ты лекарственное растение! — рассмеялась Джамна. — Это же арахис, земляные орехи!

— Неужели земляные орехи? — с недоверием спросил Васант.

Джамна отломила от корневища перепачканные землей несколько продолговатых клубеньков и протянула их Васанту:

— Не веришь — попробуй сам!

Земляные орехи окончательно сразили мальчишек: хвастаться им было нечем, девочки оказались удачливей их.

Хусна стала щедро оделять побежденных стручками. Мальчишки жадно набросились на горох.

— Эх, вот если б к этому да щепотку соли... — мечтательно вздохнул кто-то.

— А соль мы тоже нашли, — сказала Джамна и вынула из кармана кристаллики, похожие на битое стекло. — Залежи каменной соли выходят здесь, у самого основания скалы, на которой стоит замок. Сейчас я чем-нибудь измельчу.

С солью горох был еще вкуснее.

— Был бы огонь — разожгли бы костер, — проговорила Мери.

— Огонь, говоришь? Сейчас будет огонь, добудем, — уверенно заявил Джаму.

У подножия крепости он отыскал два кремня. Потом взял у Касима нож, нащепал сухих лучинок, подложил под них сухого мха и, ловко ударив кремень о кремень, высек искру. Так всегда делал его отец, когда бхилы оставались без огня. Затлел мох, занялись лучинки, и скоро перед Джаму заплясал робкий язычок пламени. Джаму осторожно подкладывал в огонь тонкие сухие веточки. Огненные языки слизывали их одну за другой. В ход пошли сухие сучья и целые стволы. Не прошло и

получаса, как ребята сидели вокруг костра, поджаривали в углях земляные орехи и, перебрасывая с руки на руку, отправляли в рот.

— А ведь действительно получается пикник! — восторженно заявил Вишну, хрустя поджаренными орехами.

Следующую ночь ребята провели в той же комнате с четырьмя стенами и половиной крыши над головой. Опять были три группы, которые по очереди несли дежурство, охраняя сон товарищей.

В полночь когда дежурил Рустам, на краю крыши он увидел два ярких зеленых огонька. От страха дежурный лишился речи.

Сону, дежуривший вместе с Рустамом, задумавшись, смотрел перед собой куда-то в темноту. Рустам осторожно толкнул его ногой. Сону недовольно повернулся к нему и, видя, что на нем лица нет, тихо спросил:

— Что с тобой?

Рустам судорожно глотнул воздух, не в силах произнести ни слова, только ткнул пальцем в сторону крыши.

Сону поднял голову: сверху на него смотрели два круглых зеленых глаза.

— Ты тоже... видишь их? — громким шепотом спросил Рустам, заикаясь: у него наконец прорезался голос.

Два огненных глаза, казалось, заглянули вниз. Раздалось грозное рычание.

Выватив из костра горящую ветку, Сону стал размахивать ею в воздухе.

— Пошла отсюда! — закричал он. — Убирайся!

Наверху снова раздалось злобное рычание; сомнения не оставалось — это была пантера.

На шум повскакали все спящие. Поднялся невообразимый гвалт. По приказу Сону мальчики

вооружились горящими ветками из костра и, размахивая ими, принялись орать и вопить что было мочи.

Огонь и шум отпугнули пантеру: рыча, она отступила от края крыши, и огоньки — ее глазки — исчезли во тьме.

Остаток ночи никто не спал. Все оживленно обменивались впечатлениями, нет-нет да и поглядывая с опаской вверх, и улеглись досыпать, когда на востоке уже занималась заря.

5

Со следующего дня ребята усилили дежурство, и всю ночь напролет в их комнате полыхал огромный костер. Одновременно они решили где-нибудь на возвышенном месте за пределами крепости построить жилище, у которого будут и все четыре стены, и дверь, и крепкая крыша над головой.

Решить-то они решили, но как строится настоящее жилище, никто из них не знал: никому прежде не доводилось принимать участие в постройке даже самой простой землянки. А кроме того, не было ни кирпича, ни бетона, ни извести, ни материала для крыши. Конечно, строить жилище было надо — сомнений на этот счет ни у кого не оставалось,— но вот как строить, об этом никто из них не имел ни малейшего представления.

— Построить такой дом, какие строят в городе, мы не сумеем, — вслух рассуждал Джаму. — Значит, надо строить такое жилище, какое мы, бхилы, строим для себя в лесу. Такое жилище строится целиком из дерева.

— А где возьмем дерево? — спросила Мери.

— В лесу, где ж еще? — раздраженно отвечал Касим.

— В лесу, конечно, деревьев много, а как их взять?
— заметил Гопал. — Ни пилы, ни топора у нас нет.

— У меня есть ножик, — сказал Касим, — им можно нарезать веток.

— А я даже без ножа и топора могу добыть толстую ветку, — с добродушной улыбкой проговорил Рустам.

— Хотела б я посмотреть, как ты это сделаешь, — прошебетала Хусна.

Рустам не удостоил ее даже взгляда. Вместо ответа он подбежал к ближайшему дереву, подпрыгнув, ухватился за ветку и стал раскачиваться. Под тяжестью его тела ветка затрещала и вместе с ним рухнула на землю. Раздался дружный хохот: смекалка Толстяка понравилась всем. С этого дня за ним закрепилась новая кличка — Рустам-Дровосек.

— Я думаю, нам стоит разбиться на две группы, — подытожил Сону. — Одна — продовольственная — будет вести в лесу заготовку съестного, а другая — строительная — будет строить жилище.

— Продовольственную группу возглавлять буду я, — заявил Вишну.

— Что это ты вдруг в лидеры пробиваться вздумал?
— насмешливо протянул Касим. — Впрочем, эта должность специально для таких, как ты, любителей сладко поесть.

— А ты помолчи, — огрызнулся Вишну. — Не с тобой говорят.

Касим готов был уже кинуться на обидчика, но вмешался Сону.

— Ты не кипятись, Касим, — примирительно сказал он. — Вишну прав. Вишну пусть возглавляет продовольственную группу, а строительную пусть возглавит Джаму, потому что он единственный из всех знает, как строить жилье.

— А я знаю, как настилать крышу из пальмовых листьев, — сказал Васант. — Пальмовые листья и бечева

— вот и весь материал, а такая крыша получается — даже в проливной дождь ни одна капля внутрь не просочится.

Потом выяснилось, что, кроме Васанта, с пальмовыми листьями умеют обращаться еще Сону и три девочки. И, только выяснив все это, приняли наконец решение: группа Вишну отправляется в лес на поиски съедобных плодов, ягод, побегов и корней, а группа Джаму займется строительными работами.

После того как Касим, Гопал и Джамна — мисс Ботаника во главе с Вишну отправились в лес, остальные принялись за стройку. Прежде всего отыскивали ровную поляну на возвышении и, освободив ее от травы, выложили каменный пол. Потом все вместе двинулись в лес — ломать ветки, а Васант, прихватив нож Касима, отправился на побережье. Взобравшись на пальму, Васант принялся резать листья, а Джаму, Рустам, Санджив и Судха, вооружившись острыми обломками камней, двинулись к зарослям бамбука — на заготовку древесины. Попутно набрали сушняка для костра. Все заготовленное они стаскивали к месту стройки.

Обломками камней, как скребками, они вырыли ямы, в ямы рядом, как изгородь, поставили толстые бамбуковые стволы. Девочки тем временем из копры кокосовых орехов принялись плести прочную бечеву, попутно обучая этому нехитрому ремеслу и тех, кто никогда в жизни не касался копры.

Однако камень есть камень: ствол дерева им не спишлишь.

— Мелких-то веток, Рустам, ты наломаешь, — рассуждал Джаму, — но откуда взять бревна? Тут ведь нужна не просто ветка, а целый ствол: на нем и четырех угловых столбах будет держаться все наше жилище. Между бамбуковыми стволами будем пропускать пальмовые листья — поплотнее один к другому.

Пропустил снизу доверху с одной стороны — одна стена готова, пропустил с другой стороны — вторая стена готова. А для прочности в промежутках между ними будем вплетать тонкий бамбук. Все это мы сделаем, ничего сложного тут нет, но где взять пять бревен? Без опор жилье не построишь.

— А разве без опор жилье нельзя построить? — спросила Судха.

— Построить-то можно,— сказал Джаму, почесав в затылке, — только непрочное.

— Какое-никакое, а все-таки жилье, — продолжала Судха. — И от дождя укрытие, и от зверя.

Джаму ничего не ответил.

До полудня все были заняты заготовкой строительного материала: на площадку стаскивали ветки, бамбук, пальмовые листья, длинные гибкие лианы, плели веревки из копры.

В полдень обвешанные гроздьями бананов, с радостной вестью примчались Вишну и его группа: они отыскиали еще одну банановую плантацию, а Джамна — мисс Ботаника нашла растение, увешанное сочными темно-коричневыми плодами, косточки которых по форме удивительно напоминали миндаль. Заинтригованная Джамна камнем разбила косточку — содержимое ее и по вкусу ничем не отличалось от настоящего миндаля; действительно, это был дикий миндаль.

Однако самым удивительным открытием было крохотное озерцо, спрятавшееся в густых зарослях кустарников и вечнозеленых тропических деревьев. Озеро было довольно большое, однако две трети его уже заросло осокой и камышом и превратилось в топкое болото, наполненное жирночавкающей грязью, где догнивали остатки рухнувших деревьев; «живой» оставалась только третья его часть: как видно, эту его часть питали родники, и вода в нем была прозрачная и

вкусная, а у берегов, словно дорогая оправа, среди глянцевиных темно-зеленых листьев яркими кострами цвели огромные кувшинки.

— Отыскали грязное болото — презрительно сморщила свой носик Судха. — Нашли чем хвастаться! Фи!

— Главное — мы полностью закончили обследовать остров,— не удостоив ее взглядом, гордо выпятил грудь Вишну. — А в том, что кое-кто называет грязным болотом, мы видели слоненка.

— Слоненка? — восхищенно пискнула Хусна.

— Настоящего слоненка,— подтвердил Касим, — Он увяз в болоте.

— Где увяз? — хватая за рукав, потащила его Хусна. — Пойдем, покажи где.

Бросив все дела, ребяташки отправились вслед за Вишну и Касимом.

Раза два они сбивались с пути, петляли, натыкались на непроходимые заросли, пока наконец не вышли к озеру. Может, они и еще бы петляли, да помог сам слоненок: его крики служили им ориентиром.

Слоненок действительно увяз в болоте и чем больше барахтался, тем больше увязал, от страха трубя на весь лес.

— Надо спасать, — выразительно взглянув на Джаму, твердо сказал Сону.

Джаму обвел взглядом вокруг. Сону молча указал на длинную, толстую, как канат, лиану, свисавшую с дерева.

— Эта лиана послужит нам вместо веревки, — пояснил Сону.

— Тут одной лианой не обойдешься, — покачал головой Джаму. — Чтобы вытащить слоненка, надо бы две таких, а еще лучше — три.

Забыв про стройку, ребяташки разошлись по лесу на поиски лиан, занятые сейчас одной только мыслью, как

можно скорее спасти слоненка. Прошло совсем немного времени — и на берегу озера лежало уже шесть или семь лиан, каждая толщиной в руку.

Взяв в руки самую прочную лиану, Джаму осторожно ступил в воду — и сразу же увяз по колено. С трудом вытаскивая ноги из болотной грязи, он сделал несколько шагов и, изловчившись, бросил сложенную вдвое лиану, стараясь накинуть петлю на голову слоненка, но, как видно, не рассчитал; не долетев до слоненка, лиана плюхнулась в воду.

Следом за ним в воду полез Сону, но и его попытка спасти слоненка ни к чему не привела.

— Придется, видно, мне лезть, я выше всех, — сказал Вишну.— А если застряну, кто меня будет вытаскивать?

— Мы тебя самого лианой обвяжем, — сказал Сону, отжимая из рубахи воду. — Если станешь тонуть, мы тебя быстренько вытянем на берег.

Все согласно закивали головами. Потом, обвязавшись лианами, Вишну, Касим и Гопал бесстрашно шагнули в воду и, поднимая со дна болотную муть, медленно двинулись к слоненку. Подойдя к слоненку вплотную они крепко обвязали его лианами и, выбравшись на берег, вместе со всеми принялись тянуть увязнувшее животное.

Чувствуя помощь, слоненок принялся отчаянно барахтаться. С трудом вытянув слоненка из трясины, дети подтянули его к кромке чистой воды. Помогать слоненку на плаву было уже гораздо легче.

Труднее было успокоить насмерть перепуганное животное. Бедняга, наверно, думал, что его ждет какое-то новое несчастье: с перепугу он вопил на весь лес.

Не обращая внимания на отчаянные вопли слоненка, ребята дружно тянули его к берегу. Подтянув животное к берегу и подтолкнув его на сухое место, ребята

окружили дрожавшего от страха слоненка и стали разглядывать его. Никому из них не доводилось прежде видеть так близко живого слоненка. Потом они дружно принялись счищать с него грязь, поливая его водой из пригоршней. Слоненок успокоился, затих, а когда его помыли, принялся даже играть с детьми, забыв про все свои страхи. Скоро весь берег озера звенел веселыми детскими голосами и добродушным похрюкиванием слоненка.

Вдруг неподалеку раздался грозный рев, и на берег выскочила огромная разъяренная слониха с угрожающе поднятым кверху хоботом.

При виде слонихи дети с криками бросились врассыпную, кто куда мог. Не двинулся с места только Сону.

Задрав хобот, слониха издала яростный рев, от которого, казалось, содрогнулась земля, и двинулась на Сону.

Девчонки в ужасе закрыли глаза и отвернулись. Перепуганные мальчишки со страхом наблюдали за происходящим из-за кустов. Казалось, еще миг — и слониха раздавит смельчака своей массивной и толстой, как ствол, лапой.

Сону прижался к слоненку и, глядя его по спине, спокойно говорил, обращаясь к его матери:

— Твоему сыну мы спасли жизнь, мы даже не дразнили его, мать. Мы просто играли с ним, купали и чистили его. Ведь он такой же, как мы — озорной и непоседливый, но он совсем не хотел огорчить свою маму!

В ответ на ласку слоненок хоботом стал гладить Сону.

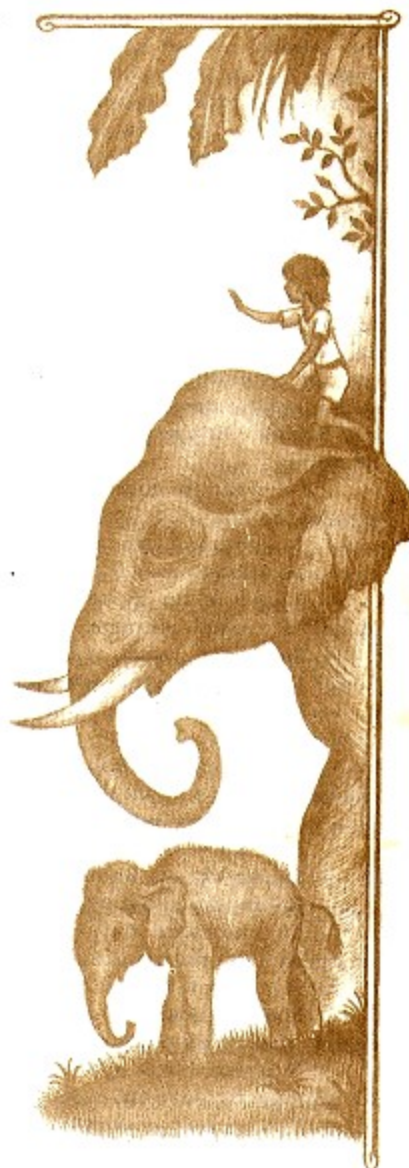
Слониха опустила лапу на землю, потом обнюхала свое дитя со всех сторон и, оставшись, как видно, довольной осмотром, ласково обвила Сону хоботом и подняла над землею.

Попрятавшиеся по кустам ребяташки замерли в ожидании неизбежной развязки. Чтобы не закричать, многие крепко зажали ладошками рты.

Однако то, что произошло дальше, повергло всех в изумление. Подняв Сону высоко над землею, слониха осторожно усадила его к себе на спину.

Приготовившийся к худшему, Сону едва успел перевести дух. Оказавшись на широком загривке животного, он испустил радостный вопль.

А слониха, помахивая хоботом, неторопливо направилась в сторону зарослей.

— Иди, мать, иди туда, — распластавшись на ее спине, ласково говорил ей Сону. — Мы строим жилье, мать, помоги нам.

Слониха шла туда, куда указывал ей Сону. Рядом торопливо перебирал ногами слоненок.

Видя такое зрелище, ребяташки выскочили из кустов. Только что перепуганные насмерть, теперь они смело шагали следом за слонихой и ее сыном. Джаму,

забежав вперед, угостил слониху сочной травой. Его примеру последовали другие.

Миновали джунгли. Когда процессия проходила мимо замка, Сону наклонился к уху слонихи и, указывая рукой на возвышение, сказал ей:

— Взгляни туда, мать... Вон там мы строим себе жилье. Чтобы жилье было прочным, нам нужно несколько толстых бревен... Только вот беда: нет у нас ни топора, ни пилы... Помоги нам, мать. Взгляни направо... Там ты видишь пальму. Свали ее, мать. И вон то дерево, что рядом с площадкой. Ты поможешь нам, и у нас будет свое жилье.

Слониха каким-то чудом понимала, что говорил ей Сону. Как бы то ни было, мягко помахивая ушами, она двигалась туда, куда ей указывал Сону. Подойдя к пальме, слониха обвила хоботом ствол и, напрягшись, попробовала его вырвать. Дерево не шелохнулось. Тогда отступив назад, слониха ударила дерево лбом, еще удар — и пальма со скрипом и скрежетом рухнула на землю. Дети захлопали в ладоши и пустились в пляс.

Слониха спокойно продолжала начатое дело: по указанию Сону она свалила второе дерево, потом — третье, четвертое и, наконец, пятое.

Закончив работу, слониха снова подняла Сону высоко над землею и осторожно опустила на траву. Покачав на прощание хоботом, слониха со слоненком не спеша удалилась в джунгли.

Помощь слонихи решила дело — через неделю жилище было закончено.

Убрав строительный мусор, дети набрали банановых листьев, высушили их, сшили в единое полотно и, раскрасив соком различных ягод, изготовили оранжево-бело-зеленый стяг своей родины. Флаг прикрепили к длинному шесту и водрузили над входной дверью хижины. Потом все островитяне совершили омовение в ручье, что протекал у подножия скалы, и, чисто умытые

и все причесанные, собрались у входа в хижину. Самым первым войти в хижину выразил желание Вишну. Он уже сделал шаг к входной двери, но его остановила Хусна:

— Ты куда? Не спеши! Сначала надо окрестить наше жилье... Как назовем его?

— Да, пожалуй, ты права, — согласился Сону. — Но как же все-таки нам назвать его?

— А чего ж тут думать? — подал голос Вишну. — Кто строил жилище? Я строил жилище, поэтому назовем его «Обитель Вишну».

— Тоже мне выискался раджа! — возмутился Рустам.— А чем я хуже? Пусть называется «Вилла Рустама».

— Ну, как бы не так! — закипел Васант. — Пусть называется «Васант-бхаван» [\[16\]](#).

— Ничего подобного! — выступил вперед Касим.— Пусть его названием станет «Касим-махал» [\[17\]](#).

— Нет, Васант-бхаван!

— Нет, Касим-махал!

— Васант-бхаван, Васант-бхаван, Васант-бхаван!

— Касим-махал, Касим-махал, Касим-махал!

— Да замолчите вы! — прикрикнула на спорщиков Судха, — Послушайте вот, что мы скажем!

— Ну, говори, что вы там надумали, — недовольно буркнул Вишну.

— Мы предлагаем назвать жилище просто — Наш Дом, — смущаясь, проговорила Мери.

— Я думаю, Мери права,— проговорил Сону. — Жилище мы строили все вместе, поэтому пусть так и называется — Наш Дом!

— Правильно! — закричали вокруг. — Наш Дом! Ура-а-а!

Когда жилище получило наконец имя, все встали в одну шеренгу, исполнили государственный гимн

родины и по одному стали входить в хижину.

Действительно, дом получился на славу — просторный, высокий и светлый. В доме было три комнаты: спальня для девочек, спальня для мальчиков, классная комната — и общая кухня. В классной комнате девочки из сухих листьев сделали календарь, географическую карту, украсили стены цветами и выложенным из листьев затейливым орнаментом.

По случаю торжества девочки приготовили праздничный обед: салат из зеленого горошка и свежих побегов со специями, нежно подрумяненные земляные орешки и нарезанную тонкими ломтиками мякоть кокосовых орехов. Все это было разложено прямо на полу, на чисто вымытых и нарезанных кусками — наподобие подносов — пальмовых листьях. Обед удался на славу и прошел шумно и весело. Затем все, отяжелевшие от обильной еды, вывалились из хижины и, с наслаждением вытянув ноги, улеглись в тени деревьев.

— Боже мой, сколько ж мы сегодня съели! — с неподдельным изумлением воскликнула Мери.

— Ну, как, ты доволен, Васант? — лениво протянул Касим. — Сегодня мы все вместе готовили обед — все вместе и уничтожили его.

— Я не просто доволен. — Васант был явно в поэтическом настроении. — От такого прелестного обеда я получил истинное наслаждение.

— Ну, вот заладили: «доволен», «наслаждение», — сонно пробубнил Рустам, — нет бы просто сказать — «сытно поели», и все.

— А ты, Рустам, не лезь куда тебя не просят, — повернулся к Толстяку Васант.

— Да, ты уж лучше не вмешивайся, Рустам, — поддакнул Касим.

— Это почему же? — не поворачивая головы, поинтересовался Рустам. — Ну, а вдруг вы подеретесь?

Что ж, мне стоять в сторонке и смотреть?

— Ну, подеремся мы или помиримся — это наше дело, — парировал Васант. — А ты не лезь. Драться нам или не драться — это наше законное право.

— Не законное, а наследственное!

— А я говорю — законное!

— Не законное, а наследственное!

— А вот сейчас на деле покажу, какое у нас право! Хочешь по шее схлопотать?

— Пока ты до шеи дотянешься, я тебе все ребра пересчитаю!

— А знаешь, что такое котлета? — протянул Васант со злобой. — Я котлету из тебя сделаю!

— Хе, котлету! — усмехнулся Касим. — Я из тебя отбивную сделаю!

— Тоже мне нашелся Шер-хан!

— А кто это такой — Шер-хан? — наивно спросила Судха.

— Да он все напутал! — вмешался Гопал. — Не Шер-хан, а Шершах, ну, тот самый Шер-шах, который построил дорогу из Бенгалии до самого Кабула.

— Тоже мне знаток! — усмехнулся Касим. — Дорогу эту англичане построили!

— Эх, ты, «англичане»! Чего бы понимал! — презрительно махнул рукой Гопал. — Ты думаешь, до англичан и дорог совсем не было?

— Да ты на себя только взгляни — настоящая обезьяна!

— Эй, ты, попридержи язык! — вскипел Гопал, — Отца моего оскорбляешь? Смотри, голову оторву!

— За такие слова я сам тебе голову оторву! — огрызнулся Касим.

— Нашли из-за чего ругаться, — спокойно заметил Толстяк Рустам. — У нас даже в учебнике написано: «Предком человека была обезьяна».

Васант и Касим бросились на Рустама.

— Вишну! — отбиваясь, жалобно позвал на помощь Рустам.

— А ну, кончай! — растаскивая драчунов, закричал Вишну. — А ты бы постыдился, Касим! Поднимать руку на того, кто слабее тебя? Стыдно!

— Ах, твой брат поднял руку на моего брата?! — закричала Судха на Хусну.

— Твой брат сам начал задираться! — огрызнулась Хусна. — Хвастунишка проклятый!

— А, ты еще и ругать моего брата? — наступая на Хусну, завопила Судха.

— Это твой брат избил моего брата!

— Нет уж, извини! Первым задрался твой брат! — размахивая руками, тараторила Судха. — Это он!.. — И, не закончив, она вцепилась Хусне в волосы.

— А мы что, хуже других? — подходя к Гаури, сказала Мери. — Давай и мы с тобой подеремся.

— Давай! — охотно откликнулась Гаури. — Ну, начинай! Сначала — ты меня, потом — я тебя!

— Вишну, помоги! — завопил вдруг Васант.

Еле переводя дух, подбежал Сону.

— Васант, Касим! — закричал он, стараясь разнять дерущихся. — Прекратите драку!.. А вы что это затеяли? Судха, Хусна! Прекратите!.. Прекратите! Кому я говорю? Сейчас же прекратите!

Но его уже никто не слушал. На поляне развернулось настоящее сражение. Касим дрался с Вишну, Васант — с Гопалом, Рустам отбивался сразу от двоих. Таскали друг дружку за косы девчонки. На поляне стоял невообразимый гвалт: все кричали, орали, улюлюкали. Никто никого не слушал.

Не в силах прекратить драку, Сону с трудом выбрался из общей свалки и полными отчаяния глазами посмотрел в сторону моря. Вдруг глаза его радостно блеснули.

— Пароход! — перекрывая шум, закричал он. — Я вижу пароход! Пароход! — и со всех ног бросился в сторону моря.

Драка тотчас же прекратилась, и, забыв про все обиды и распри, ребята гурьбою рванулись следом за Сону. Не задерживаясь на берегу, все вбегали в теплую воду, не отрывая глаз от горизонта.

Действительно, далеко, далеко, на самой линии горизонта, где сходились небо и море, виднелся крохотный белый пароход.

— Остановись, пароход! — что есть мочи кричали дети. — Останови-и-ись!

— Мы тут совсем-совсем одни, — причитал кто-то. — Спаси нас, пароходик... Спаси, нас! Поворачивай сюда.

— Капитан! Ты слышишь? Мой отец подарит тебе двадцать тысяч рупий! — кричал Вишну. — Только заberi нас отсюда!

— Пароходик, мой милый пароходик, остановись! — протянув ручонки в сторону моря, умоляла Судха. — Плыви сюда, плыви к нашему острову! Здесь хорошо!

Стоя по колено в воде, ребята махали руками, кричали, взывая к белому пароходу, но пароход все удалялся, словно проваливался за линию горизонта, пока наконец вовсе не исчез из глаз. Над горизонтом осталась только белая полоска дыма, словно тряпица, брошенная на прощание к подножию небосвода.

Пароход давно уже скрылся за горизонтом, а ребята все еще стояли в воде, низко опустив головы, еле сдерживая слезы.

Первой на берег выбежала Мери. Самая младшая из всех, она упала лицом в песок и горько зарыдала:

— Пароход!.. Пароходик! Отвези меня... меня к маме!.. Я к мамочке хочу!

Дети по-прежнему стояли в воде с низко опущенными головами. Шумело море. На берег накатывались волны. Высоко в небе висело жаркое

солнце, заливая ярким светом покрытую золотым песком полосу пустынного берега.

6

Прошло несколько месяцев, и дети, совсем еще недавно беззаботно бегавшие в школу, постепенно привыкли к жизни на острове. В одной из комнат их жилья открылась крохотная школа, где старшеклассники обучали малышей. На девочках, кроме занятий в школе, лежали обязанности по кухне: они установили дежурство, и каждая из них по очереди была поварихой. Два мальчика занимались портняжным делом — шили для остальных одежду. Когда у кого-нибудь из островитян платье окончательно приходило в негодность, то все обитатели отправлялись в лес. Там они заготавливали длинные полосы свежей волокнистой коры и листьев, потом сушили и теребили их, соком диких лесных ягод раскрашивали волокна, затем ткали грубое рядно и шили платье. Вместо иглы использовали длинные острые шины кустарников, а вместо ниток — тонкие волокна лиан. Теперь все они выглядели как настоящие дикари.

Сону, как и другие старшеклассники, преподавал в школе, а в свободное время сапожничал. Благодаря Сону островитяне ходили в башмаках на деревянной подошве: колючки на лесных тропах были теперь не страшны.

Щенок, привезенный Сону, основательно подрос, по ночам он охранял жилье. Островитяне так привыкли к физическому труду, словно всю жизнь провели в этих джунглях. Каждый мальчик умел взбираться на кокосовую пальму, а многие научились у Джаму по запахам определять приближение лесных хищников.

Один только Вишну не хотел трудиться вместе со всеми. Судха на правах сестры и уговаривала его, и стыдила, но все попусту: на него ничего не действовало. Вишну то и дело ссорился с ребятами, отнимал причитавшуюся им порцию съестного и всем видом своим старался показать, что самый сильный здесь он.

Сестра была прямой противоположностью брата — терпеливая, мягкая, отзывчивая, трудолюбивая, всегда готовая прийти на помощь — все уважали ее, и только из-за этого старались не замечать проделок Вишну. Правда, была тут и другая причина: у Вишну чудом сохранился транзисторный приемник, с которым тот никогда не расставался. Каждый вечер у приемника собирались все колонисты, чтобы узнать, что делается в мире, или послушать концерт. Многое прощалось Вишну за то, что он являлся обладателем такой уникальной вещи.

За работой день проходил незаметно, а когда наступала ночь и, поужинав, ребята готовились ко сну, Вишну включал свой приемник. Все рассаживались кружком и слушали радио. Транзистор работал до тех пор, пока диктор не объявлял, что работу свою на сегодня радиостанция заканчивает. Благодаря приемнику островитяне были связаны с жизнью не только своей страны, но и всего мира, и это поддерживало теплившуюся в сердце каждого из них надежду когда-нибудь вернуться домой, хотя все понимали, что остров стоит вдалеке от оживленных морских путей и шансов на возвращение у них почти не было. Когда они слушали голос диктора, звучащий из приемника, на глаза невольно навертывались непрошенные слезы, и в душе каждого начинала теплиться надежда, навеявая милые сердцу воспоминания о родном доме, о родителях, о братьях и сестрах. Когда же приемник выключали, на острове

воцарялась такая звенящая тишина, что дети, стыдясь друг друга, украдкой утирали слезы и под ровный рокот моря забывались тревожным сном.

Однажды вечером после ужина они, как всегда, собрались у приемника. Все шло, как обычно: звучали сообщения, рассказы, музыка. Неожиданно программа была прервана, и после минутного молчания зазвучал голос диктора:

«Говорит радио Бомбея! Говорит радио Бомбея! Сегодня мы пригласили к микрофону родителей тех детей, которые некоторое время назад пропали во время шторма и поиски которых не дали пока никаких результатов. Слушайте! Слушайте! Включаю микрофон!»

Дети изумленно переглянулись и сразу же плотнее сгруппировались вокруг приемника. Сбежались даже те, кто никогда близко не подходил к транзистору, предпочитая отлеживаться в сторонке.

Из-за черной металлической сетки приемника прозвучал мужской голос: говорил отец Вишну.

«Дорогой сын мой Вишну и ты, дорогая дочка наша Судха! — неслось из приемника, — Мы не знаем, где вы сейчас, но надеемся, что вы слышите нас. Ведь у вас есть транзисторный приемник, тот самый, который я подарил Вишну в день рождения. С тех пор как вы уехали, все наши мысли только о вас. Особенно убивается мама. Я торжественно обещаю десять тысяч рупий тому, кто вернет мне моих дорогих крошек... А пока спокойной ночи!»

Потом на своем родном языке — гуджарати обращался к пропавшему сыну отец Рустама, на маратхи говорил отец Васанта, потом снова звучал гуджарати: это для Касима и Хусны произнес несколько утешающих фраз их отец; отец Гопала обратился к сыну на панджаби, отец Джаму — на бхили, а отец маленькой Мери говорил на чистейшем английском. В их голосах

звучала, тревога за судьбу своих пропавших без вести детей...

Наступила минутная пауза. Потом диктор, к кому-то обращаясь, мягко сказал:

«Господин Ганпат Павар, вы тоже можете сказать несколько слов своему сыну. Микрофон перед вами».

Послышался натужный кашель и глухой, с хрипотцой голос отца Сону:

«Дорогой сынок, где ты и каково тебе сейчас? Судьба отняла у меня многое, я почти ничего не вижу — это ты, Сону, знаешь... Но у меня, сынок, есть душа, и где бы ты ни был, я слышу тебя лучше всякого радио. Слышишь ли ты меня? Я верю, сынок, что ты очень скоро будешь рядом со мною... И еще я хотел сказать тебе, сынок: как бы трудно ни было, не теряй головы. Смелость — она не только города берет!»

Едва заслышав голос своего отца — худого и морщинистого Ганпата Павара, Сону неожиданно расплакался. Когда Ганпат Павар закончил, наступила пауза, которую прервал голос диктора; он обращался к ним так, будто они были не за сотни миль, а находились совсем рядом:

«Специальное сообщение для пропавших детей! Специальное сообщение для пропавших детей!.. Где бы вы ни находились, не теряйте надежды! Не теряйте надежды! Поиски продолжаются! Предпринимается все возможное, чтобы отыскать и спасти вас!»

Приемник умолк. Глаза у всех светились радостью и надеждой, потом хижина огласилась криками восторга: все бросились обниматься. В эту ночь дети впервые уснули с твердой надеждой, что час избавления недалек...

После сообщения, принесенного радио, островитяне уже не могли работать с прежним рвением. Они то и дело смотрели в небо, отыскивая отправленный на их

поиски самолет, либо подолгу вглядывались в голубую морскую даль, ожидая появления долгожданного судна-спасителя: неприветливый, пустынный остров, к которому они уже успели привязаться, теперь казался им еще более неприветливым и пустынным. Но вот прошло дней двадцать. Не было ни самолета в небе, ни судна в море, и, снова потеряв надежду, ребята принялись за дела с прежним рвением. Однако, чтоб застраховать себя от случайностей, они каждый вечер взбирались на самую высокую башню замка и, втащив туда несколько охапок сучьев и веток, разжигали большой костер: костер, который всю ночь горит на пустынном острове,— верный признак того, что здесь живут люди. И может быть, заведя огонь, те, кто занят их поисками, обратят наконец внимание на крохотный клочок суши, затерянный в бескрайнем океане. Костер на башне разжигали по очереди: один вечер — мальчики, другой вечер — девочки. Днем заготавливали дрова, ночью жгли костер.

Однажды вечером, когда солнце уже скатилось за край горизонта, на дежурство заступили девочки: Судха, Джамна — мисс Ботаника и Хусна. Им предстояло пробраться через развалины замка, влезть на башню и разжечь костер. Взвалив на голову охапки хвороста, девочки тронулись в путь. С ними увязалась собачонка Сону; виляя хвостом, она бежала впереди, открывая шествие. Мальчики еще не все вернулись из леса, девочки — те, что были свободны от дежурства, — готовили ужин. Сидя у входа в хижину, Джаму, Гопал и Васант из крепких волокон вязали сеть, чтобы завтра отправиться на рыбную ловлю.

Неожиданно из развалин крепости донесся залиvistый лай собачонки и испуганные крики девочек. Джаму, Васант и Гопал, не раздумывая, бросились к замку. Взбежав наверх по старым, полуразвалившимся

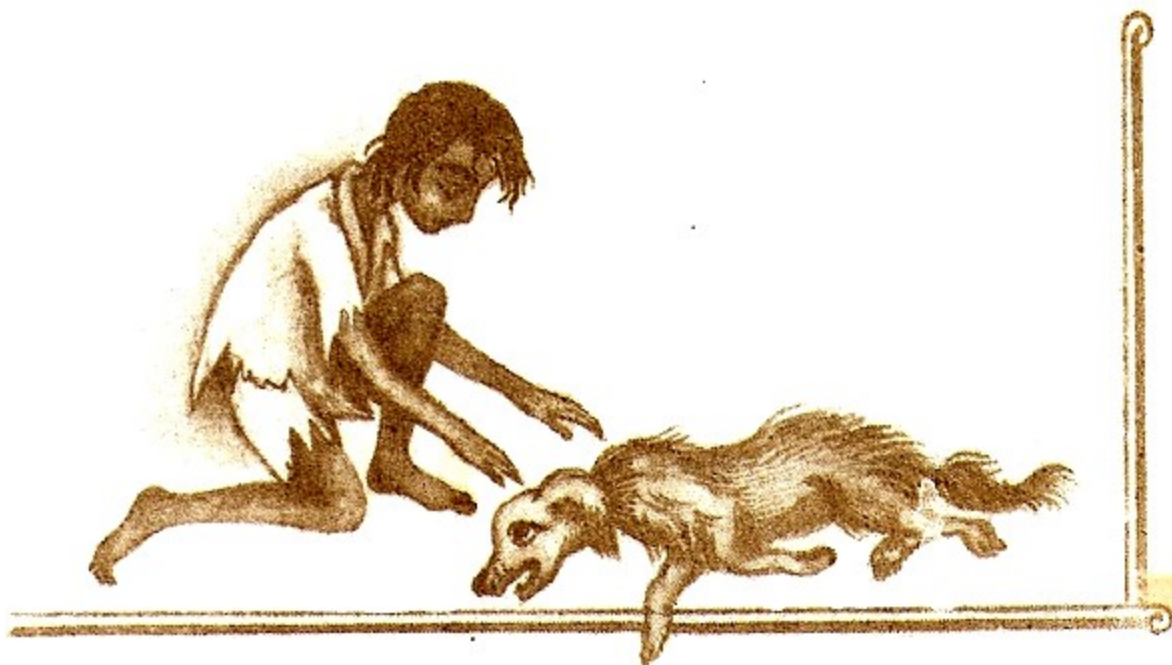
ступеням, они уже осторожнее двинулись туда, откуда слышались крики и плач.

Добравшись наконец до цели, они увидели удивительное зрелище. Судха и Джамна — мисс Ботаника, держась друг за дружку, стояли на высокой стене, а Хусна, которая из-за малого роста не смогла взобраться вслед за подружками, прижалась у подножия стены, от страха закрыв глаза ручонками. Все трое горько плакали — и от страха и от бессилия что-либо сделать. А за кустом, в десятке метров от них, собачонка Сону сражалась с матерым волком. Обходя куст то с одной, то с другой стороны, хищник явно намеревался добраться до Хусны, но всякий раз на его пути с грозным рычанием возникал верный пес. Когда же обозленный волк кинулся на собачку, она ловко увернулась и, спасаясь от клыков волка, стала бегать вокруг куста, не прекращая звонко лаять.

Когда появились мальчики, схватка была в самом разгаре. Хотя волк был сильнее и уже нанес собачке несколько серьезных ран, песик продолжал храбро драться. Помощь подоспела вовремя: в волка полетели камни и обломки кирпича, сопровождаемые воинственными криками. Один камень угодил волку в спину, другой — в шею. Метнув в спасителей злобный взгляд, волк бросил раненую собачку и, в три прыжка миновав ступени, скрылся в зарослях.

На шум сбежались остальные колонисты: Касим, Сону, Вишну и другие. Общими усилиями они сняли со стены все еще дрожавших от страха девочек. Касим подхватил на руки свою перепуганную сестру. И только тогда Сону заметил под кустом своего верного друга. Весь в крови, с располосованным животом, песик жалобно скулил, точно просил прощения за свою промашку. Завидев хозяина, песик радостно поднял голову и несколько раз, точно прощаясь, вильнул хвостом. Потом раздался жалобный стон, и все стихло.

Подхватив на руки тело любимца, Сону осторожно вышел из замка, спустился со ступенек и только тут дал волю слезам.

Могилу для друга он вырыл на небольшом холмике, что возвышался у самых ступеней, ведущих в замок. Колонисты один за другим проходили мимо могилы, и каждый сыпал в нее горсть земли, орошенной слезами. На могиле Сону водрузил большущий камень, который он прикатил от реки, а на камень возложил гирлянду из живых цветов.

От надгробного камня все расходились с заплаканными глазами, точно после похорон самого близкого человека.

В этот вечер никто не ужинал, не включал приемник, не заводил беседы. На сердце у всех было тяжело. Сегодня впервые в жизни они увидели, как погибают герои: их верный друг геройски отдал свою жизнь чтобы спасти их жизнь. Он преподавал им урок беззаветной преданности, своим примером показал, как

надо жить. Всю ночь никто в хижине не сомкнул глаз. Каждый чувствовал, что за одну ночь повзрослел сразу на несколько лет.

7

Однажды Васант, Вишну и Толстяк Рустам играли среди развалин замка. Взобравшись на высокое дерево, Вишну попытался дотянуться рукой до яиц, что белели в гнезде какой-то лесной птицы. Его рука была уже почти у цели, как вдруг сучок, на котором он стоял, с треском обломился, и Вишну полетел вниз, в заросли кустов. Зеленые ветки приняли его как пружинный матрац, и Вишну отделался лишь легкой царапиной на коленке. Царапина была не глубокая, но из нее сочилась кровь. Чтобы остановить кровь, надо было приложить к ране кусочек земли. Он нагнулся, чтобы отковырнуть глины, и вдруг у самого основания куста среди сухих серых комочков увидел старинную монету.

Несказанно удивленный Вишну поднял монету и, осмотрев со всех сторон, стал начищать ее подолом своей рубахи. Скоро монета тускло блеснула золотом.

Видя, что Вишну притих, подбежали Касим и Васант и, наклонившись над головой Вишну, тоже принялись рассматривать монету.

— Да это же золотая гиней [\[18\]](#)! — радостно воскликнул вдруг Рустам.

— Где нашел? — спросил Васант.

— Да вот тут прямо и нашел, — показав на куст, неохотно отвечал Вишну.

— Тсс!.. — поднеся палец к губам, шепотом произнес Васант.— О находке никому ни слова.

— Давайте-ка мы копнем здесь, — оглядевшись по сторонам, предложил Вишну.

Втроем они быстро вырвали куст вместе с корнями. Под кустом обнаружили кирпичи. Кирпичи лежали неплотно и легко сдвигались со своего места.

Ребята быстро разобрали кладку, и перед ними открылась потемневшая от времени крышка с ржавой скобой.

Ошеломленные кладоискатели переглянулись: у всех троих от радости и любопытства блестели глаза.

— Ну-ка, поднатужимся еще раз, — берясь за скобу, сказал Вишну.

Ухватившись все втроем, они поднатужились — крышка со скрежетом подалась. Скрежет был такой страшный, что все трое, не сговариваясь, отпустили скобу и отскочили в сторону.

Скрежет нарастал. Потом все смолкло. Удивленные кладоискатели с опаской приблизились к тому месту, где была крышка со скобой на месте крышки открылось черное отверстие, уходящее куда-то вглубь. В отверстие свободно мог пройти человек. Присев на корточки, все трое молча рассматривали подземный ход.

— Наверно, ведет в подземелье,— проговорил Вишну, вглядываясь в черную глубину.

Где-то внизу виднелись ступени выложенной камнем лестницы, ведущей в подземелье.

— Ну как? Попробуем? — поднял голову Вишну и показал на лестницу вниз.

— Может, сначала ты один попробуешь?.. — неуверенно сказал Васант.

Вишну повернулся к Рустаму:

— Первым пойдешь ты!

— Нет, нет! — завопил перепуганный Рустам. — Первым пойдешь ты!

Вишну презрительно покосился на Рустама, потом, наморщив лоб, о чем-то подумал и молча полез в подземный ход. Сначала исчезли его ноги, туловище и

наконец скрылась голова. Потом Вишну отпустил руки — из черного отверстия донесся тупой звук, будто кто-то с разбегу прыгнул на землю. Тотчас же над черной дырою возникло две головы: Вишну как ни в чем не бывало стоял на ступеньках, что вели в подземелье.

— Иди сюда,— махнул он рукой Васанту.

Васант ящерицей юркнул в подземный ход. Дело было за Рустамом. В конце концов Рустам тоже набрался духу и, подбадриваемый товарищами, стал осторожно опускаться. Снизу его поддерживали оба — Васант и Вишну.

Ступеньки лестницы вели куда-то вниз по узенькому наклонному коридору, выложенному из огромных камней. Они насчитали шестьдесят ступенек, пока уперлись в дверь подземелья — тяжелую, дубовую, обитую потемневшими от времени медными листами. К счастью, дверь была полуоткрыта. На внешней поверхности двери белой краской был выведен череп и под ним скрещенные кости. Затаив дыхание следопыты шагнули к двери, где в беспорядке валялись покрытые ржавчиной мечи, топоры, кинжалы, старинные ружья. Среди ржавого металла здесь и там белели черепа. Все говорило о том, что когда-то здесь, у входа в сокровищницу, произошла кровавая стычка, кому-то стоившая жизни.

Не решаясь сделать шаг внутрь, следопыты сначала с замиранием сердца стояли у двери, робко заглядывая в щель. Потом, набравшись смелости, Вишну толкнул дверь — с протяжным скрипом дверь отошла в черный мрак подземелья.

Как ни напрягали следопыты зрение, ничего рассмотреть не удалось. Убедившись в тщетности попыток обойтись без света, Васант быстро вытащил из кармана два кремня и пучок сухой травы. Два удара кремня о камень — затлела трава, и через минуту в

руках у него был самодельный факел. Тусклый свет факела озарил подземелье.

Сокровищница напоминала пещеру. Стены, выложенные из дикого камня, таким же камнем выложен потолок. Из обмазанного глиной пола повсюду торчали зазубренные камни, перед которыми, как видно, оказались бессильны человеческие руки. В стене прямо, напротив входной двери темнела неглубокая ниша, в которой до сих пор стоял покрытый сажей глиняный светильник.

Вишну смело потянулся за светильником, но тут же в страхе отшвырнул его прочь: внутри светильника сидел скорпион. Ударившись о камень, светильник разлетелся на мелкие кусочки — скорпион проворно скользнул по полу и шмыгнул в щель между камнями.

Здесь тоже все напоминало о жестоком, кровопролитном сражении, что когда-то происходило под этими мрачными сводами. Повсюду в беспорядке валялись кости. Кроме костей, в помещении ничего не оказалось: сокровищница была пуста.

— Пойдемте, пойдемте скорее отсюда!.. — дрожащим от страха голосом взмолился Рустам.

— Он прав, — поддержал друга Васант. — Пойдемте скорей отсюда. Тут от одних только костей жуть берет.

— А это что такое? — заметив в самом темном углу высеченный на стене барельеф бога Ганеша [\[19\]](#), заинтересовался Вишну. На лбу у Ганеша когда-то, как видно, был нанесен потемневший от времени синдур — знак благоденствия и счастья, а там, где кончался хобот, в стену было вделано бронзовое кольцо.

Сначала Вишну осторожно потрогал кольцо, потом, крепко ухватив обеими руками, потянул его на себя, как ту скобу, что была наверху. Раздался страшный скрежет, такой же, как наверху. Скрежет оборвался — и глаза бога Ганеша загорелись красными угольками.

Потом часть стены беззвучно откатилась в сторону, открывая вход в сокровищницу.

Взору кладоискателей открылась небольшая сводчатая комната с тремя массивными окованными железом сундуками.

С трудом приоткрыв крышку одного из них, они обнаружили, что сундук доверху наполнен золотыми монетами.

Во втором были золотые украшения и дорогие, шитые золотом и жемчугом, одежды.

Приподняв крышку третьего сундука, они невольно зажмурились от блеска драгоценных камней: бриллиантов, рубинов, сапфиров, изумрудов. Свет, который излучали камни, заиграл на стенах комнаты.

— Вот это клад! — невольно вырвалось у Вишну. Он набрал полную пригоршню золотых гиней и снова с величайшей осторожностью высыпал в сундук. Звон золота вызвал на губах у него победную улыбку.

Захлопнув сундук с золотом, Вишну все свое внимание устремил на сундук, в котором хранились золотые украшения. На крышке этого сундука, как и на входной двери, белой краской был нарисован череп и скрещенные кости, а чуть ниже латинскими буквами были выведены какие-то слова.

С трудом разобрав написанное, Вишну воскликнул;

— Все эти богатства награбили португальские пираты!

Толстяк Рустам рванулся к сундуку, но Вишну грубо оттолкнул его:

— Клад отыскал я! — грозно произнес он. — И поэтому теперь все это принадлежит мне!

Возмущенный Толстяк Рустам буравил его глазами.

— Конечно, вы помогли мне, — уже мягче продолжал Вишну, — поэтому вам я выделю долю. Больше никто ничего не получит.

— Правильно, — поддержал его Васант, не отрывая жадных глаз от сундука с драгоценностями.

— А теперь поклянитесь, что ни одна живая душа не узнает про клад.

Васант и Рустам поклялись.

— А еще поклянитесь, что будете стеречь клад вместе со мною, — продолжал Вишну, — и никому не позволите даже коснуться этих богатств.

— Клянемся! — торжественно произнесли Рустам и Васант.

— Нас трое, но мы едины и будем действовать заодно, — сказал Вишну, беря обоих за руки. — Я буду раджа — правитель этого острова... Тебя, Васант, я назначаю визирем, а ты, Рустам, будешь полководцем.

— Да здравствует наш любимый, раджа! — восторженно прокричали Васант и Рустам.

Вишну отпустил их руки и, кивнув на сундуки, небрежно произнес:

— Берите там!.. Берите все, что хотите... Набивайте полные карманы.

Получив милостивое разрешение повелителя, Васант и Рустам бросились к сундукам.

Когда кладоискатели выходили из ворот замка, их было не узнать. Вишну выступал надменно, как настоящий раджа, на шее у него было жемчужное ожерелье, на пальцах обеих рук — массивные перстни с бриллиантами, на голове — усыпанная драгоценными камнями корона, на ногах — шитые золотом мягкие туфли, на плечах — пурпурная мантия.

Его сопровождали Васант и Рустам. Они шли справа и слева от него, отстав на полшага. На них тоже были пышные парадные одеяния, однако не такие пышные, как у Вишну.

В руках у Рустама была старинная алебарда, и он шел парадным шагом, точно сам себе командовал:

«Левой!.. Левой!.. Левой!..»

— Ведите себя примерно и отдавайте почести бадшаху! — на ходу выкрикивал он.— Каждого, кто не отдаст почестей, ждет суровое наказание!

Немного погодя о кладе знали уже все островитяне. Побросав свои дела, все бросились навстречу кладоискателям и, радостно-изумленные, обступили их со всех сторон.

— Отныне я раджа — повелитель этого острова! — торжественно возгласил Вишну. — И имя мое с нынешнего дня — Гханашьям Первый!

— А почему вдруг Гханашьям? — простодушно спросил Джаму, обращаясь к Сону.

— А кто его знает, — сказал Сону, почесав в затылке.

— А ну-ка, все дружно: «Да здравствует повелитель острова, великий Гханашьям!» — завопил Рустам.

Принимая все это за веселый маскарад, островитяне дружно захлопали в ладоши и прокричали хором:

— Да здравствует повелитель острова, великий Гханашьям!

— Воздадим почести повелителю! — прокричал Васант.

— Воздадим почести повелителю! — весело и со смехом прокричали островитяне.

— С нынешнего дня я ваш господин и повелитель, — еще торжественнее возгласил Вишну, — а все вы — мои подданные. С этого дня вы будете поступать так, как я повелю вам. Как ты считаешь, мой верный визирь?

— Совершенно с вами согласен, ваше величество, — подобострастно проговорил Васант.

— А как полагает мой верный военачальник?

— Совершенно с вами согласен, ваше величество, — склонился в поклоне Рустам.

— Повеления мои должны выполняться беспрекословно! — повысил голос Вишну.

— Всех, кто ослушается, ждет суровое наказание! —
подхватил Рустам, грозно размахивая алебардой.

Островитяне с удовольствием принимали участие в
этой игре, главными действующими лицами в которой

были словно сошедшие с лубочной картинки раджа, визирь и полководец, и велико же было их изумление, когда они узнали, что это вовсе не игра: по-настоящему войдя в свои роли, Вишну, Васант и Рустам стали отдавать приказы направо и налево.

— Я не прислуга тебе! — вспыхнув, отрезала Хусна: ей Вишну приказал принести для него сок кокосового ореха. — Сорви кокосовый орех и пей сколько в тебя влезет!

Гопал наотрез отказался стирать платье повелителя:

— Раньше ты сам себе стирал, а теперь почему я должен?

— Потому что теперь я — раджа! — грозно изрек Вишну. — И теперь стирать на меня должны мои подданные!

— Какой же ты раджа, если все делать за тебя должны другие? — возмутился Сону. — Не раджа ты, а самый настоящий лодырь!

— Ах ты наглец! — побагровев, завопил Вишну, вскидывая к плечу старинный мушкет, добытый в подземелье. — Как ты смеешь дерзить мне, своему повелителю?! Убью как собаку!

— Что случилось, братец? — кинулась к нему подбежавшая Судха.

— Скажи ему, чтобы просил прощения. — Вишну высокомерно ткнул пальцем на Сону. — Ему придется вымаливать прощение, не то пристрелю, и рука не дрогнет... Ну-ка, Сону, повторяй за мной: ваше величество, умоляю вас простить мою бестактность.

— Ваше величество, умоляю вас простить мою бестактность, — сцепив кулаки, еле выдавил из себя Сону.

— Кто ослушается приказа нашего высокочтимого повелителя, тот будет расстрелян на месте, — грозно изрек визирь Васант.

— От вас требуется только одно — беспрекословное повиновение! — заключил Рустам, размахивая алебардой.

Колония островитян сразу же раскололась на две группировки: правящую и исполняющую повеления. Правящая состояла из трех человек: «раджи» Вишну, принявшего имя Гханашьям, «визиря» Васанта и «военачальника» Рустама. В группировку тех, кто должен был исполнять их повеления, вошли все остальные. Правда, сестру свою Вишну-Гханашьям пытался было перетянуть на свою сторону и, соблазнив драгоценностями, провозгласить наследной принцессой, но Судха наотрез отказалась участвовать в этой затее.

— У тебя ум за разум зашел, Вишну, — твердо сказала Судха.— Придется тебя малость проучить.

Сказать-то было легко — «проучить», но как это сделать? И кто возьмется за это? В руках у Вишну-Гханашьям а заряженный мушкет, которым когда-то пользовались пираты. Визирь Васант вооружен мечом, а Толстяк Рустам то и дело замахивается старинной алебардой. И теперь островитянам — и девочкам, и мальчикам — приходилось делать все и за себя, и за них: все были низведены до положения прислуги. Сами же «правители» от всякой работы устранились — рассевшись в тени, они лишь отдавали приказания. Ребята в душе были возмущены таким поведением прежних своих товарищей, они кипели от негодования, но молчали и постоянно видя перед глазами мушкет Вишну-Гханашьяма, меч Васанта и алебарду Рустама, скрепя сердце исполняли их приказания.

Утром, едва проснувшись, Вишну-Гханашьям требовал подать себе завтрак прямо в постель, а откушав, принимался вершить государственные дела: он единолично устанавливал, кому идти в лес, кому носить из пруда воду, кому готовить пищу, кому вести

уроки, разжигать костер или чесать пятки у повелителя. «Сделай то, принеси это, не смей делать того, не вздумай делать этого, отправляйся туда-то!» И каждый раз грозное предупреждение: «Кто ослушается, того ждет суровое наказание!»

— Мне надоело с покорным видом выслушивать все эти дурацкие приказы! — сквозь зубы проговорил как-то Гопал на ухо Сону. — Сегодня я не стану выполнять приказов Вишну, я буду драться с ним!

— Я с тобой, друг! — проговорил Касим, довольный. — Подумать только: вчера вечером этот сукин сын заставил меня чесать себе пятки!

— Он ведь стрелять будет, — озабоченно сказал Сону.

— Стрелять? Пусть стреляет, — решительно заявил Джаму. — Мне велено ежедневно мыть этого подлеца! И его самого, и эту толстую вонючку Рустама! А мыть Рустама не легче чем буйвола!

— А мне поручили каждое утро причесывать их, — потупившись, проговорила Джамна — мисс Ботаника. — Какие же они стали наглые да привередливые! Просто ужас!

— Вчера вечером я немного задержалась с ужином, так весь поднос с едой швырнул мне в лицо, — пожаловалась Хусна. — Тоже мне выискался раджа! Только и умеет, что жрать за двоих! Тут все и так достается с трудом, а он — швырять, да и не куда-нибудь, а прямо в лицо?

— А он что-нибудь говорил при этом или швырнул молча? — спросил Сону.

— Говорил... «Никакого, говорит, вкусу...» А я так старалась! — И на глазах у девочки навернулись слезы.

— У-у, подлец! Вот уж я ему покажу «вкус»! — сжимая кулаки, грозно прошипел Касим.

— Все хотят проучить его, да не знают как, — произнес Гопал.

— Я кое-что придумал, — сказал Сону.

— Правда! Ну, рассказывай да поскорей, — от нетерпения Касим подвинулся ближе.

— Скажу. Только по секрету. — И, притянув Касима к себе, Сону что-то горячо зашептал ему на ухо. Касим удивленно глянул на друга и расхохотался.

8

В тот день все островитяне с необычайным усердием старались показать свою преданность «любимому повелителю». Они носились как угорелые, выполняя малейшее желание Вишну-Гханашьяма, Васанта и Рустама.

Любое приказание они выслушивали с подобострастной улыбкой; почти молитвенно поднося к груди сложенные лодочкой руки и ко всякому титулу добавляя «джи» — «высокочтимый».

На натертых до блеска пальмовых листьях девочки подавали «повелителю» изысканные блюда, какие только можно было приготовить, находясь на пустынном острове, и пока Вишну-Гханашьям был занят ужином, они, стоя на почтительном расстоянии за его спиной, обмахивали его величество веерами из больших листьев.

Наступила ночь. Раджа, его визирь и военачальник скоро сонно засопели на своих выстланных цветами постелях. Убедившись, что они спят, Касим, Сону, Джаму и Гопал неслышно поднялись со своих тощих подстилок и, подкравшись к сонным, быстро обезоружили их. Завладев оружием, все четверо беззвучно выскользнули из хижины.

Их путь лежал к морю, откуда доносился глухой рокот прибоя и по темной его поверхности убегала вдаль серебристая рябь лунной дорожки. Все четверо

вышли на крутой обрыв, под которым никто из них не мог достать дна, и один предмет за другим выбросили в пучину все оружие, с помощью которого их держали в страхе и повиновении: тяжелый мушкет, старинный меч и длинную алебарду. Постояв немного, они так же молча вернулись домой.

Утром, не обнаружив оружия, повелитель и его подручные не на шутку перепугались. Однако, видя, что остальные служат им с прежним рвением и беспрекословно исполняют все их приказания, все трое успокоились и, снова войдя в свои прежние роли, продолжали повелевать как прежде.

Когда наступило время обеда, все трое не спеша расположились на мягких циновках, приготовленных специально для них. Остальные островитяне расселись на почтительном расстоянии. Склонив голову в поклоне, девочки на пальмовых листьях несли, как обычно, изысканные блюда, на ходу обмахивая их самодельными веерами, чтобы — упаси бог! — ни одна мошка не могла осквернить пищу, приготовленную для столь высоких особ. Поравнявшись с застывшими в величественных позах «правителями», девочки с низким поклоном опустили перед ними пальмовые листья с разложенными угощениями.

При одном лишь взгляде на принесенное глаза у Вишну-Гханашьяма полезли на лоб от удивления: вместо изысканных блюд на зеленых листьях были искусно разложены жемчуг, драгоценные камни и золотые монеты.

— Это еще что за глупые шутки? — грозно спросил Вишну.

— Это не шутки, а угощение, — почтительно отвечала Хусна.

— Как? Вместо обеда нам — эти камни? — удивленно воскликнул Рустам, любивший вкусно поесть.

— Вы будете есть то самое, из-за чего вы хотели поставить себя над всеми остальными, — умильно-ласковым тоном протянула Судха.

— Что еще там болтает эта вздорная девчонка? — злобно зыркнул на нее Вишну.

— Она не болтает, ваше величество, — почтительно промолвил Касим. — Это ваши сокровища, кушайте их, пожалуйста. Вот сласти — из золота, вот пирожное — из драгоценных камней, вот шоколад — в виде золотых гиней.

— Если не нравятся эти блюда, попробуйте жемчуг — это вместо жареной чечевицы, — добавил Сону.

— Но камни, разве их едят? Они же несъедобные! — уже не грозно, а удивленно воскликнул Вишну-Гханашьям.

— Попробуйте, ваше величество, — с издевкой отвечал Гопал. Вишну в ярости вскочил и с кулаками бросился на Гопала. Но перед ним выросли Касим, Джаму, Гопал и Сону. Став плечом к плечу, они выставили перед самым его носом четыре кулака.

— Еще шаг — и пеняйте на себя, ваше величество Вишну-Гханашьям!

Видя перед собой плотную стенку ребят, готовых в любую минуту броситься в драку, Вишну и его приспешники стали торопливо пятиться назад. Окружив прежних повелителей с трех сторон, их затолкали в хижину и закрыли в классной комнате. Для верности дверь приперли колом.

Расправившись с прежними повелителями, островитяне с веселыми шутками принялись за обед.

У Рустама даже под ложечкой засосало от голода. Он заглянул в щелку, и есть ему захотелось еще больше: рассевшись рядами в соседней комнате, ребята уплетали за обе щеки. Толстяк проглотил голодную слюну.

— А нам есть не дадите? — через щелку спросил он у сидевшего ближе всех Джаму.

— Нет, не дадим.

— Ни при каких условиях? — спросил Васант.

— Можем дать, но при одном условии, — сказал Сону. — Обед получит тот, кто будет работать. Кто не работает, тот не ест.

— Я готов работать, — тотчас же отозвался Васант.

— Осторожно, великий визирь, — вмешался Вишну-Гханашьям. — Если ты еще хоть раз вступишь в переговоры с мятежниками, я лишу тебя твоего высокого сана!

— Соглашайся, раджа, — осмелел Рустам. — Работать ты будешь один, а есть будем все трое. И сам будешь сыт, и мы не будем голодать.

— Прекратить глупую болтовню! — крикнул Вишну-Гханашьям.

— Соглашайся, раджа, — настаивал Рустам, — не то пожалеешь. Тем временем обед был закончен. Все встали и, столпившись у закрытой двери, принялись дразнить пленников. Девочки запевали:

— О раджа, о раджа,
будешь горько ты рыдать,
Жемчуг, золото глотать
И ни крошки хлеба,
И ни крошки хлеба.

И все указывали на них пальцем и покатывались со смеху. Потом опять запевали девочки:

— О раджа, о раджа,
без работы и труда
Не получишь никогда
Ты ни крошки хлеба,

Ты ни крошки хлеба.

Все хором подхватили:

— О раджа, о раджа,
брось дворец, иди сюда.
Только в радости труда
Ты добудешь хлеба,
Ты добудешь хлеба.

Ребята так громко распевали о хлебе, что первым не выдержал Рустам: он сорвал с шеи жемчужное ожерелье и швырнул его на землю. Следом за ним Васант осторожно снял с пальцев перстни с бриллиантами и сложил их у двери. Наконец сдался и Вишну: он с явной неохотой снял с головы усыпанную драгоценностями корону и положил в угол.

Островитяне распахнули дверь классной комнаты. Пленники смешались с остальными и включились в общее веселье. Неожиданно сверху донесся нарастающий гул.

— Самолет! — радостно крикнул Сону и выбежал из хижины.

— Самолеты! Самолеты! — завопили остальные и, вывалившись из хижины, бросились в сторону моря. По небу плыли три самолета. Выбежав на прибрежный песок, дети махали руками и кричали:

— Садись сюда, самолет!

— Садись, самолетик, садись, — еле слышно, как молитву, шептала Хусна.

— Мы здесь! — сложив руки рупором, кричал в небо Джаму.

— Что ж ты не садишься? — со слезами на глазах вопрошала Джамна — мисс Ботаника. — Мы же здесь,

на острове! Садись же хоть один! Садись скорее!

Наступила пауза. Рокот моторов постепенно удалялся.

— Улетели! — расстроенно проговорила Мери.

— Было столько самолетов, и ни один не задержался, чтобы взять нас, — вздохнул Васант.

— Никому до нас никакого дела! — угрюмо бросил Вишну.

— Если мы их видели, то неужели пилоты не видят нас? — недоуменно спросила Хусна.

— Конечно, видят, — отозвалась Судха.

— Почему же тогда никто не приходит нам на помощь? — продолжала допытываться Хусна.

— Я, кажется, догадываюсь почему, — сказал Рустам. — Причина может быть только одна — наш дом.

— Наш дом? — переспросила Судха удивленно. — Какой еще дом?

— Ну, то самое жилище, что мы построили... Все из-за него...

— Каким же это образом, Рустам? — не отставала Судха.

— А вот каким... Мы тут кричим, надрываемся, зовем их, а пилот, думаешь, слышит нас? На такой-то высоте да за ревом моторов.

— А то, что он видит, никакого беспокойства не вызывает, — подхватил Касим. — Покрытый зеленью остров, покрытое пальмовыми листьями добротное жилище, а вдобавок ко всему над жилищем развевается трехцветный флаг Индии. А вокруг бегают ребятишки... Теперь поняла?

Рустам сверху вниз посмотрел на Судху.

— Пилот думает, что на острове живут люди. Если стоит одно жилище, которое он видит, значит, могут быть и другие, которые он не видит.

— Ну, жилище жилищем, а как же мы? — вмешался Васант. — Неужели они не знают, что мы те самые

пропавшие без вести дети, которых они и разыскивают?

— Откуда им знать, что мы — пропавшие? — рассудительно проговорил Рустам, — Ну, ты сам посуди: как они могут подумать, что мы пропавшие, если у нас добротное жилище и мы всякий раз машем им вслед?

— Значит, ты считаешь, что самый большой наш враг — это наше жилище? — угрюмо спросил Вишну. — Значит, если мы хотим выбраться отсюда живыми, жилище надо сломать... Кто со мной?

Вооружившись камнями и палками, все с криками бросились в сторону жилища, готовые крушить все, что возводили с таким трудом. Подбежавший первым Сону повернулся к бегущим и поднял кверху обе руки.

— Уйди с дороги, Сону! — угрожающе крикнул Вишну.

— Не уйду, Вишну, не уйду! — выкрикнул Сону, не двигаясь с места, — Ты что, спятил, Вишну? Это наш дом — наше укрытие и защита. Мы сами построили его, своими руками... Разрушать его я вам не дам!

— Но ты же знаешь, что жилище стало для нас помехой, — наступал Вишну. — Мы сегодня же снесем его до основания. А ну, прочь с дороги! — И разъяренный Вишну ударом кулака сбил Сону с ног. Остальные рванулись к хижине, и в этот миг со стороны моря отчетливо донесся размеренный рокот мотора. Все застыли как вкопанные: со стороны моря, снижаясь, летела какая-то странная машина, напоминавшая большую стрекозу.

— Самолет! — крикнул Джаму.

— Не самолет, а вертолет, — поправил его Вишну. — Еще его называют геликоптером.

Вертолет пролетел, почти касаясь верхушек пальм, и удалился в сторону моря. Ребятишки даже прокричать ему вслед ничего не успели.

— И этот улетел, — упавшим голосом проговорил Вишну.

Островитяне один за другим уныло потянулись к морю. Подойдя к кромке воды, молча рассаживались на теплый песок пляжа. На глазах у многих блестели слезы. Все молчали. Мери начала уже потихоньку всхлипывать, как вдруг из-за леса с грохотом стремительно вырвался тот же самый вертолет: как видно, он облетел остров и сейчас возвращался назад. Вертолет пролетел почти над самыми их головами, и в кабине рядом с пилотом они успели заметить преподавателя из их школы, который отвечал за экскурсию в Гоа. Ребятишки запрыгали от радости, замахали руками, закричали:

— Мы здесь, сэр!

— Мы здесь!

— Это мы-ы-ы!!

Вертолет опускался все ниже, и ниже, и ниже и наконец коснулся колесами прибрежного песка. Из кабины выскочили пилот и учитель. Со слезами радости на глазах они обнимали всех ребятишек подряд, а те стояли сконфуженные, не зная, как себя вести. Девочки от радости плакали. Постепенно все успокоились и обрели дар речи.

— Чтобы всех вас снять с острова, нам придется сделать несколько рейсов, — обратился к собравшимся учитель. — Первыми летят девочки, потом — мальчики. Будьте готовы, ребята!

— Одну минутку, сэр, — обратилась Судха. — Перед отлетом надо бы проститься с нашим домом. Пойдемте с нами, посмотрите, какой он, Наш Дом.

Островитяне с гордостью показали гостям свое жилище.

— Ну, как, сэр, вам понравился Наш Дом? — не без гордости поинтересовалась Судха.

— Очень хороший дом, очень! — восхищенно сказал преподаватель.

— А правда, хорош Наш Дом, сэр? — подал голос Сону.

— Он очень красив, ваш Дом, который вы возвели своими руками, — растроганно проговорил учитель. — В этот дом каждый из вас вложил частицу своей души. Вы молодцы!

— Да здравствует Наш Дом! — дружно прокричали в ответ островитяне, вновь почувствовавшие себя детьми — учениками бомбейской школы.

Шанкар

Рассказы озорника Раджи

1. Я живу у дедушки

Все зовут меня Раджой. Правда, это не настоящее мое имя, но мне нравится, когда меня так называют. Я живу у дедушки и у бабушки. Моя мама умерла, когда я был совсем маленьким, поэтому папа оставил меня у дедушки с бабушкой, чтобы они меня воспитывали. Мы живем в большом доме, хотя нас всего четверо: дедушка, бабушка, дядя и я. Зато у нас много родственников, правда, они живут в своих домах.

Мой дедушка высокий и сильный. Он всегда разговаривает громким голосом. Его все знают и уважают в нашей деревне и часто приходят к нему за советом и помощью.

Моя бабушка очень добрая и ласковая. Она всегда заботится обо мне, ходит за мной как тень и пристает: «Попей молочка», «Поешь», «Умойся», «Ложись спать». Не нравятся мне бабушкины приставания, но все равно я ее очень люблю.

Мой дядя хотя и молодой, но очень умный. Он помогает дедушке ухаживать за нашим полем и садом. Все его любят. И я тоже. Когда я попадаю в беду, дядя всегда меня выручает.

Дома мне играть не с кем. А на улицу я выхожу редко: дедушка считает, что другие дети могут меня испортить. Соседские мальчишки тоже не любят приходить в наш дом: они боятся дедушку.

И все же я не скучаю.

Я люблю наш дом и огромный сад. В саду много деревьев и кустарников: кокосовых пальм, манго, жасмина, олеандр и всяких красивых цветов. Там

водятся птицы, бабочки и пчелы. В саду есть также два пруда, где много рыбы. А в дальнем углу сада — непроходимые заросли. Там живут мангусты и совы.

И еще есть у нас коровы и буйволы, у которых маленькие буйволята. Я так люблю играть с ними.

2. Как меня укусила змея

Однажды в зарослях я увидел змейку. Только она меня заметила, как сразу юркнула в гнилой кокосовый орех. Я подкрался к ореху, закрыл дырку камнем, схватил его и помчался к бабушке.

— Смотри, ба, я змею поймал!

— Змею?! — испугалась бабушка да как закричит.

Прибежал дедушка. Узнав, что в скорлупе ореха сидит змея, он вырвал его у меня и отбросил в сторону. Из ореха выползла змейка и тут же уползла в кусты.

— Не смей трогать змей! Это очень опасно! — рассердился дедушка и запретил мне подходить к зарослям.

Днем я поймал пчелу, и она ужалила меня в палец. Мне было так больно, что я заплакал и побежал к бабушке. Бабушка, подумав, что меня укусила змея, стала громко плакать и звать на помощь дедушку.

Дедушка тотчас появился, увидел на моем пальце маленькую красную точку, схватил меня в охапку и помчался со всех ног.

Сначала он побежал через сад, потом через рисовые поля. Он бежал до тех пор, пока не запыхался. Наконец он прибежал к маленькому домику и стал громко кого-то звать.

Из домика вышел старик. Дедушка рассказал ему, что со мной случилось, и попросил вылечить меня. Старик позвал нас в дом. Он посмотрел на мой палец, велел сесть и не двигаться. Я забрался к дедушке на

колени. Старик налил воды в медный горшочек, уселся перед ним на корточки и забормотал какие-то стихи.

Я все хотел рассказать, что меня укусила не змея, а пчела, но дедушка так сдавил меня, что мне даже говорить расхотелось. И тут я увидел бабушку, а с ней наших соседей. Они были очень грустные, перешептывались между собой и смотрели, как меня лечили.

Мой палец совсем не болел, но я сидел и ждал, что же будет дальше.

Потом старик поднялся, побрызгал на палец водой из горшочка и дал мне немного отпить.

— Хвала всевышнему! — сказал он дедушке. — Вы вовремя привели ко мне ребенка. Теперь опасность не угрожает ему. Я исцелил его от укуса змеи.

У дедушки в горле что-то булькнуло. Он прижал меня к себе ещё крепче и молча закивал головой. И бабушка и соседи стали улыбаться и говорить: «Хвала тебе, о спаситель!» Когда мы вернулись домой, дедушка приказал отнести старику подарки за мое исцеление.

3. Как дедушка стал мокрым и сердитым

Однажды после сильного ливня дедушка обрывал цветы с жасминового куста, который рос под сандаловым деревом. Я играл рядом.

И тут я подумал: «А что, если потрясти это дерево?! Ух и здорово мы тогда искупаемся с дедушкой!»

Я незаметно подкрался и палкой изо всех сил ударил по дереву.

Ух какой получился ливень! Мы с дедушкой тут же промокли насквозь.

Дедушка даже подпрыгнул на месте от неожиданности, громко закричал и бросился на меня.

Я испугался и стал удирать. Дедушка за мной. Я побежал изо всех сил. Дедушка тоже. Он уже почти догнал меня, но вдруг споткнулся и упал. А я убежал на рисовое поле и там спрятался.

Оттуда я слышал, как дедушка грозился, что задаст мне хорошую трепку, когда я вернусь домой.

Я просидел в поле до вечера, а когда стало темнеть, я очень испугался: мне вспомнились бабушкины сказки, стали мерещиться всякие чудовища и привидения. Я вскочил и побежал домой.

В доме горел свет. Дедушка сидел на террасе и молился. Я увидел, что открылась дверь и на пороге появилась бабушка.

— Раджа! Раджа! — громко закричала она.

Но я не откликнулся, потому что боялся, что дедушка поколотит меня. Незаметно я пробрался в коровник и спрятался на чердаке.

Потом бабушка подошла к дедушке и что-то спросила.

— Поищи его в доме! — громко сказал дедушка. — Наверно, где-нибудь спрятался!

— Нет его в доме, — вытирая слезы, ответила бабушка. — Я уже весь дом обшарила!

Тогда дедушка поднялся и крикнул:

— Иди домой, Раджа, я больше не сержусь на тебя!

Но я опять не откликнулся.

— Ты его напугал, поэтому он боится идти домой, — рассердилась бабушка. — Зачем ты грозился, что поколотишь его?! Ох, бедный сиротка! Тогда дедушка позвал нашего слугу Нану и велел ему найти меня.

Нану пошел искать, но скоро вернулся и сказал, что меня нигде нет.

Бабушка заплакала, а дедушка стал ходить взад и вперед по двору.

Скоро вся деревня узнала, что я пропал. Первыми пришли наши соседи, потом родственники, потом

просто знакомые и стали утешать бабушку. А дедушка сердито сказал:

— Ничего с этим шалопаем не случилось! Прячется где-нибудь. Вместо того чтобы тратить попусту время, шли бы поискали его!

Несколько человек взяли фонари и пошли искать меня.

А люди все подходили и подходили к нашему дому. Скоро собралась огромная толпа. Бабушка уже решила, что больше меня никогда не увидит, она все время плакала и рассказывала всем, какой я был хороший мальчик.

Потом вернулись те, кто искал меня в саду. Увидев, что меня нет с ними, бабушка стала громко рыдать. Заплакали и женщины, которые пришли ее утешать. Все они так громко плакали, будто я и в самом деле умер.

Мне стало жалко бабушку, и я решил вылезти из своего убежища.

«Правда, мой дедушка очень строгий, — думал я, — но он все же любит меня и, может быть, простит!» И вдруг я увидел, как дедушка закрыл глаза и начал молиться.

— О всевышний, — говорил он, — верни мне моего любимого внука, или я умру от горя!

Потом дедушка стал молиться про себя и все время кланялся и кланялся.

В это время во двор вошел мой дядя. Когда ему рассказали о том, что произошло, он сразу догадался, где я. Дядя подошел к коровнику и велел мне спуститься вниз. Я спустился. Дядя взял меня за руку и повел к дому.

Когда дедушка кончил молиться, открыл глаза и увидел меня, то он так обрадовался, что схватил меня на руки и громко воскликнул:

— Хвала тебе, всевышний! Ты услышал мои молитвы!

Он был совершенно уверен, что это помогла его молитва. Мы с дядей не стали его разубеждать.

4. Как я получил подарок от бога и что из этого вышло

Дедушка очень верил в бога. Он по несколько раз в день молился, ходил в храмы и обязательно оставлял там для бога подарки. А еще он любил ездить по святым местам, которых в нашей округе было полным-полно. Тогда дедушка заходил во все храмы и молился за процветание нашей семьи. А каждую пятницу он молился за мое здоровье в самом большом храме в соседней деревне. В этот день дедушка обязательно брал меня с собой.

Мне нравился этот большой и красивый храм. Как там интересно: всегда много цветов, играет музыка, а по вечерам горят светильники!

В храме на большой каменной плите сидел раскрашенный каменный бог.

Когда мы входили в храм, дедушка складывал перед грудью руки — ладонь к ладони, кланялся богу и просил, чтобы он благословил его внука, то есть меня, и даровал ему, то есть мне, хорошего здоровья.

Я молился вместе с дедушкой. Но я не просил бога, чтобы он благословлял меня и даровал мне хорошего здоровья. Я просил его подарить мне какую-нибудь игрушку, но бог, как всегда, молчал и сердито смотрел на меня своими каменными глазами. Но однажды... А впрочем, расскажу вам все по порядку.

Как-то раз вечером мы с дедушкой пошли в храм молиться. И вот по дороге в храм, возле пруда, я нашел в песке серебряную рупию.

Я очень обрадовался, потому что решил, что это бог подарил мне ее, чтобы я купил себе игрушку. Я сказал об этом дедушке, но он как-то странно посмотрел на меня и промолчал.

После того как мы помолились и направились к выходу, дедушка попросил у меня рупию. Я решил, что он хочет просто посмотреть на нее. Но когда дедушка отдал эту рупию жрецу храма, я очень обиделся на него и всю дорогу до самого дома не разговаривал с ним.

— Что с тобой? — спросил меня дедушка. — Ты за что-то обиделся на меня? Неужели из-за рупии?

Я молчал.

Тогда дедушка сказал:

— Эта рупия не подарок от бога. Ее кто-то обронил. Бог не раздает такие подарки. Вот вырастешь большой, станешь много трудиться, тогда заработаешь деньги сам. А до тех денег, которые ты не заработал своими руками, дотрагиваться нельзя.

5. Почему тете Чируте нельзя меня любить?

Тетя Чирута с мужем жила в маленькой хижине неподалеку от нашего дома. Про нее все говорили, что она очень несчастна, потому что у нее не было детей. Жили они очень бедно, и все называли их хариджанами [20]. Им запрещалось заходить в наш дом, но все любили тетю Чируту и считали ее в нашей семье своей. Она помогала бабушке по хозяйству, ходила на базар, покупала продукты, продавала наш рис и кокосовые орехи.

Кожа у тети Чируты была смуглая, почти черная и очень красивая.

Она всегда носила красивые разноцветные сари [21].

Тетя Чирута очень любила меня, и я ее тоже. Она называла меня всякими ласковыми словами и всегда

грозила, что когда-нибудь возьмет меня на руки и расцелует. Я не возражал против этого, потому что у меня не было мамы и меня никто никогда не целовал.

Однажды я играл в саду. Мимо проходила тетя Чирута. Она остановилась, огляделась по сторонам. Поблизости никого не было. Тогда она подошла ко мне, подняла на руки, крепко обняла и поцеловала в щеку.

И вдруг послышался крик. Это был дедушка. Тетя Чирута испугалась, опустила меня на землю и побежала. За ней с большой бамбуковой палкой в руке погнался дедушка.

Скоро запыхавшийся дедушка вернулся и начал ругать бабушку.

— Это ты во всем виновата! — кричал он. — Зачем приучила к нашему дому эту женщину?! Она только что осквернила Раджу! Она посмела взять его на руки! Если ты так любишь свою Чируту, уходи и живи с ней в ее хижине. Я один буду воспитывать ребенка!

— Ну чего ты расшумелся? — обиделась бабушка. — Если Чирута дотронулась до Раджи, вели ему вымыться — и делу конец.

Дедушка тут же схватил меня за руку и потащил к пруду смывать «грех».

Мне было жалко бедную Чируту. Она ведь не сделала мне ничего плохого. Она любит меня, как мать. Правда, меня все любят, но тетя Чирута — больше всех.

На другой день я рассказал обо всем дяде. Дядя немного подумал и сказал, что на этом свете осталось еще много дурных пережитков, но жизнь не стоит на месте, и все постепенно изменится к лучшему.

Что он этим хотел сказать, я так и не понял.

Немного погодя дядя позвал меня с собой погулять. Я с радостью согласился. Когда мы проходили мимо хижины тети Чируты, дядя остановился и крикнул:

— Чирута!

Тетя Чирута была дома.

— К тебе пришел Раджа, — сказал дядя.

— Нет! Нет! — испуганно замахала руками тетя Чирута, — пожалуйста, не входите! Тебе нельзя приходить ко мне, мой милый малыш!

И она расплакалась.

— Входи, входи, Раджа, — подтолкнул меня дядя. — Видишь, Чирута плачет. Войди и успокой ее.

— Не надо, Раджа! Тебе нельзя ко мне прикасаться, — продолжала плакать тетя Чирута. — Если дедушка увидит, что ты здесь, он убьет меня!

Я не выдержал и тоже заплакал.

— Успокойся, Чирута, — сказал дядя. — Раджа хочет, чтобы ты еще раз поцеловала его.

Тетя Чирута увидела, что я плачу, быстро вытерла слезы, посмотрела на дядю, улыбнулась, схватила меня на руки, крепко прижала к груди и стала целовать. Мне казалось, что меня целует моя мама.

Потом тетя Чирута сказала:

— Иди, мой золотой теленочек. Иди, пока дедушка не увидел, что ты здесь.

Мы вернулись домой. С тех пор я больше не заходил в хижину тети Чируты. Но встречались мы каждый день. Она всегда очень ласково и грустно смотрела на меня.

Тогда я так и не понял, почему ее называли «неприкасаемой» и запрещали любить меня.

6. У нас в гостях слониха Лакшми

У одного нашего богатого родственника была слониха Лакшми.

Однажды ему куда-то надо было поехать, и он попросил дедушку взять слониху к себе на несколько дней. Дедушке эта затея была вовсе не по душе. Но разве можно отказать родственнику в его просьбе?

Я очень обрадовался, когда узнал, что у нас будет жить Лакшми.

Целыми днями я пристававал ко всем и хотел узнать, что нужно приготовить к ее приходу. Бабушка сказала, что слоны любят сахарный тростник, и разрешила взять немного из наших запасов.

Наконец Лакшми вместе со своим погонщиком Китту пришла к нам в гости. Мы все вышли встречать ее.

— Лакшми еще совсем маленькая. Ей всего восемь лет, но она очень умная и образованная. Она любит играть с детьми, — сказал Китту.

Он говорил о ней так, будто она была его родной дочерью.

Я сразу же захотел угостить Лакшми сахарным тростником, но боялся подойти к ней. Тогда Китту взял меня за руку и подвел к слонихе.

— Не бойся, она не тронет тебя. Лакшми любит детей.

Тогда я смело подошел к Лакшми и угостил ее сахарным тростником.

Вечером слонихе надели на заднюю ногу цепь и привязали к дереву. Я долго сидел рядом и смотрел на нее. Я мог бы просидеть около Лакшми целую ночь, но бабушка велела мне идти спать.

На другой день я проснулся очень рано и тут же выскочил во двор. Увидев меня, Лакшми в знак приветствия протянула мне свой хобот.

Вскоре пришел Китту и повел слониху к пруду купаться. Я никогда не видел, как купаются слоны, и тоже пошел вместе с ними.

Лакшми вошла в воду, набрала в хобот воды и стала обливаться.

Китту тоже залез в пруд и приказал Лакшми лечь. Но Лакшми снова набрала в хобот воды и посмотрела на Китту.

— Нельзя! Нельзя! — закричал Китту.

Но было уже поздно. Он чуть не захлебнулся от сильной струи воды, которую выпустила Лакшми в него. Но Китту не рассердился.

Только когда слониха снова захотела его облить, он пригрозил ей палкой. Тогда Лакшми изо всех сил выпустила струю воды себе на спину.

В это время я стоял как раз позади нее, и вся вода попала на меня. Мне это очень понравилось. Я захопал в ладоши и стал громко смеяться. Но тут Китту схватил Лакшми за уши и заставил лечь. Она его послушалась. Китту начал скоблить ее осколком камня.

На обратном пути Китту разрешил мне прокатиться на Лакшми.

Сначала я обрадовался, но потом мне вдруг стало страшно: ведь я никогда не ездил на слонах. Потом все-таки я сел на слониху.

По дороге домой Китту сказал мне, что Лакшми большая лакомка и очень любит спелые бананы. «Завтра надо обязательно угостить Лакшми бананами», — подумал я про себя.

У нас в саду росло много банановых пальм. Спелые бананы хранились на чердаке, и брать их мне не разрешалось. Целое утро я слонялся по двору и все ждал, когда дедушка уйдет из дому. Наконец он ушел. Я забрался на чердак, схватил огромную связку бананов и побежал к Лакшми. Слониха очень обрадовалась моему угощению и съела все бананы с большим удовольствием.

За несколько дней я перетаскал Лакшми почти все бананы, которые хранились на чердаке. Когда дедушка узнал об этом, он очень рассердился, потому что не любил, когда что-нибудь брали без его разрешения. Он взял длинный прут и ласково так позвал:

— Подойди ко мне, мой мальчик.

Но я сразу догадался, зачем он меня зовет, и бросился наутек.

Дедушка за мной. И тут Лакшми, которую забыли привязать к дереву, пришла мне на помощь. Она подняла хобот, громко затрубила и бросилась на дедушку. Дедушка с перепугу вбежал в дом и запер за собой дверь. А я подошел к Лакшми, погладил ее по хоботу.

Через некоторое время из-за двери выглянул дедушка и протянул мне оставшуюся связку бананов.

— Покорми Лакшми, — сказал он.

Я так и сделал. И дедушка, и Лакшми, и я — все мы остались очень довольны.

А на другой день пришел хозяин и увел с собой слониху. Мне было очень жаль расставаться с Лакшми, и когда ее увели, я даже немного поплакал.

7. Как я поймал и спас крокодила

Летом в одном из наших прудов, где водилось много рыбы, поселился крокодил. Он всегда появлялся там в сезон дождей [\[22\]](#).

Я часто видел его на берегу, когда он грелся на солнце. Вообще-то я был не против того, чтобы крокодил жил в нашем пруду, но есть рыбу из этого пруда мне почему-то было противно. Я решил прогнать крокодила.

Как-то раз я взял большой камень и на цыпочках подкрался к пруду. Крокодил лежал на берегу. Наверно, он спал. Я спрятался за деревом, размахнулся и изо всех сил бросил в крокодила камнем. Камень упал совсем рядом, и крокодил быстро нырнул в воду и исчез.

Я долго ждал, когда он появится снова, но так и не дождался.

Тогда я пошел домой и немного погодя вернулся. Крокодил лежал на том же месте. Я опять бросил в него

камень, но крокодил, как и в первый раз, удрал от меня. Наконец я придумал, как расправиться с этим чудовищем. Я вспомнил, как однажды ловили бродячую собаку веревкой с петлей на конце. «А что, если и мне попробовать так поймать крокодила?» — подумал я.

Несколько дней я не видел крокодила. И тут случайно я заметил след — широкую полосу, которая вела к соседнему пруду.

«Вот самое подходящее место, где нужно разложить петлю», — решил я, потому что знал, что крокодил всегда ползет по одному и тому же следу. Теперь мне не доставало только крепкой веревки.

Я пошел искать ее. На лугу паслись коровы и буйволы, привязанные к кольям. Можно было бы отвязать одну веревку, но я боялся дедушку, поэтому решил подождать, когда он уйдет из дому. К счастью, он вскоре уехал по делам в соседнюю деревню на целых два дня! Я тут же побежал на пастбище, отвязал одну из коров, забрал веревку, сделал петлю и разложил ее у дыры в ограде, а другой конец привязал к дереву и отправился домой.

Как только наступило утро, я побежал к ограде. Там, затянутый петлей, лежал крокодил. Видно было, что он долго боролся, пытаясь освободиться, потому что земля вокруг была вскопана его большущими когтями.

Не успел я подойти, как крокодил раскрыл свою громадную пасть и кинулся в мою сторону, но веревка натянулась и отбросила его назад.

Я со всех ног припустил в дом, разбудил дядю и рассказал ему про свою невероятную добычу. Дядя не поверил, но все же оделся и пошел за мной. Увидев огромного крокодила, дядя вытаращил глаза и долго молча шевелил губами. Потом он, не говоря ни слова, повернулся и побежал звать соседей.

Пришли соседи, опутали крокодила веревками и потащили к дому.

Во дворе крокодила привязали веревками к двум толстенным деревьям.

Вскоре о моем подвиге узнала вся деревня. Люди спешили к нашему дому.

Я решил не ходить на занятия и попросил своего товарища передать учителю, что сегодня я поймал огромного, страшного крокодила и поэтому не могу быть в школе.

Скоро во дворе появился учитель, а с ним весь наш класс. Ребята смотрели на меня как на героя, а я подробно рассказывал, как перехитрил и поймал это чудовище. Потом учитель стал всем объяснять, что крокодилы живут не только в Индии, но и в Африке и где-то там еще, что они сильные, свирепые и хитрые, а еще о том, какой я храбрый и сообразительный мальчик.

Толпа увеличивалась. Кое-кто уже начал бросать в крокодила камнями и палками. Мне это ужасно не понравилось, и я сказал, что крокодил мой и никто не имеет права его обижать. Но на мои слова никто не обратил внимания. А когда я услышал, что люди договариваются убить моего крокодила, то очень рассердился и пригрозил, что отпущу его на свободу. Все стали возмущаться.

— Разве можно отпускать крокодила?

— Он и так причинил нам много зла!

— Его нужно убить!

Наш сосед выступил вперед и сказал, что этот крокодил в прошлом году съел его собаку. Другой сказал, что когда-то крокодил напал на его корову. А какая-то женщина вопила громким голосом, что этот крокодил гнался за ней ночью и хотел ее укусить.

Все сердито смотрели на меня, кричали и махали руками.

Я растерялся и стал звать на помощь дядю. Но он куда-то исчез.

Тогда я бросился к бабушке, но она сказала, что крокодила лучше убить, чтобы он больше не причинял людям зла. Я совсем расстроился.

И тут появился дедушка! Я побежал к нему и стал умолять спасти моего крокодила. Дедушка взглянул на громадного пленника, потом сердито посмотрел на толпу и сказал, что всевышний никому не давал права убивать живую тварь, что крокодил — священное животное и поэтому его надо отпустить.

Я даже подпрыгнул от радости. Однако люди остались недовольны решением дедушки. Некоторые попытались спорить с ним, но дедушка затопал ногами и так громко закричал на несогласных, что двор моментально опустел. Остались только наши соседи.

Дедушка повернулся ко мне и строго сказал:

— Сейчас же отпусти это чудовище!

Дядя вместе с соседями оттащил крокодила к пруду, положил ему на спину лестницу и придавил его так, что он не смог пошевелинуться. Дядя разрезал ножом веревки, соседи убрали лестницу, крокодил прыгнул в воду и исчез.

Домой все вернулись очень довольные.

Через несколько дней я снова увидел моего крокодила. Он грелся на том же самом месте, где я его недавно поймал.

8. Моя школа

Директор нашей школы — маленький и толстый, будто футбольный мяч. Мы любим подшучивать над ним, правда, когда он этого не видит. Он всегда очень серьезный и редко улыбается, любит строгую дисциплину и поэтому частенько колотит нас своей тростью.

Директор — друг моего дедушки. Иногда он заходит к нам в дом, чтобы рассказать о моих школьных делах, хотя, по правде говоря, он ничего о них не знает. Но по его рассказам выходило, что я самый лучший ученик в школе и меня ожидает блестящее будущее. Дедушка с удовольствием слушает обо мне такие хорошие отзывы. Еще бы, ведь я его внук, и хвалит меня сам директор. А директор просто хочет сделать моему дедушке что-нибудь приятное. Правда, однажды директор пожаловался дедушке, что я стал лениться и плохо заниматься, и попросил его побольше уделять мне внимания.

Как только директор ушел, дедушка сразу же уделил мне внимание. Он взял палку и вошел в мою комнату. Я как раз рисовал. Дедушка подскочил ко мне и хотел поколотить.

— Бабушка! — заорал я.

Прибежала бабушка и набросилась на дедушку.

— Стой! — закричала она. — Что ты делаешь? Ты убьешь ребенка!

Дедушка отпустил меня и стал ругать бабушку:

— Это ты портишь его! Мальчишка совсем отбился от рук и стал плохо учиться! Только и знает, что малюет свои картинки!

Потом он взглянул на стены, где висели мои рисунки, и принялся срывать их.

— Перестань тратить время на всякие глупости! — сказал он и вышел из комнаты.

Я очень расстроился и с тех пор уже не рисовал дома.

Однажды, когда наш учитель был в отпуске директор пришел к нам, чтобы провести урок арифметики. Он не любил, чтобы мы пропускали уроки и бездельничали. Нам ужасно не понравилось, когда он пришел к нам. Но что поделаешь?

Войдя в класс, директор строго посмотрел на нас, жестом разрешил сесть и подошел к доске. Глядя в бумажку, он написал пять примеров на сложение.

— Здесь пять примеров. Вы должны решить их до конца урока, — сказал он сердитым скрипучим голосом.

Потом он уселся в кресло, снял тюрбан, положил его на стол и через несколько минут захрапел.

Примеры были очень простые. Я их быстро решил и принялся разглядывать директора.

Он был очень смешной, и мне сразу захотелось нарисовать его.

Я очень старался, и рисунок получился просто замечательный. Я нарисовал все: его круглое лицо и лысину, огромный живот и кривые ноги. Я еле дождался конца урока — так мне хотелось показать рисунок моим товарищам.

Прозвенел звонок. Директор проснулся, забрал наши тетради и вышел из класса.

Я показал рисунок ребятам. Все громко захохотали. Смех и шум продолжался до тех пор, пока в класс не вошел учитель, который должен был вести другой урок. Он попытался утихомирить нас, но не мог. Тогда он подошел ко мне и вырвал из рук рисунок. Взглянув на него, учитель хмыкнул, потом нахмурился и вышел из класса.

Через несколько минут он вернулся и приказал мне идти к директору. Мой рисунок лежал у него на столе.

— Это ты нарисовал? — прошипел директор.

— Да, — ответил я.

— Значит, ты?! — заорал он, подскочил ко мне и стукнул палкой. — Значит, это твоя работа, негодный мальчишка! Запрещаю тебе две недели приходить в школу. А теперь марш отсюда!

Я вышел. Что делать? Домой идти я боялся и поэтому стал ждать конца занятий. Слух о моем наказании разнесся по всей школе. На перемене ко мне подошли ребята. Они стали сочувствовать мне и предлагали проучить директора. Один мальчик даже предложил взорвать под креслом директора хлопушку, чтобы напугать его как следует.

Но вот закончились занятия, и я пошел домой.

Бабушка накрывала на стол. Вдруг я увидел, что к нашему дому направляется директор. Я тут же спрятался за дверь. Директор вошел в дом, поздоровался с бабушкой и прошел в комнату дедушки.

Я стал прислушиваться. Директор жаловался дедушке, что я отвратительно веду себя в школе. И что сегодня я целый урок рисовал.

Потом раздался шелест. Я понял, что директор достает из портфеля мой рисунок. Наступила тишина. «Пропал, — подумал я, — надо бежать». И вдруг раздался хохот. Это смеялся дедушка.

— Неужели это нарисовал Раджа?! — задыхаясь от смеха, спросил дедушка.

— Он! — возмущенно ответил директор.

Я заглянул в щелку. Дедушка держал в руке мой рисунок и трясся от смеха. На глазах у него выступили слезы.

В комнату дедушки вбежала перепуганная бабушка, посмотрела на рисунок и тоже начала смеяться.

— Разве Раджа нарисовал что-нибудь не так? — вытирая слезы, спросил дедушка у директора.

— Но он занимался рисованием во время урока, — обиженно пробормотал тот.

— А мне эта картинка очень нравится, — все еще смеясь, проговорил дедушка. — Я никогда не думал, что мой Раджа такой способный мальчик.

Директор сердито засопел, потом улыбнулся и сказал:

— Вы правильно отметили, Раджа очень способный ребенок. Я специально принес вам показать его рисунок.

Все снова засмеялись.

Потом бабушка пригласила директора пообедать вместе с нами.

9. На ярмарке

Однажды пришло письмо от моего папы. Он написал, что скоро приедет и заберет меня в город, где я буду учиться в новой большой школе. Я очень расстроился. Но дедушка сказал мне, чтобы я перестал хныкать, а дядя пообещал взять меня с собой на ярмарку. Я немного успокоился и с нетерпением стал ждать этого дня.

Наконец этот день настал! Я проснулся рано утром и стал собираться на ярмарку. Мне очень хотелось купить себе зонт, и дедушка дал мне две рупии.

— Что ты собираешься делать на ярмарке с двумя рупиями? — удивился дядя.

Услыхав это, бабушка дала мне еще две рупии, чтобы я смог купить себе все, что захочу.

И вот я, дядя и наш слуга Нану отправились на ярмарку. Что там творилось! На эту ярмарку съехались со своими товарами торговцы со всех концов страны.

Там было столько красивых вещей, что глаза разбегались. На ярмарке продавали все — от маленькой булавки до огромного слона. Народу было так много, что мы еле протиснулись сквозь толпу. Вскоре к дяде подошли его друзья и увели куда-то.

— Погуляй вместе с Нану. Только смотри, без меня ничего не покупай! — крикнул на прощание дядя.

Я молча кивнул головой. И мы с Нану отправились осматривать ярмарку. Какие тут продавались красивые игрушки: разноцветные воздушные шары, раскрашенные тележки, глиняные свистульки.

Мне очень хотелось что-нибудь купить, но я крепился.

Наконец мы подошли к лавке, на которой висела вывеска: «Магазин, где продается счастье». Хозяин лавки мне очень понравился. Он был такой добрый и веселый. Он всем подробно объяснял, как стать счастливым.

— Это очень просто, — говорил он. — Здесь 36 нумерованных призов, от 1 до 36, и 36 кружков. На каждом кружке нарисованы цифры от 1 до 6. Кружки лежат на столе номерами вниз. Заплатите полрупии, выберите 6 кружков, сложите цифры, и вы получите общую сумму. Это и будет означать номер вашего приза. Не бойтесь, платите деньги и обязательно что-нибудь выиграете. Стоимость выигрыша от 25 пайс до 25 рупий. Подходите, попытайте свое счастье!

Подошел какой-то старик, заплатил полрупии, набрал шесть кружков и получил сумму 9. Ему достался очень красивый будильник.

Но старик отказался от него, и хозяин лавки отдал ему 4 рупии.

Старик ушел очень довольный.

Потом попытал счастья мальчик чуть постарше меня. Он выиграл расческу, которая стоила 25 пайс. Добрый хозяин дал ему за эти деньги еще 6 кружков. И

мальчик выиграл ручку за 3 рупии. В третий раз он выиграл ручные часы за десять рупий, а в четвертый — настольную лампу из слоновой кости, которая стоила 25 рупий! Мальчик ушел очень довольный.

Я тоже решил попытать счастья и взглянул на Нану. Тот весело подмигнул мне. Я заплатил полрупии и взял шесть кружков. Мне сразу же не повезло: я выиграл два карандаша. Хозяин купил их у меня за 25 пайс. Я попробовал еще раз и выиграл пузырек с чернилами, который хозяин снова купил у меня за 25 пайс. Тогда я снова попытал счастья, но по-прежнему проиграл. Мне так хотелось выиграть большой приз, что я продолжал платить по полрупии, но всякий раз терпел неудачу. Наконец я проиграл последние 25 пайс.

Собравшиеся с улыбкой смотрели на меня, и никто мне не сочувствовал. Я чуть не плача отошел от магазина счастья, и мы с Нану направились к тому месту, где уговорились встретиться с дядей.

— Ты что такой печальный, Раджа? — спросил дядя. — Что-нибудь случилось?

Я молча отвернулся. Тогда Нану рассказал ему обо всем, что со мной произошло.

Вначале дядя рассердился, но потом улыбнулся и потрепал меня по плечу. Он повел меня по магазинам, купил красивый зонтик, печенья, конфет.

Когда мы возвращались домой, дядя сказал, что хозяин магазина счастья — обманщик и плут.

— Нет, дядя, — возразил я, — я просто невезучий.

— Ты не прав, малыш, — не согласился дядя. — Здесь дело не в везении.

— Но, дядя, — не сдавался я, — ведь выиграл же там один старик будильник, а мальчик — даже настольную лампу!

— Ах ты глупыш! — засмеялся дядя. — Это же его друзья. Они специально подзадоривают таких простаков, как ты. Хозяину нужно было получить твои

деньги, вот он и получил их. Ну, а теперь забудь об этом и никому не рассказывай, что несчастливый, или, вернее, о том, как тебя одурачили.

А через несколько дней приехал мой папа и забрал меня с собой в город. Мне было очень жаль расставаться с дедушкой, бабушкой, дядей, с моими школьными товарищами. Мне хотелось заплакать, но папа успокоил меня, пообещав привезти сюда снова через несколько месяцев, когда у меня начнутся каникулы. Когда я снова приеду к дедушке, обязательно расскажу вам, что случилось со мной нового.

Камала Наир

Когда река заговорила

Через лаз в бамбуковой изгороди шмыгнула девочка. Оглядевшись по сторонам, она бойко зашагала по еле заметной тропинке среди рисовых полей. Это была Джанаки, которую все в деревне — и домашние, и соседи — называли ласково — Джану.

Перед Джану, насколько хватало глаз, раскинулась зеленая долина — сплошные рисовые поля. С одной стороны долина упирается в еле различимую отсюда железнодорожную насыпь, с другой ее окаймляет подернутая голубоватой дымкой горная гряда. Очертания гор отчетливо видны на чистом утреннем небе.

Джану спешит к реке, которая спокойно катит свои зеленые воды дальше к югу — туда, где было море.

Джану никогда еще не видела моря. Однако из рассказов рыбака дяди Чанду она знала, какое оно, это море.

Дядя Чанду любит рассказывать, как на своем катамаране [\[23\]](#) он спускается по реке к морю, а после удачного лова тем же путем возвращается в родную деревню. По словам дяди Чанду, самое сложное для рыбака — это войти с моря в устье реки: тут требуется большое мастерство! Очень интересно слушать его рассказы. О своих приключениях на море дядя Чанду может рассказывать хоть целый день!

А еще интересней разглядывать его улов. Тут и моллюски, и мидии, и серебристые сардины, и даже, случается, небольшая акула, которую дядя Чанду почему-то называет морской собакой. Акулу обычно тут же разделявают, солят, складывают в большую корзину

из пальмовых листьев, а корзину несут на кухню и подвешивают к балке.

На самой кромке полей, вдоль реки, к небу тянутся кокосовые пальмы. В погожий день их листья, будто крылья огромной птицы, раскачиваются на ветру, а ночью, когда большая круглая луна висит над далекими черными горами, листья тускло отсвечивают в лунном свете и еле слышно шелестят. А если с моря дует легкий бриз, из зарослей бамбука доносится легкое поскрипывание, словно бамбук жалуется на свою судьбу.

Джану замедляет шаг, полной грудью вдыхая пропитанный солью воздух. Иногда она останавливается и, нагнувшись, подбирает плоский камешек; в погожий день такие камешки здорово запускать с размаху вдоль гладкой, точно зеркало, поверхности реки: они летят, словно прыгают, оставляя на воде легкие скользящие следы.

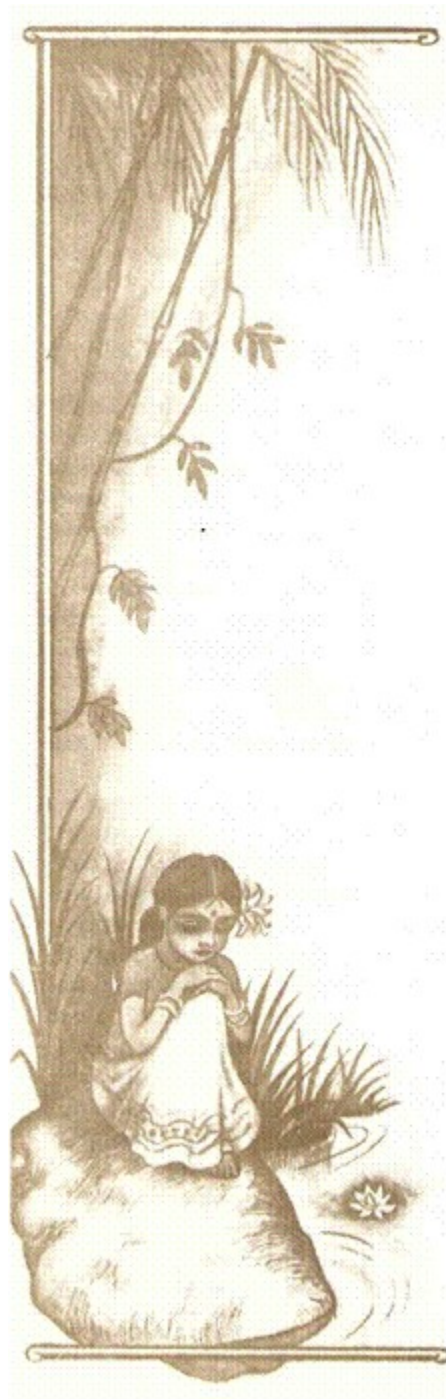
Поравнявшись с деревом, усыпанным желтыми цветами, Джану срывает две веточки и закладывает за уши — точь-в-точь как модные клипсы!

В отливающей золотом глубине цветка Джану замечает крохотного желтого паучка. Испуганно подавшись назад, она тут же берет себя в руки и легонько встряхивает цветок. Крохотный золотистый паучок выпускает длинную нить и беззвучно скользит по ней на землю. «В первый раз вижу такого, — мелькает у Джану. — Желтый, совсем как цветок. Никогда б не подумала, что паук!»

Джану очень боялась пауков, хотя раньше ей всяких доводилось видеть — и маленьких коричневых, и больших черных. Желтого паучка она видела впервые.

Вот наконец и берег реки.

В зеленой траве чернеет большой плоский валун. Это ее любимое место. Джану усаживается на валуне и подпирает голову руками.

Большие черные глаза девочки задумчиво смотрят на водяную гладь. Они кажутся еще больше оттого, что веки подведены сурьмой, — не ради моды, а от глазных болезней.

Черные волосы собраны в пучок.

Из-под валуна высовывается большая зеленая ящерица. Оглядевшись, она исчезает в зарослях бамбука. Где-то в траве трещит кузнечик. Река медленно катит волны, еле слышно шелестя по гальке.

«Интересно, зачем паучки забираются внутрь цветка? — думала Джану. — Надо, пожалуй, спросить у Эттана».

Эттан — ее старший брат. На ее родном языке — малаялам — «Эттан» и означает «старший брат». Настоящее же его имя — Гопи.

Эттан ходит в школу, где его учат читать и писать. Придя из школы, Эттан обычно усаживается на веранде и принимается зубрить уроки.

Из их деревни, Джану давно это заметила, в школу ходят одни только мальчики, девочки в школу не ходят. Исключение составляет лишь Мина — единственная дочь деревенского старосты. Мать Мины любит дорогие наряды. Отправляясь в город, она надевает сари с золотой каймой и прикрывается от солнца большим черным зонтом.

У Мины тоже есть шелковый зонтик, только маленький. У остальных женщин их деревни зонтиков нет, зато они носят широкие шляпы из пальмовых листьев. В дождь такая шляпа удобнее, чем зонтик, потому что обе руки остаются свободными, но, что ни говори, зонтик все-таки красивее...

— Почему ты не пускаешь меня в школу? — не раз спрашивала Джану у матери. — Я хочу ходить в школу, как Эттан и Мина.

И мать неизменно отвечала ей;

— Ты еще слишком мала, дочка. Погоди немного.

Джану исполнилось пять лет — можно уже было записывать ее в школу, но тут родился еще один братик, маленький Раму, и мать сказала ей:

— Вот пройдет годик-другой, и ты пойдешь в школу, а пока будешь нянчить младшего братика. Мне надо работать в поле.

Но Раму исполнилось сначала два годика, потом три, и мать всякий раз говорила ей:

— Не плачь, дочка, Эттан ходит в школу, потому что он мальчик, а мальчики должны учиться. Ты же у нас одна... Ты должна помогать мне. Кто, кроме тебя, поможет мне толочь рис, заготавливать дрова, нянчить маленького братика Раму?

— А почему Мина ходит в школу? — пыталась возражать Джану. — Она тоже девочка.

— У ее отца куча денег, — отвечал отец, который к тому времени обычно возвращался с поля. — Учение — это не для девочек. Девочке надо учиться совсем другому — как приготовить обед да как убрать с поля рис. И вообще их дело — помогать по дому.

— Что ты сказал? — садясь на соломенной подстилке, проворчал дед, который все это время лежал в темном углу. — Им бы все бездельничать! Почаще учить их надо! Тростью бамбуковой, тростью! — и натужно закашлялся.

Голос у Джану дрожал, она еле сдерживала слезы, потому что никто не хотел ее понять.

— Я все — все буду делать, только пустите меня в школу. Пожалуйста, папочка!

— А кто будет смотреть за Раму, хотел бы я знать?

Джану с немым упреком взглянула на мать и тяжело вздохнула.

Оставалось только ждать и надеяться. Ничего другого ей не оставалось с той самой поры, как родился маленький братик Раму.

— Сходи-ка ты лучше к Чанду да купи немного сардин, — ласково сказала мать, чтобы отвлечь ее.

Джану взяла из рук матери деньги и отправилась к дяде Чанду.

Когда в разговоре с ним Джану сказала, что хочет учиться, Чанду рассмеялся.

— Зачем тебе учиться? — спросил Чанду. — Вместе со всеми зубрить уроки? Пустая это трата времени, скажу я тебе! Вот если бы ты попросила, чтобы я научил тебя плести сети или ловить рыбу, это было бы совсем другое дело. А то — эка невидаль — школа! — и Чанду презрительно сплюнул в воду.

Он завернул сардины в старую газету и протянул Джану:

— Вот тебе, держи. А теперь беги домой и запомни, что главное для девочки — готовиться к семейной жизни и быть хорошей женой... Да не забудь сказать матери, что сардины кончаются!

Эттану сравнялось двенадцать, он был уже почти взрослый; Раму исполнилось пять лет, и он вместе с другими ребятами ходил в школу; а ей было уже почти десять, и она продолжала сидеть дома — нянчила братика Аппу, который был еще совсем маленький.

Улучив минутку, когда Аппу спал, а матери не было дома, Джану тайком бегала к реке. На задворки она выбиралась через лаз в бамбуковой изгороди, которой был обнесен двор. Ей нравилось бывать на реке, сидеть на берегу. Здесь было тихо, спокойно, и она чувствовала себя счастливой. Однако сегодня на душе у нее было тяжело. По щеке скользнула крупная прозрачная слезинка. Потом другая.

Блеснув на солнце крыльями, неслышно взмыл в небо зимородок.

Выползла на солнце большая зеленая ящерица.

«Почему ты плачешь, девочка?» — прозвучал вдруг тихий ласковый голос.

Джану встрепенулась: кто бы это мог быть, если вокруг никого нет? Может, ящерица? Или зимородок? Но ящерица спокойно грелась на солнышке, а

зимородок уселся на самой верхушке бамбукового ствола, держа в клюве пойманную рыбу. А может, попугай?

«Не плачь, девочка, — продолжал голос, — и не пугайся. Ведь ты ходишь сюда почти каждый день».

Голос был тихий и немного сонный, как шелест реки. Неужели река?!

«Расскажи мне обо всем, что тревожит тебя, — продолжал голос. — Ты ведь знаешь, мне некогда задерживаться, потому что я постоянно спешу к морю».

«Меня не пускают в школу, — всхлипнула Джану. — Они не хотят, чтобы я ходила в школу... А мне скоро уже десять. И я хочу учиться, как Эттан и Мина. Я хочу много-много знать! Кругом столько непонятного... Почему паучок в цветке — желтый? Почему бамбук скрипит? Почему луна поднимается из-за гор? Почему головастики превращаются в лягушек?»

«Достаточно, — прошелестела река. — Ты совсем заговорила меня. Дай передохнуть. Столько «почему» сразу!.. А про луну и я могу рассказать тебе, — вздохнула река. — Луна всегда ходит одной дорогой — через горы в сторону моря, как и я».

«Даже братик Раму учится в школе», — продолжала Джану.

«Жалко, что школа стоит не у моря, — прошелестела река. — Я бы взяла тебя с собой, хоть ты и замочила б немного ноги... Правда, кое-что ты можешь сделать и сама, без моей помощи...»

«Что же, что? Скажи», — нетерпеливо спросила Джану.

«Девочка ты хорошая, и я скажу тебе, — прошуршала река. — Когда будешь дома одна, встань утром пораньше, добеги до школы — послушай, что объясняет учитель. Он увидит тебя и, может, разрешит остаться».

«Учитель прогонит меня! — воскликнула Джану. — А дома накажут!»

Волны колыхнулись, точно река засмеялась беззвучно.

«Накажут, говоришь? — тихо проговорила река. — Но ты же храбрая девочка! Ты не боишься змей... Не боишься и огромного поезда, что с грохотом проносится по мосту... Очень они шумные, эти поезда, — вздохнула река. — Мне больше нравятся морские лайнеры...»

Слушая реку, Джану и сама поверила, что не боится змей, которые водятся в зарослях бамбука.

«А что это такое — лайнеры?» — спросила Джану.

«Это большие красивые корабли, — устало проговорила река. — Они такие большие, что на каждом может разместиться чуть не тысяча человек. Лайнеры плавают по морю, и огни на них светятся всю ночь напролет».

Джану с завистью вздохнула.

«А к нам они могут приплыть?» — спросила она.

«Нет, не могут, — промолвила река. — Для этого они слишком большие. Попроси Чанду — он возьмет тебя с собой, и ты сможешь увидеть лайнер своими глазами».

«Он не возьмет меня, — горько вздохнула Джану. — И почему я не мальчик?»

«Ты все-таки сходи в школу, — сказала река. — И запомни: все зависит от тебя».

Голос реки звучал все тише, потом заглох совсем...

Джану вздрагивает и протирает глаза. Кажется, она задремала, и ей приснился этот чудный сон. Однако, когда она спрыгивает с валуна и, старательно обходя заросли бамбука, выходит на тропинку, ей чудится, будто за спиной кто-то грустно вздыхает...

Утром Эттан и Раму, как обычно, убежали в школу. Дождавшись, когда взрослые занялись делами, а дед, позавтракав холодным рисом, прилег отдохнуть, Джану

быстро причесывается и повязывает волосы красной лентой. Эту ленту когда-то подарила ей Мина. В кровати сонно чмокает маленький Аппу.

Джану потихоньку достает грифельную доску младшего брата — доска эта досталась ему от Эттана, — и принимается за рисование.

Она рисует лодку дяди Чанду, а рядом с лодкой — бамбуковые заросли и школу.

Оглядевшись по сторонам, Джану поправляет на спящем братике одеяльце и крадучись направляется к изгороди, но тут из кроватки неожиданно доносится громкий плач. Джану бегом возвращается и берет малыша на руки. Аппу ручонкой касается ее щеки и тут же снова засыпает.

— Я возьму тебя с собой, — шепчет она ему на ухо. — Но если по дороге ты снова станешь хныкать, я... я брошу тебя на берегу. Пусть тебя унесут попугаи!

Джану с трудом добирается до школы и, еле переводя дух, останавливается у приоткрытой двери. За дверью идет урок. Учитель читает сказку о том, как принц Ашока стал великим и мудрым правителем.

Джану потихоньку протискивается в дверь и, прячась за спины мальчишек в последнем ряду, потихоньку усаживается на земляной пол. Аппу молчит, и Джану внимательно слушает.

Закончив чтение, учитель принимается задавать вопросы. Ученики листают страницы учебника и дружно тянут кверху руки. Наконец учитель откладывает учебник в сторону.

— А сейчас я хочу сообщить вам приятную новость, — довольно потирая руки, говорит учитель, — На следующей неделе мы всем классом едем на экскурсию в Кожикод. Мы посмотрим город, а потом я проведу вас к морю и покажу маяк.

— А что это такое — маяк? — спрашивает Кутти, сынкача.

— Маяк? Маяк — это башня на острове или у самого берега моря. Очень высокая башня. Ну, как, скажем, карандаш, поставленный торчком, большой-большой карандаш. На верху башни горит яркий фонарь. Прожектором называется. Ночью свет прожектора виден очень далеко. А горит прожектор для того, чтобы указывать путь морским лайнерам.

— А что такое лайнер? Лодка? — спрашивает Нану. Вместе со своей матерью Нану живет в крохотной хижине, что стоит на самом краю поля, и бегать в школу ему приходится за целых три мили.

— Кто ответит Нану? — обращается к классу учитель. — Может, это действительно лодка?

— Нет, это совсем не лодка! — забыв про все свои страхи, неожиданно подает голос Джану. — Лайнер гораздо больше, чем лодка! Это большой красивый корабль. Он такой большой, что на нем размещается почти тысяча... — И Джану вся холодеет от страха, заметив, что все смотрят на нее. Едва она заговорила, как все головы, точно по команде, разом повернулись к ней. Учитель тоже смотрел на Джану с удивлением. Вдобавок заорал потревоженный Аппу: он проснулся от ее резкого движения. У Джану даже в горле пересохло.

— Откуда ты, девочка? — мягко спрашивает учитель, — И как тебя зовут? Как видно, ты новенькая и школьных правил еще не знаешь. Разве я не говорил вам, чтобы вы не приносили в школу своих маленьких братиков и сестричек? Кто принес сюда малыша? Чей это мальчик?

Очки у учителя сползают почти на самый кончик носа. Он сердито смотрит на нее поверх очков, а класс удивленно гудит, вертя черными нестриженными головами.

У Джану дрожат губы.

— М... меня зовут... Дж... Джану, сэр, — заикаясь, говорит она. — А это... это мой братик. Я не хотела, чтобы он кричал. Я совсем... не хотела...

— Это сестра Гопи! — выкрикивает кто-то. — А еще его зовут Эттан... Сестра того самого Гопи, что в соседнем классе.

— А зовут ее Джану, — сообщает другой.

— Это младшая дочка дяди Гопалана, — добавляет третий.

— Подойди сюда, Джану, — говорит учитель, обращаясь к ней. — Возьми братика на руки и подойди ко мне... Остальные могут быть свободны.

Ученики, толкаясь, валят к выходу, а Джану, крепко прижимая братика, проходит к учительскому столу. Она дрожит, Аппу испуганно всхлипывает. Сейчас ей совсем не хочется оставаться здесь.

Пустой класс пугает ее одним своим видом.

— Так, значит, ты младшая сестра Гопи? Прекрасный ученик — Гопи, — говорит учитель, глядя на нее поверх очков, — Он, конечно, не знает, что ты здесь. Мать, наверно, тоже разыскивает тебя... А почему ты не ходишь в школу?

Чтобы успокоить Аппу, учитель протягивает ему карандаш. Малыш испуганно прижимается к сестренке, но потом, осмелев, тянет ручонку и хватает карандаш.

Тем временем Джану объясняет учителю, почему она не ходит в школу. Учитель внимательно слушает ее.

— Если ты действительно хочешь учиться, я поговорю с твоим отцом, — произносит учитель в заключение. — Ты не беспокойся. Что-нибудь придумаем...

Когда Джану возвращается домой, на дворе уже полдень. Мать в сердцах принимается бранить ее, а отец сердито басит, что в следующий раз возьмет бамбуковую трость и проучит ее хорошенько, чтоб не

убегала из дому, когда кругом столько работы. Отец всегда ворчит и грозитя проучить ее, когда возвращается домой усталый.

Джану стоит, потупившись, и упорно молчит. Она не может сказать им, где была. Это ее секрет, и она будет хранить его, как хранила начищенную до блеска медную монетку, которую каждый вечер натирала соком тамаринда и, налюбовавшись, прятала под матрац. Когда Эттан вернется из школы, все узнают, где она пропадала, но даже и тогда никто не узнает, о чем говорили они с учителем. Это была ее тайна, которую она хранила у сердца, как ту самую монетку — единственное свое достояние, — что так ярко блестит на солнце.

О своем разговоре с учителем Джану вечером по секрету рассказала своей подружке Мине. Мина весело рассмеялась. Мина была хохотушка, и, когда смеялась, на щеках у нее появлялись прелестные ямочки.

— Зачем бегать в школу задами, когда есть прямая дорога? — сказала Мина.

А отец Миной — деревенский староста — подумал про себя, что дочке Гопалана надо бы, наверно, родиться мальчишкой.

— Дай только ей подрасти, то ли еще будет, — хмуро заметила мать Миной.

— Пошли купаться! — крикнула Мина. — Догоняй! — и рванулась в сторону пруда.

Подбежав к берегу, Мина столкнула Джану в воду, следом кинулась сама, и они стали весело плескаться.

— В школе хорошо, — сказала Мина, встряхивая мокрыми волосами. Тебе понравится. Отец твой — он ведь поворчит-поворчит, а ходить в школу все-таки разрешит. Ты только не трусь. Про тебя мой отец сказал: «Если, говорит, будет учиться прилежно, может даже колледж ^[24]закончить!»

— Даже колледж? — переспросила Джану, хотя она совсем не знала, что это такое «колледж».

Мина сделала вид, что не расслышала: она тоже не знала, что такое колледж.

Первым, кого видит Джану на следующий день перед вечером, был учитель, неторопливо подходивший к их калитке. Дрожащей рукой Джану зажигает лампу и ставит ее на веранду. В тусклом свете лампы с трудом различимы фигуры ее братьев и деда. Заложив за ухо лист священного тулси, дед беззубым ртом шамкает слова молитвы, а Эттан и Раму нестройно повторяют за ним. Раму то и дело запинается и перевирает слова.

Отец потирает ладонью щеку — он делает это всякий раз, когда волнуется, — а учитель, оживленно жестикулируя, что-то доказывает ему. Потом учитель проходит в калитку, и они продолжают беседу, стоя у бамбуковой изгороди, которой обнесен двор.

— Не бойся, доченька, — негромко говорит мать. — Я буду подменять тебя, когда ты будешь в школе. Говорят, что теперь девочки тоже должны ходить в школу. Вместе с мальчиками. Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, я тоже хотела учиться, да бабушка запретила. А сейчас, видишь, сам учитель пришел уговаривать отца. Он и вчера приходил, когда ты бегала к Мине. Учитель говорит, что ты будешь учиться ничем не хуже Гопи... Хоть бы Гопи вырос поскорей, сдал экзамены да поступил на службу! Да не у нас, а где-нибудь в большом городе. Например, в Дели. Правда, это очень далеко: чтобы добраться до Дели, надо, говорят, трое суток ехать поездом... Ну, а что ты будешь делать, доченька, когда кончишь школу? — грустно продолжает мать. — Научишься читать, писать, научишься, может быть, шить на машинке, как мать Мины. Ну, научишься, а где возьмешь машинку? Стоит она дорого, а денег у нас нет. Какой же прок от

такого учения? Ну, если уж тебе так хочется, останавливать тебя я не стану, — И, помолчав, она негромко запекает, укачивая маленького Аппу:

— Пташка малая, лесная,
Где ты гнездышко совьешь?
Скоро, скоро минет лето,
Сыплет, сыплет с неба дождь.

Джану бросается к матери и, обвив ручонками ее шею, крепко, крепко прижимается к ней.

— Мамочка, родная! Когда окончу школу, я стану учительницей, — говорит она со слезами на глазах. — Я буду ходить от дома к дому и записывать в школу всех девочек! Ну всех — всех! Вот увидишь!

На следующее утро, задолго до начала уроков, Джану по знакомой тропинке вприпрыжку спускается к реке. Сияя от радости, она усаживается на любимое место. Черные волосы ее перехвачены красной лентой, а за ухо заложен ярко-желтый цветок.

— Я сделала все так, как ты сказала мне, реченька, — говорит Джану негромко. — Я все сделала. И мне разрешили ходить в школу. Скоро я научусь читать и писать. А еще я научусь решать задачи. И тогда уж я точно буду знать, почему головастики превращаются в лягушек. И я обязательно увижу маяк и корабли... Спасибо тебе! — И она низко кланяется реке.

А река спокойно катит свои воды в песчаном ложе, и в нее задумчиво смотрятся с берега кокосовые пальмы.

Джану достает из-за уха цветок и осторожно опускает его в реку.

— Это мой подарок тебе. Донеси его до моря, реченька. Путь твой не ближний — беги, не задерживайся.

Джану с минуту стоит неподвижно, потом поворачивается и идет по тропинке, то и дело оглядываясь, а желтый цветок, подхваченный течением, относит от берега все дальше и дальше. Та беседа с рекою, конечно, привиделась ей во сне, но вот сейчас Джану действительно идет в школу, и это уже совсем не сон. Не чуя под собою ног, она несется по тропинке, еле различимой среди рисовых полей. И чудится ей, будто позади снова звучит тихий голос: «Приходи ко мне опять, девочка. Я стану рассказывать тебе про большие корабли, что бороздят океаны». Но это был всего лишь легкий бриз, напоенный соленым запахом моря.

Аруп Кумар Датта

Следопыты из Казиранги

Браконьеры

Тишина ночи была разорвана ревом животного, попавшего в западню. Люди, которые вырыли ее, прятались в шалаше, стоявшем на берегу небольшого озерца. Они слышали рев. Их вожак вышел наружу и прислушался. Собственно говоря, его интересовало только одно: тот ли зверь очутился в яме? Кажется, все в порядке. Он повернулся к товарищам и довольный произнес:

— Это носорог. Мы поймали его.

Люди, сидевшие в шалаше, не были новичками в своем деле. Они не первый раз пробирались в глубь Казиранги, чтобы поохотиться на редких животных. Их было шестеро — сильных рослых мужчин. Они отлично изучили повадки носорогов и знали, что это упрямое животное всегда пьет из озера в одном и том же месте и ходит всегда по одной и той же тропе.

На этот раз им пришлось выслеживать его несколько дней. Обнаружив носорожью тропу, они вырыли яму и прикрыли ее стволами бамбука. Затем построили неподалеку шалаш и стали ждать.

Громкое беспокойное похрюкивание и фыркание показало, что тот, кого они ждали, — в яме. Молча и быстро они стали пробираться к ней через заросли слоновьей травы.

Один из браконьеров нес факелы. Это были палки из полого бамбука, набитые паклей, смоченной в керосине.

Подойдя к яме, люди зажгли факелы. Конечно, огонь мог привлечь сторожей — это был риск, — но без света тут не обойтись.

Носорог, который возился на дне ямы, в свете дымных факелов казался еще больше, чем он был. Чувствуя свою безопасность, браконьеры подошли к самому краю. Каждый хорошо знал свои обязанности: они достали из мешка принесенные веревки, сделали на концах петли и одну за другой набросили их на шею, морду и на все четыре ноги животного.

Носорог отчаянно сопротивлялся, но люди были сильнее, и скоро все его тело было опутано веревками. Затем свободные концы веревок привязали к железным клиньям, заранее вбитым вокруг ямы, и туго натянули. Теперь зверь был обречен.

Вожак банды достал из-за пояса тяжелый нож с широким лезвием — жители Ассама называют такой нож «дао» — и, держа его на весу, спрыгнул в яму. В ней было тесно, и поэтому человек взобрался на спину животного. Он поднял дао и короткими резкими ударами стал отделять рог от шкуры.

Носорог дико взвизгнул. Фонтаном ударила кровь. Не обращая на нее внимания, человек продолжал наносить удары. Минуту спустя он поднял над головой окровавленный рог, с висящими на нем кусками кожи. Его приятели приняли из его рук рог, помогли выбраться из ямы, погасили факелы, и все шестеро в молчании двинулись в обратный путь. Петли и стальные клинья — непременное снаряжение браконьеров — были снова сложены в мешок.

Люди шли молча. Они удалялись, не обращая внимания на визг животного. Скоро визг был уже не слышен: животное теряло силы.

Утром оно умрет, и к яме слетятся пожиратели падали — грифы.

Неожиданная находка

Дханай, Бубуль и Джонти покачивались на спине молодого слона Махони и глазели по сторонам. Путь слона проходил среди невысоких кустарников. Ровная плоская равнина Казиранги неторопливо двигалась мимо седоков. Однообразие равнины нарушали только редкие деревья, как свечи торчащие посреди нее.

Самым старшим в их компании был четырнадцатилетний Дханай. Его отец был махоут — погонщик слонов. Махоутом он числился и в департаменте по туризму дистрикта Казиранги. Дома у них было три слона. Среди них выделялась молодая слониха Махони. Заботу о ней отец возложил на Дханая. Каждый день Дханай мыл слониху, кормил ее, разговаривал с ней, обучал всему, что должен знать ездовой слон. Понятно, что мальчик и подопечная стали большими друзьями.

Бубуль и Джонти были близнецами, обоим по тринадцати. Их отец был старостой деревни. Бубуль и Джонти были так похожи друг на друга, что различить их мог лишь человек, близко знавший их семью.

Мальчики учились в одном и том же классе. Всегда очень дружные, сейчас, в дни летних каникул, они проводили свободное время как хотели.

Местность, которая окружала деревню, они знали как свои пять пальцев и сегодня решили пересечь на слоне территорию заповедника, добраться до берега Брахмапутры и там хорошенько выкупаться.

Обычно заповедник полон неумолчного пения птиц, цвиканья сверчков, вздохов крупных, прячущихся в зарослях, животных.

Однако в это утро заповедник молчал: животные настороженно принюхивались и прислушивались. Со стороны Брахмапутры медленно поднималась и росла лиловая туча.

— Кажется, будет буря! — сказал Бубуль.

— Да еще какая! — подтвердил Джонти.

Дханай тронул ладонью голову Махони. Слон остановился. И в тот же момент горизонт прочертила извилистая белая молния.

— Этого еще не хватало! — сказал Дханай. — Так мы промокнем до нитки. Пожалуй, лучше вернуться.

Однако близнецы запротестовали:

— Ну и что же? Промокнем так промокнем. Все равно будем купаться.

Но Дханай настаивал.

— Да мы-то что, — сказал он. — Все дело в Махони: слоны очень нервничают в грозу. Дождь им не страшен. Зато молния и гром!.. Пожалуй, ничего они так не боятся, как молнии и грома.

Он повернул слона, и назад они поехали другой, более короткой дорогой.

— Смотрите, ребята! — сказал вдруг Джонти.

Слева, в сотне метров от тропинки, по которой шел слон, в воздухе парила дюжина грифов.

— Интересно, что они высматривают? — спросил Бубуль. — Какое-нибудьдохлое животное, а?

— Влево! — приказал Дханай. Махони послушно исполнила команду.

При их приближении грифы, недовольно крича, улетели.

Когда Махони остановилась на краю ямы, мальчики увидели, что в ней, повалясь на бок, неподвижно лежит окровавленное тело носорога. Кожа животного была, уже кое-где исклевана грифами. Первым пришел в себя Дханай.

— Бо, Махони! Бо! — скомандовал он, и слон стал на колени.

Мальчики спрыгнули с него и окружили яму.

— Смотрите, рога-то нет! — сказал Дханай. — Это браконьеры!

— Точно, — подтвердил Джонти. — Надо сообщить об этом охране. Только сперва осмотрим все вокруг.

Пойдет дождь и все следы смое.

— Верно, — согласился Дханай. — Надо торопиться: все небо уже черное. Видите, как волнуется Махони!

Мальчики кинулись осматривать землю ямы. Первым повезло Джонти.

— Идите сюда, смотрите, что я нашел!

Он стоял на коленях, а прямо перед ним на глине был виден четкий отпечаток босой человеческой ноги. След был свежий.

— Ну и что? След, — сказал Бубуль.

— Но все следы босых ног одинаковы. Это ничего не дает.

— Да? — Джонти покачал головой. — Одинаковы? И все босые ноги имеют только по четыре пальца?

Присмотревшись, Дханай и Бубуль поняли, что вместо большого пальца у человека, оставившего след, на правой ноге был обрубок.

Продолжили поиски, и скоро острые глаза Джонти обнаружили на земле еще два отпечатка.

— Кажется, тут было несколько мужчин, и один из них — с покалеченной ступней, — подвел итог Джонти.

— Да это же улика!

Порыв ветра резко наклонил над их головами пальму. Загремели листья. Влажный запах приближающегося дождя ударил в ноздри. Махони подняла хобот и затрубила.

— Пошли, пошли! — стал торопить друзей Дханай. — Надо сообщить обо всем охране.

Они вскарабкались на спину Махони, и та быстрым шагом направилась напрямик через заросли слоновой травы к конторе заповедника. Едва мальчики успели отъехать, к яме снова слетелись грифы.

Небо разверзлось, и на землю хлынул настоящий ливень. Могучий порыв ветра налетел на равнину. Ветер был такой сильный, что дети прижались к спине Махони, — ураган мог сбросить их.

Мимо пронеслась стайка испуганных ланей. Из отдаленной рощи прилетел испуганный крик сброшенной с ветки совы.

Наконец Махони выбралась на дорогу. Впереди сквозь струи дождя показалась контора заповедника — несколько небольших домов.

Новые улики

Мистер Неог — смуглый высокий индеец — был инспектором охраны заповедника. Увидев входящих к нему в кабинет трех мальчишек, дрожащих и промокших до костей (за каждым тянулась дорожка воды), он понял: случилось что-то важное.

— Дядя Неог, они убили носорога! — перебивая друг друга, разом заговорили дети.

Мистер Неог сделал строгое лицо.

— Не все сразу, — резко сказал он. — Говори ты, Дханай. И только факты, пожалуйста.

Мальчик рассказал про находку.

— Это браконьеры. Рог отрезали. Это они... — закончил Дханай.

— Кто же еще? — проворчал инспектор, открывая шкафчик и доставая оттуда полотенце. — Ну-ка, вытрите свои физиономии. Потом — всем горячего чаю и печенья.

— Они ж убили носорога, дядя Неог! — сказал Бубуль — Вы должны поймать их, и как можно скорее!

— Не беспокойся, Бубуль, обязательно поймаем. Начнем действовать сразу же, как только кончится ливень.

Слуга мистера Неога принес крепкого чаю и печенья. В это время в комнату вошел старший егерь Фукан — полный крепкий мужчина с маленькими хитрыми глазками.

— Эти ребята обнаружили в заповеднике убитого носорога. Еще одного. Понимаешь, что это значит?

Фукан кивнул. Он стащил с головы мокрую матерчатую шляпу и швырнул ее в угол.

— А кто разрешил вам входить в заповедник? — недовольно спросил он мальчиков. — Забыли про тигров?

Мальчики прекрасно знали, что, для того чтобы въехать в заповедник, нужно разрешение. Они переглянулись.

— Мы ехали на Махони, — сказал Дханай, — Мы часто ездим туда, дядя Неог знает.

— При чем тут дядя Неог? — с неудовольствием заметил егерь. — Порядок есть порядок, и дядя Неог тут ни при чем. На поездку в заповедник вы должны получить разрешение.

— Оставим это, Фукан, — сказал инспектор. — Они же не туристы. Они живут здесь всегда. И всегда ездили по заповеднику на слонах.

— Хорошо, сэр, — проговорил Фукан. — Извините меня. Этот случай испортил мне настроение.

— Дядя Неог, вы только что сказали, что в заповеднике снова появились браконьеры, — воскликнул Джонти. — Значит, это не первый случай?

Инспектор заколебался, но что-то заставило его все-таки быть с мальчишками откровенным.

— К сожалению, не первый... Пятый носорог за два месяца.

— Говорят, в Гонконге за рог платят бешеные деньги. — Дханай посмотрел инспектору в лицо.

Тот нехотя кивнул.

— Мне нужно год проработать, чтобы получить столько. За один-единственный рог!

— Я знаю: аптекари приготавливают из рога такое снадобье, которое возвращает старикам молодость. — Бубуль рассмеялся.

— Может быть. Но платят за это снадобье очень звонкой монетой.

— Они исчезают, не оставляя следов, эти бандиты. Вот и сегодня, что можно будет найти после ливня? — Фукан пожал плечами. — Ищем два месяца, и ни одного следа!

— А мы нашли след, — сказал Бубуль. — След босой ноги. Около самой ямы. И еще, — он понизил голос до шепота, — у одного из них на правой ноге не хватает пальца.

— Ого! — сказал Неог.

Фукан пожал плечами.

— След с оторванным пальцем? Это ваше воображение.

— Нет, мы нашли.

— Хватит спорить. Мальчикам нет смысла врать. Еще что?

— Все.

— Посмотрим, что за след... Дождь окончился. Подгони сюда джип, Фукан.

Автомобиль, урча, когда его колеса попадали в яму с жидкой глиной, медленно полз по дороге. Небо, по которому еще плыли остатки облаков, снова было голубым. Над равниной Казиранги кое-где висели серые ленты тумана, влажная, пропитанная водой земля парила. В тумане то появлялись, то исчезали коричневые пятна — из лесных укрытий вышли олени. Около переполненных водой маленьких озер затеяли перебранку пеликаны. Заповедник снова был полон звуков и движения.

Подъехать к самой яме джип не смог. Пришлось остаток пути пробиваться через заросли мокрой травы.

— Вон там, — сказал Джонти, увидев летающих кругами над ямой грифов.

— Всех птиц люблю, а этих ненавижу, — сказал Бубуль. — Питаться трупами... Что может быть

ужаснее? А какие у них уродливые головы!

— Чтобы земля была прекрасной, должны быть уроды, которые очищают ее от грязи и тлена, — сказал Неог. — А разве вороны сильно отличаются от грифов?

Ему никто не ответил.

Шли в молчании до тех пор, пока не очутились около ямы. Теперь она была почти до краев наполнена водой. Останки носорога едва возвышались над коричневой жижей.

— Что ж, мальчики правы. Это работа браконьеров. Но и вы, Фукан, правы — никаких следов тут мы сегодня не найдем... А что, если все-таки походить вокруг? Вдруг повезет...

Они разошлись в разные стороны.

Джонти успел почти дойти до озерца, когда его внимание привлекла шкурка банана, висевшая в стороне от тропинки на ветке у самой земли. Шкурка была свежая, а висела она так, как будто кто-то швырнул ее подальше от себя и она зацепилась, не долетев до земли.

Туристы? Но тропа, по которой их возят на слонах, проходит далеко. Стоило пошарить в кустах... Джонти, отводя от лица колючие ветки, углубился в заросли. Не успел он отойти на десяток шагов, как едва не вскрикнул: тщательно замаскированный живыми кустами, перед ним стоял шалаш, с низким входом и отверстиями в стенках, откуда можно было наблюдать за озерцом. Стены были сделаны из тростника, крыша покрыта слоновьей травой. Штормовой ветер изрядно повредил постройку.

Джонти направился было к шалашу, как вдруг остановился испуганный — в шалаше кто-то возился. Мальчик не успел отскочить и спрятаться, связка тростника у входа в шалаш покачнулась, из-под нее вылез на четвереньках старший егерь.

— Фу, как вы меня напугали! — воскликнул Джонти. — Я уж было подумал, что там...

Фукан внимательно посмотрел на мальчика.

— Ступай и позови остальных.

Джонти убежал.

Когда все собрались около шалаша, Фукан показал им тщательно замаскированную тропинку, по которой пробирались в свое убежище браконьеры. По очереди залезли в шалаш. Пол его был плотно утрамбован и покрыт листьями платана, посередине чернел очажок из глины с остатками костра.

— Что же, все ясно, — сказал егерь. — Это и было их гнездо. Надо устроить засаду. Они от нас не уйдут!

Джонти, который оползал на коленках весь пол, воскликнул:

— А я знаю, сколько их было!

— Еще следы? — хмуро пошутил Неог. — На этот раз следы на листьях?

Джонти не обратил внимания на шутку.

— Их было шестеро, — сказал он. — Вот послушайте. Все браконьеры вооружены дао. Так? А человек, который носит дао, входя в хижину, втыкает его в пол. Вот следы. Считайте, сколько было воткнуто ножей. Шесть!

Неог внимательно осмотрел пол.

— Мальчик прав. Это действительно следы от дао. И действительно прятались шестеро. А вот тут, около стенок, — остатки еды. Они не очень чистоплотны, эти люди. Что ты скажешь, мальчик? Я вижу, ты прирожденный следопыт.

— Рис и рыба, ни одной банки консервов. Значит, они пришли не издалека. — Джонти поднял с пола огрызок. — Рисовая лепешка питхас. А на рыбе — остатки соуса карри. То, что в здешних местах едят все. Значит, их деревня неподалеку.

— Удивительная у тебя голова, Джонти.

— Что ж, поездка оправдала себя. Кое-что мы узнали... — Неог посмотрел на часы. — Два часа пополудни. Надо возвращаться. Пора обедать. Вы пообедаете с нами, Фукан?

Угроза

По возвращении джип сразу же подкатил к дому Неога. Фукану и мальчикам волей-неволей пришлось принять приглашение зайти.

В столовой уже стоял накрытый стол. Обед прошел в молчании: все так проголодались, что было не до разговоров, супруга мистера Неога умела готовить. Даже угрюмый Фукан повеселел.

— Итак, я уже сказал — это пятый носорог, — начал Неог, продолжая прерванный разговор. — Все четверо до этого были убиты тем же способом: яма на тропе к водопою.

— Работает одна банда, — согласился Фукан.

— А почему рога нужно переправлять в Гонконг? — спросил Дханай. — Неужели, раз уж это такая ценность, продать их нельзя здесь?

Неог кивнул.

— Хороший вопрос. Но ответ надо искать в сейфах международной полиции. Так уж получилось — самую большую цену платят в Гонконге. Переработка рога — их секрет. Тот, кто владеет им, передает секрет по наследству сыну, внуку. Короче говоря, все нити сходятся на этом острове. Значит, поблизости от нас действует перекупщик. Он скупает у браконьеров рога и переправляет их в Гонконг.

— Но перекупщик — чужак, а всякий чужак здесь на виду. Нельзя поселиться в деревне, не обратив на себя внимание, — сказал Бубуль.

— Мне первому было бы об этом известно, — сказал Фукан.

— Пятый рог за два месяца, — повторил Неог. — Почему так много?

— Я знаю. — Джонти, на долю которого уже выпал сегодня успех, говорил уверенно. — Это значит, что

перекупщик уже здесь. Или вот-вот приедет за товаром. Браконьеры торопятся.

— Похоже. — Неог наклонился к столу и негромко, так, чтобы не слышала возившаяся на кухне жена, сказал:

— Мне не нравится другое, Фукан: все эти два месяца браконьеры словно смеются над нами. После первого же носорога мы удвоили число секретных постов, ввели ночные обходы — и никакого эффекта. Браконьеры продолжают спокойно рыть ямы и убивать животных.

— Уж не хотите ли вы сказать... — начал Фукан.

— Я не сказал ничего... Однако мы располагаем секретным оружием, о котором браконьеры еще не знают.

— Что ж это за оружие? — поинтересовался Дханай.

— Вы все трое. Вы — наше секретное оружие.

— Мы?! — удивленно воскликнули мальчики.

— Да, да, вы. Вы будете сообщать нам обо всем, что увидите или услышите. Но никаких расспросов — иначе браконьеры узнают обо всем. Вы умные мальчики, и храбрости, надеюсь, вам тоже не занимать. Так что я назначаю вас почетными стражами заповедника. Будете работать под началом у Фукана.

Мальчики переглянулись. Их распирало от гордости за оказанное доверие.

— Однако пусть все, о чем говорилось здесь, останется между нами, — продолжал мистер Неог. — Секретность и еще раз секретность. Поэтому никому ни слова ни об убитом носороге, ни о человеке с обрубком на правой ноге. Но самое главное — никто не должен знать, что вы работаете на нас. Конечно, родителям сказать вы можете, однако непременно предупредите их, что это надо держать в секрете... Ну, на сегодня, пожалуй, все. Так что будьте начеку и обо всем докладывайте Фукану.

Выслушав наставление мистера Неога, мальчики попрощались. Они вышли из дома и направились к конторе, около которой оставили Махони. Слониха встретила их трубным звуком, радости. Они вскарабкались ей на спину, и Махони направилась домой.

Деревня, в которой жили мальчики, представляла собой небольшой поселок из тесно стоящих друг возле друга домиков. Стены домов были сплетены из тростника и обмазаны глиной, около каждого дома теснились лоскутные огородики и блестели крошечные поливные поля. Слониха, на спине которой сидели полуголые мальчики, медленно шествовала по единственной улице. Собаки встретили их оглушительным лаем.

Был уже вечер, Дханая уже поджидали встревоженные отец и мать, но, когда сын рассказал им о происшествиях дня, их тревоги усилились еще больше.

— Вы молодцы, — сказал погонщик слонов, выслушав сына. — Конечно, доверием такого человека, как мистер Неог, нужно гордиться. Но связываться с браконьерами? Это не для вас. Бандиты ведь не с пустыми руками, у них оружие.

— Будь осторожен, сынок, — сказала мать. — Это беспощадные люди. Может быть, на время уехать? У нас есть тетка в Гаухати. Она давно приглашала тебя.

— Я ни с кем еще не связался. Да и откуда браконьеры узнают обо мне? — засмеялся Дханай. — Что волноваться? Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сынок...

Дханай лежал на топчане поверх простыни. Сон не шел к нему. В голове, как в замедленном кино, снова проплывали картины того, что пришлось пережить и увидеть за день.

За окном был двор, залитый лунным светом. Окно без стекла — таковы все окна в деревенских хижинах в Ассаме. За редкой деревянной решеткой зеленым светом светились листья банана и голубела крытая тростником крыша соседнего дома. В нем жили Бубуль и Джонти.

Вдруг на подоконник упала тень. Кто-то стоял за окном. Дханай инстинктивно, не думая, что он делает, скатился с топчана на пол.

В ту же секунду над его головой, прорезав со свистом воздух, пролетел какой-то блестящий предмет. С глухим стуком он упал за топчан.

Тень за окном исчезла.

Дханай лежал некоторое время неподвижно, потом встал и осторожно — сердце в груди стучало изо всех сил — по стене подкрался к окну. Слабый ветер едва шевелил листья банана. Никого не видно.

Дханай вернулся и пошарил за топчаном. Пальцы наткнулись на что-то деревянное. Деревянная ручка, а вот и лезвие... Наклонно войдя в глиняный пол, у стены торчал складной нож. Пальцы коснулись нитки, к ней была привязана бумажка...

Дханай прокрался на кухню и зажег керосиновую лампу. Развернув сложенную вчетверо бумажку, он прочитал:

Предупреждаем. Не суй свой нос не в свои дела. Забудь про человека с оторванным пальцем. И запомни — второго предупреждения не будет.

Подписи не было.

Ночные тени

Прочитав записку, Дханай задумался: что делать? Он натянул на себя рубашку, потихоньку отворил дверь и вышел во двор.

Подойдя к дому близнецов, мальчик спрятался в тень, прижался к стене и, сложив домиком ладони у рта, издал протяжный двойной звук, похожий на крик совы:

— Т-хууу!.. Т-хуу!..

Прошло не больше минуты — две тени выскользнули из дома и, крадучись, пошли ему навстречу: Бубуль и Джонти не спали.

Все трое молча двинулись на окраину деревни. Здесь росло огромное баньяновое дерево, под ним жители деревни всегда устраивали сходки. Только здесь мальчики решились нарушить молчание.

— Смотрите, что влетело ко мне в окно. — Дханай протянул близнецам записку. — Я повторю вам наизусть, что в ней написано. Страх!

— Можешь не трудиться, мы получили такую же. — Джонти показал свою записку, а Бубуль осветил ее зажженной спичкой. — Ну-ка, положи свою рядом. Бьюсь об заклад — их писала одна и та же рука.

— Но какой дьявол сообщил им про нас? — спросил Дханай.

— Я думаю, они наблюдали за нами утром из кустов...

— И второй раз днем, когда мы приехали на машине с Неогом.

— Нет. В записке сказано: «Человека с оторванным пальцем».

— О том, что мы знаем про оторванный палец, как ни смотри из кустов, не догадаешься... Давайте вспомним, кому мы говорили об этом.

— Как кому? Твоим родителям. И нашим.

Дханай печально кивнул. Только им...

В баньяновых ветвях заворочалась и забормотала ночная птица.

— Ну и что же нам теперь делать? — спросил Бубуль.

— Идти по домам...

Но спать не хотелось. Ощущение беды, нависшей над ними, не давало покоя...

— Как же все-таки бандиты узнали о нас? — спросил Дханай.

— Вот это-то и непонятно, — откликнулся Бубуль. Он был встревожен.

— Лучше б вы заткнулись и вместо болтовни пошевелили мозгами, — сердито бросил Джонти.

Наступило молчание. В листьях баньяна проскрипела сова.

Вдруг Джонти вскочил.

— Какие же мы дураки! — воскликнул он. — Набитые дураки!

— О чем это ты?

— Фукан! — торжественно произнес Джонти. — Это Фукан! Он в одной банде с браконьерами!

— Фукан? — недоверчиво протянул Дханай. — Это старший-то егерь?.. Да ты в своем уме?

— Только Фукан, и никто другой, — упрямо твердил Джонти. — Только он.

Бубуль отрицательно покачал головой.

— Не верю. Как ты докажешь, что это Фукан?

— Как докажу? — воскликнул Джонти. — А очень просто. Как в задачке, что решается по правилу исключения. Теперь послушай. Родителей мы исключаем, остается пятеро: это мы трое, дядя Неог и егерь. Себя мы тоже исключаем. О дяде Неоге и говорить нечего: его мы знаем уже не первый год. Остается только Фукан.

— Ну, знаешь, так можно и на любого наговорить, — заметил Дханай.

— Ничего подобного! — настаивал Джонти. — Теперь слушай дальше. Вспомни, как утром мы искали шалаш... Помнишь, что сказал тогда дядя Неог! Он сказал, чтоб мы походили вокруг, и каждому указал, куда идти. И я точно помню, что Фукану он приказал идти на запад, то есть в прямо противоположном направлении от шалаша. А когда я обнаружил их логово, Фукан был уже там! Понимаешь? Как бы мог Фукан найти шалаш, если б не знал, где он? Тогда я думал, что он вместе с нами ищет следы, а теперь я понимаю, что не искал он, а пытался замести их побыстрей.

Дханай и Бубуль онемели от изумления: догадка Джонти поразила их.

— Что же теперь делать?! — воскликнул наконец Дханай. — Может, рассказать обо всем дяде Неогу?

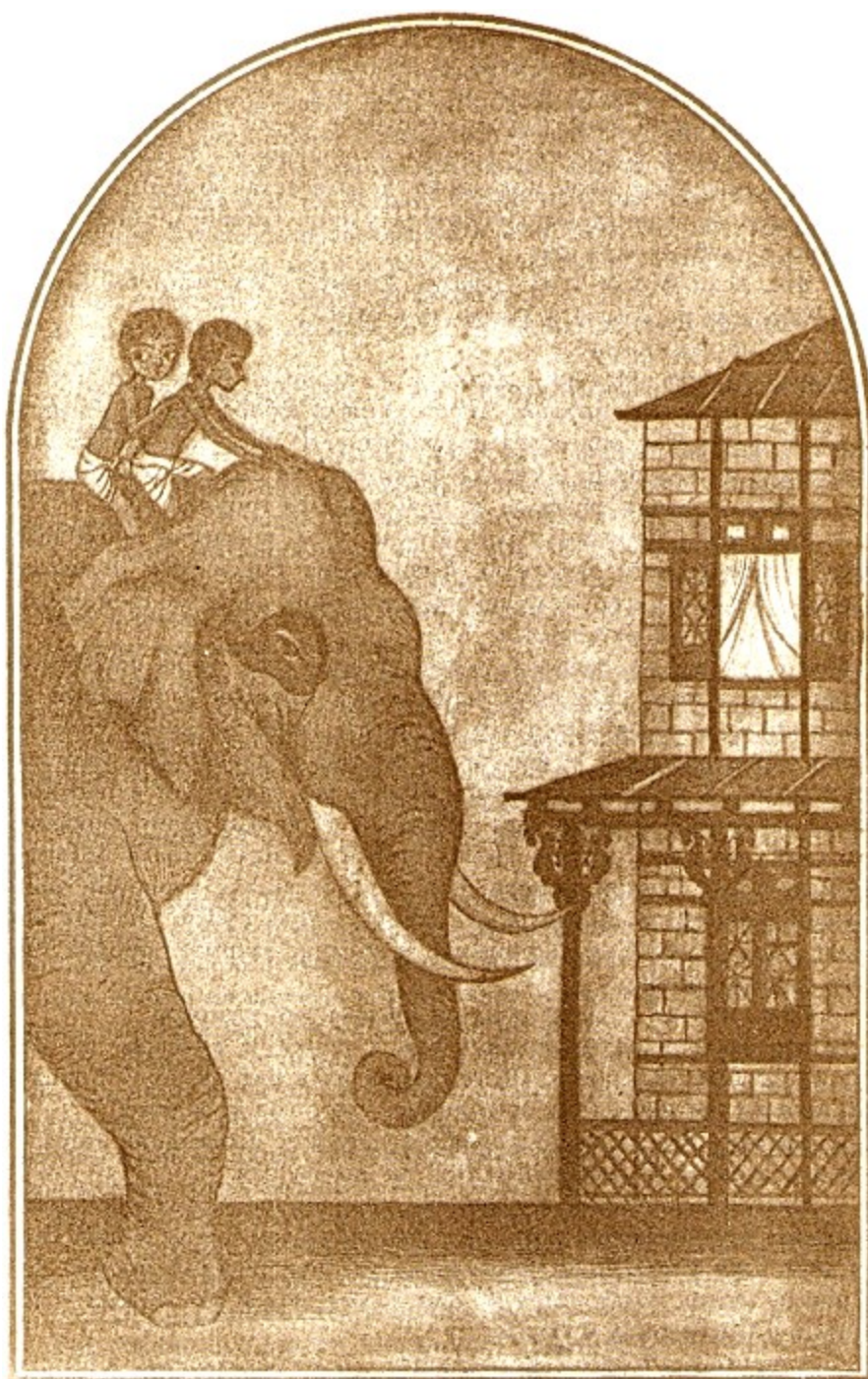
— Пока не стоит, — отвечал Джонти. — Прежде чем идти к дяде Неогу, мы должны собрать побольше доказательств... Сегодня ночью мы идем к дому Фукана, чтобы выяснить все, что можно.

— Значит, мы проберемся внутрь дома? — спросил Бубуль.

— А почему бы и нет? — отвечал Джонти, — Помните: мы — почетные стражи. Мы должны быть готовы ко всему, чтобы выяснить о бандитах как можно больше.

— А что, если отправиться сейчас к конторе заповедника? — предложил Джонти, — Рядом с нею отель для туристов. Недавно стемнело, в отеле еще не легли. Помните, что говорил Неог?.. Может, нам и повезет, мало ли кто шляется по ночам. Иди за Махони...

Спустя четверть часа по дороге, ведущей из деревни к заповеднику, бесшумно шел слон. На его спине покачивались три детских фигуры.

Джонти ошибся — в отеле уже начали ложиться спать. Только в некоторых номерах еще горел яркий свет. Отель был устроен так, что весь первый его этаж занимали ресторан и помещения для служащих. Чтобы

заглянуть в какой-нибудь номер, надо было залезть на крышу веранды, кольцом опоясывающую дом.

Не доходя до гостиницы, слон сошел с дороги и остановился под тамариндовым деревом. Некоторое время мальчики с любопытством наблюдали за окнами: то в одном, то в другом показывались человеческие фигуры, люди говорили между собой, опускали занавески, гасили свет. Отель засыпал.

Ни один человек не вышел из здания.

— Мы торчим тут без всякого смысла! — сказал наконец Бубуль. — Все спокойно, все давно в постелях. Я предлагаю...

— Тс-с! — Джонти схватил его за руку.

Он показал на дорогу. По дороге, в направлении отеля, шел человек. Он достиг пространства, освещенного фонарями у входа.

— Да это же Фукан! — прошептал Дханай.

Старший егерь вел себя странно: он вошел в отель не через главный вход, а перелез через перила на веранду и скрылся там, где (это отлично знали мальчики) была лестница для слуг, которая вела из ресторана на второй этаж. Спустя некоторое время — его как раз хватило, чтоб человек поднялся и прошел по коридору, — в одном из последних освещенных окон показалась человеческая фигура. Человек высунул голову, внимательно осмотрел улицу, задернул занавеску и отступил в глубину комнаты.

— Что, если Фукан там? — сказал Джонти. — Ах, если бы можно было забраться на крышу и заглянуть в окно!..

— Это не так сложно...

Дханай тронул Махони ладонью, и слониха, бесшумно ступая мягкими ступнями по пыльной дороге, вышла из-под дерева и направилась к отелю. Там она обхватила хоботом Дханая, подняла мальчика в воздух и осторожно посадила на крышу. Та была сделана из

железа, и когда мальчик очутился на ней, раздался громкий шум.

— Кто там? — произнес голос в окне, угол занавески снова поднялся, и из-под него выглянула физиономия бородатого пожилого мужчины. Но глаза его, после яркого комнатного света, не смогли разглядеть что-либо, и он скрылся.

Боясь, что железо загремит снова, Дханай стал очень осторожно подбираться к окну. Он полз, прижимаясь животом к нагретым за день листам, и остановился только тогда, когда коснулся головой стенки. Придерживаясь за нее рукой, он стал медленно подниматься.

Вот и окно... К счастью, занавеску второй раз задержали неплотно...

Дханай заглянул под нее и едва удержался от крика: прямо напротив него сидел на стуле Фукан. Перед егерем на полу стояла большая кожаная сумка. Хозяин номера — он был, очевидно, туристом, приехавшим посмотреть заповедник, — сидел у стола сбоку. Он был коренаст, обрит наголо, однако нижняя часть лица закрыта бородой. Он курил тонкую сигару.

— Итак, Фукан? — продолжил он прерванный разговор.

Фукан наклонился, расстегнул замок сумки и вытащил из нее один за другим пять рогов. Он выстроил их в ряд на полу. Бородатый, взяв в руки один, стал поглаживать его с видом знатока.

— Хорошо, Фукан, очень хорошо, — произнес собеседник егеря, — но недостаточно! Недостаточно. Это ты знаешь сам.

— Мистер Боз, — голос Фукана был непривычно мягок, в нем даже слышались заискивающие нотки, — я уже писал вам: после наших первых двух удач управление заповедника увеличило число постов. Даже

ночью теперь ходят патрули. Для наших людей это значит — получить пулю или сесть в тюрьму.

— А за что мы платим? Если бы дело было безопасным, я бы сам охотился на носорогов. — Мистер Боз хихикнул.

— Опасно стало не только охотникам. Инспектор Неог что-то заподозрил. Он вот-вот доберется до меня. Вчера за обедом он сказал...

— Меня не интересует, что сказал инспектор. Пять это пять, а шесть это шесть. Последний рог должен быть. Деньги получишь, только когда принесешь его вот сюда.

Фукан покраснел. Было видно, как на его скулах напряглись желваки.

— Вы хотите сказать, что сегодня за эти рога вы мне ничего не заплатите?

— Именно так. Это я и имел в виду.

Фукан встал и начал складывать рога обратно в сумку.

— Я уношу их, — сказал он. — Может быть, удастся найти покупателя попроще.

Не поднимаясь со стула, мистер Боз прижал ногой последний из рогов.

— Не торопись, Фукан, — сказал он. — У тебя плохо с фантазией. Представь: сегодня ты уносишь рога, а завтра в контору заповедника приходит письмо. В нем подробно описывается, как ты собирал браконьеров, как договаривался с ними, как передавал схемы постов и расписание дежурств. Сколько получил сам и сколько заплатил им. Я был предусмотрителен, такое письмо готово. Показать его?

Старший егерь побледнел.

— Подлец! — прошипел он.

Чернобородый пожал плечами.

— Очень может быть. Только тебе от этого не легче.

— Ладно, — сказал наконец Фукан. — Ваша взяла. Но мне нужны деньги. Мои люди ждут.

— А как насчет тебя самого? Говорят, ты играешь в карты?

Фукан вздрогнул.

— Занятие для дураков. Учти, умные люди, получив деньги, играют на бирже: покупают и продают акции... Ну, так как насчет шестого рога?

— Боюсь, что это будет очень трудно. Говоря честно, главарь шайки уже боится. Он говорит: следующие рога в следующий раз. Пусть пройдет, говорит он, сезон дождей. Пусть все успокоится. Пусть все забудут про эту пятерку.

— Нет. Я не могу ждать. Шестой рог обещан очень богатому человеку в Гонконге... Ты слышал про Гонконг? Денег там больше, чем пыли. Там каждый день еще один человек становится миллионером, а сто человек находят на улице с перерезанным горлом... Уж такой это город, Фукан. Может, мне поговорить с твоими людьми? Думаю, я сумею их убедить.

— Нет, этого делать нельзя. Вы погубите всех. В конторе следят за каждым посторонним, который пытается встретиться с местными жителями. В деревне живут бедные люди — деньгами всегда можно соблазнить кого-нибудь. Бивни слона, шкура тигра... Как только вы выйдете один из отеля, за вами начнут наблюдать, пойдут за вами и поймают всех.

— Что верно, то верно... А твои люди не из этой деревни? Как зовут их главаря?

При этих словах Дханай весь обратился в слух. Но Фукан ушел от ответа.

— Из разных деревень. Потому и так трудно их собрать. Добыли рог — и тут же по домам.

— Но все-таки вы встречаетесь?

— Раз в месяц, не чаще. Следующая встреча завтра. Разрушенное бунгало на заброшенной чайной

плантации. В девять часов вечера... Зачем вам все это? Деньги я должен принести им завтра. Я не могу не принести их.

«Завтра в девять! — Дханай замер от восторга. — Наконец-то можно поймать всю шайку. Вот обрадуется инспектор!»

Разговор в номере подходил к концу.

— Вот что, Фукан. Договоримся так. Я сейчас плачу тебе за три рога, и завтра ты сможешь рассчитаться со своими людьми. А еще за три — после того, как принесешь шестой. Я, так и быть, добавлю, работа действительно стала трудной.

— Вы очень щедры, мистер Боз. Пусть будет по-вашему... А если они откажутся охотиться за шестым? Что тогда?

— Тогда последнего носорога придется тебе убить самому... Через десять дней будет новый заезд туристов, я снова буду здесь. Под другой фамилией. И обрею бороду... Ты принесешь шестой рог и получишь деньги. Не будет рога — пеняй на себя.

Чернобородый выдвинул из-под кровати чемодан, открыл его двумя ключами и достал несколько пачек денег. Он пересчитал деньги и отдал Фукану, тот еще раз пересчитал и бросил пачки в сумку, куда он уже убрал оба оставшихся рога.

Егерь ушел раздосадованный. Чернобородый сложил рога в чемодан и стал разбирать постель. Он явно был тоже недоволен встречей.

Дханай постоял некоторое время у окна, выждал, когда Фукан выйдет из отеля и удалится, и только тогда опустил осторожно на крышу и пополз. Железо снова загремело.

— Брысь! — крикнул кто-то сонным голосом.

Дханай дополз до края навеса, нащупал ногами водосточную трубу, соскользнул по ней вниз и бросился

бегом к тамаринду, под которым его ждали близнецы и слон.

Неожиданное препятствие

— Немедленно к дяде Неогу! — сказал Дханай, заняв свое место по спине у Махони. — Что я видел, друзья! Что я теперь знаю!

И пока слон неторопливо трусил по ночной дороге, направляясь к дому Неога, Дханай пересказал друзьям содержание разговора, свидетелем которого он только что был.

— Это как раз то, что нужно Неогу! — сказал Бубуль. — Теперь они не уйдут. Он устроит для них западню. Я хорошо знаю это бунгало. Окружить его кольцом и — конец!

— Ну-ну! — пробормотал его брат. — А как быть с Бозом — ты, кажется, так называл этого туриста?

— Так... Ну, это уж дело Неога. В конце концов, самое главное схватить браконьеров.

Они остановили Махони, не подъезжая к дому, слезли со слона и подошли к дверям. Дханай поднял уже было руку, чтобы постучать.

Его остановил Джонти.

— Фукан живет поблизости, — шепнул он. — Давайте войдем в дом со двора.

Они осторожно открыли калитку, проскользнули во двор, и там Дханай постучал в окно. Долгое время в доме никто не отзывался, потом в одном из окон мелькнул свет, за дверью послышалось шлепанье мягких туфель.

— Кто там? — раздался испуганный голос миссис Неог.

— Это я, Дханай, — вполголоса ответил мальчик. — Мы втроем. Откройте, тетя! Очень важно!

Дверь приоткрылась, и мальчики, как тени, скользнули внутрь дома.

— Что еще случилось? — недовольно спросила миссис Неог. — Мало вам дня? Что-то важное?

— Нам нужен мистер Неог. Разбудите его.

— Уехал в Гаухати. Поговорил по телефону с начальством и умчался на машине. Часа три не больше, только начало темнеть.

В Гаухати находилось управление заповедника.

— Вот так раз... — прошептал Дханай. — А он нам очень нужен... Когда вернется?

— Не сказал.

— Все пропало!..

— Он оставил вместо себя Фукана. Если случилось что-то действительно важное, вы можете рассказать ему.

Ребята переглянулись.

— Нет... Мы можем рассказать это только дяде Неогу.

— Что передать, если он вернется? Я могу позвонить ему утром по телефону. Вы знаете, наш телефонист по ночам не работает.

Дханай колебался.

— Передайте, что мы ждем его завтра в девять часов вечера около заброшенного бунгало, что на старой чайной плантации. Пускай будет там с группой сторожей... Вот все, что надо передать ему. Только ему — и ни одной живой душе на свете.

Госпожа Неог пожала плечами.

— Ну, раз вы не хотите рассказывать... Знаете что, мальчики, сейчас ночь, оставайтесь у меня.

— Спасибо, у нас слон. Мы доберемся спокойно.

Они попрощались и тем же путем, через двор, покинули дом.

Назад они ехали молча и, только добравшись до баньяна, заговорили.

— Кажется, ничего не выйдет, — печально сказал Джонти, — Одни мы не можем поймать браконьеров.

— Да, — согласился Дханай, — Худшего времени покинуть Казирангу Неог не мог и выбрать!

Только Джонти смотрел на вещи не так безнадежно.

— Вы оба говорите так, будто всему конец. Давайте лучше подумаем, что можно сделать. Нужен план.

— Болтаем да строим планы.

— А я знаю, что надо делать. Выследить их во время завтрашней встречи!

— Сообщить родителям, собрать всю деревню, окружить бунгало, захватить всю банду в плен! — предложил Бубуль.

— Нет, — возразил Джонти. — Или все решат, что мы их дурачим, или, еще хуже, пойдет слух по деревням, и браконьеры обо всем узнают.

— Так.

— Самое первое, что мы должны сделать: задержать Боза в Казиранге до тех пор, пока не вернется Неог. Полиция без мистера Неога нам ни в чем не поверит, никто вообще не захочет иметь с нами дело. Выходит, задержать Боза мы должны сами...

— Задержать? А как?

— А вот над этим стоит подумать. Понимаешь, мы должны сделать это таким способом, чтобы все выглядело простой случайностью. Несчастье — и все. Ведь если полиция станет задерживать Боза, он сообщит об этом Фукану, тот отменит встречу с браконьерами, и мы окажемся в дураках.

— Боз говорил, что он собирался завтра утром в поездку по заповеднику, — сказал, подумав, Дханай. — Мой отец может взять его на своего слона и устроить какую-нибудь «аварию».

— Ну нет, — сказал Джонти. — На каждом слоне по три туриста. Мы не имеем права причинять беспокойство другим людям.

— А что, если подложить ему что-нибудь в еду? Так, чтобы он попал в больницу, — предложил Бубуль.

— Ну? Это дело! — Джонти расцвел от удовольствия. — Думай, думай, Бубуль!

— Буду рассуждать вслух, — продолжал Бубуль. — Помните, как-то мы попробовали те черные ягоды, что растут на кустах возле деревни? Попробовали и свалились — схватило животы. Почему бы не набрать их, не надавить соку и не добавить сок в еду? Боз попадет в госпиталь — что и требовалось доказать!

— Это, пожалуй, дело! — Дханаю такое предложение понравилось.

— Хороший план, — согласился и Джонти, — только бы не переборщить: чего доброго, помрет.

— Я спрашивал деревенского лекаря, — сказал Бубуль, — ничего страшного.

— Если нам удастся уложить его суток на двое — времени хватит.

— Решено?

— Решено!

Слуга видит привидения

В четыре часа утра Боза разбудили. Поворчав — вставал он всегда поздно, — Боз присоединился к остальным туристам. Во время поездки плохое настроение не покидало его. Зрелище диких животных только раздражало. Проказы маленького носорога, за которым чутко следила мать, не вызвали на губах Боза улыбки. Туристы были потрясены зрелищем тигра, который пробирался среди деревьев. Боз даже не повернул в его сторону головы. Наконец поездка по заповеднику закончилась, они вернулись в гостиницу.

По совершенно понятным причинам компании других людей Боз избегал. Приняв душ, он вызвал

звонком слугу, приказал принести ему в номер завтрак, а заодно и счет, чтобы тут же оплатить его и немедленно покинуть гостиницу.

Слуга прошел в главное здание и передал администратору просьбу постояльца. Пока администратор готовил счет, слуга отправился на кухню за завтраком. При этом он не обратил внимания на мальчика, который стоял неподалеку в холле гостиницы и слышал весь их разговор.

Приготовив завтрак, слуга вернулся, взял у администратора приготовленный счет и, катя перед собой столик с едой, направился в спальный корпус. Он уже шел по коридору к номеру постояльца, когда услышал позади себя топот ног, детский голос и, обернувшись, увидел мальчика.

— Администратор зовет вас, в счете ошибка! — крикнул мальчик (это был Бубуль).

— Ах ты! — воскликнул слуга. — Что же мне, катить назад этот проклятый стол?

— Оставьте, я покараулю его.

Взяв счет, слуга побежал, но стоило ему войти в главный корпус, как он увидел... того же самого мальчишку, который как ни в чем не бывало шел теперь ему навстречу. Это был Джонти.

— А-а-а где столик? — спросил ошеломленный слуга (близнецы походили друг на друга как две капли воды).

— Какой столик? — В голосе Джонти было искреннее удивление.

— Который я попросил тебя покараулить.

— Не знаю, о чем вы говорите.

Ничего не понимая, слуга бросился назад. В спальном корпусе мальчика уже не было, столик стоял теперь посреди веранды. Слуга приподнял салфетку: завтрак не исчез? Нет, все было на месте.

Последние сомнения покинули беднягу. Это, конечно, не человек, не мальчик, а привидение, дух-

бирра. Бирры любят подшучивать над простыми людьми!

Взяв поднос трясущимися руками, слуга направился в номер. Боз первым делом спросил счет.

— Счет, ах да! — слуга вспомнил. — Сейчас принесу. Один момент! — И он вышел из комнаты.

— В счете ошибка? Вы звали меня? — спросил он администратора, добежав до главного корпуса.

— Какая ошибка? — удивился тот, проверил цифры и вернул листок. — Никакой ошибки. Кто сказал тебе такую глупость?

Еще одна проделка бирры! Глаза слуги округлились от ужаса.

— Это привидение — бирра... — забормотал он.

— Кто тут говорит о привидениях? — с видимым интересом откликнулся турист, сидевший неподалеку в

кресле.

— Слуга встретил только что привидение, — любезно объяснил администратор.

— Вы не обратили внимание на его руки? — заинтересовался еще один турист. — У него были длинные когти?

— Да, сэр. Как крючки. Грязные и длинные, как у зверя.

— Так и должно быть, — турист кивнул. — Бедные духи не имеют нынче времени подстригать их. Впрочем, так же, как и стричь волосы. Не заметили — волосы тоже были длинные?

— Да, сэр, почти касались пола. Черные волосы, сэр.

Подошли еще туристы, и в холле возникла оживленная дискуссия о природе духов. Только через полчаса ошеломленный и польщенный всеобщим вниманием слуга вспомнил, что Боз ожидает счет, но, вбежав в его номер, увидел постояльца на постели, стонущего от боли.

На шум прибежал еще один слуга.

— Скорее за доктором, — шепнул ему первый. — И осторожнее — здесь духи!

Пришел доктор и установил обычное пищевое отравление. Мистера Боза отправили в лазарет при гостинице, а там начали с промывания желудка.

За всей этой суетой внимательно наблюдали трое мальчишек.

Посмеявшись над рассказом о духах, обитатели гостиницы разошлись. Убедившись, что их планы начинают осуществляться, мальчишки отправились к дому миссис Неог, чтобы узнать, когда вернется ее муж.

Несчастье

Верная своему обещанию, миссис Неог рано утром позвонила в Гаухати. Ей ответили, что ее муж уже ушел из дома на совещание у начальника Управления заповедников. Она попросила соединить с ним, Неога не было — уехал в столицу штата.

Где его искать, она больше не знала и поэтому, позвонив опять брату, попросила передать, чтобы, как только Неог вернется, срочно позвонил домой. Не успела она положить трубку, в дом вошли мальчики. Все трое были возбуждены.

— Неога я не нашла, что передать мужу, если он будет звонить? — сказала женщина.

— Скажите, чтобы он возвращался быстрее. Пусть бросает все и едет. Если вернется вечером до восьми часов, то найдет нас в деревне, если после восьми — пускай берет вооруженных егерей и окружает с ними заброшенное бунгало. Мистер Неог знает, о каком бунгало я говорю, — сказал Дханай. — Только — очень просим вас — не говорите об этом никому, кроме мужа.

— Что вы затеяли?

— Простите, мистер Неог приказал никому ни слова. Не забудьте; до восьми — в деревне, после восьми у заброшенного бунгало.

Мальчики убежали, а миссис Неог попробовала было снова прилечь. Беспокойство больше не покидало ее.

«Мальчики... Что если с ними что-нибудь случится? Муж, уезжая, не сказал ничего! Мало того, еще и обязал мальчишек хранить тайну. Что значит это сообщение: «До восьми — в деревне, после восьми — у заброшенного бунгало...»?»

Мысли вновь и вновь возвращались к словам «или деревня, или заброшенное бунгало». «Значит, мальчики будут в деревне только до восьми. Надо сосредоточиться... Заброшенное бунгало. Неог должен взять туда с собой вооруженных людей... Мальчики будут там после восьми. Зачем?»

По отрывочным замечаниям мужа миссис Неог уже давно понимала, что дело имеет непосредственное отношение к охране животных. Мало того, оно связано с убийством носорогов.

«Убитые носороги... В бунгало прячутся браконьеры!»

Миссис Неог соскочила с кровати. Ее лицо было испуганным.

«Мальчики пойдут одни против этих жестоких и подлых людей. Ужасно!»

Она не может больше молчать. Правда, она обещала, что никому не скажет ни слова, но теперь нет времени выполнять детские просьбы. Главное, не дать мальчишкам попасть в беду! Мужа нет, но, как всегда, вместо него есть Фукан...

Она позвонила в штаб и попросила главного егеря срочно прийти.

Он явился спустя пятнадцать минут. Услыхав, что ее просили передать Неогу, Фукан побледнел.

— Вы должны остановить их, — закончила миссис Неог свой рассказ, — или отправляйтесь туда вместе с ними. Возьмите с собой вооруженных людей.

— Я предупреждал вашего мужа: не разрешать этим мальчишкам лезть в дела взрослых. Он не послушал. Если с ними что-то случится, в ответе будет он.

— Я боюсь не за него, я боюсь за детей.

— Ладно, не беспокойтесь, миссис Неог. Пожалуй, я смогу кое-что сделать...

Успокоенная женщина отправилась домой, а взбешенный Фукан, чтобы разрядиться, набросился на сторожа у шлагбаума, обвинив того в неряшливости, в незнании обязанностей и во всех грехах, какие только смог придумать. Ему было отчего бушевать. Попасть в ловушку так глупо! Откуда этим мальчишкам все известно? Откуда?

Первая половина ночи

День в Казиранге, как и вообще в тропиках, кончается быстро.

Солнце, отвесно опустившись с неба, стремительно скатывается за горизонт, и вместо яркого света землю заливают густая темнота.

Весь вечер у мальчиков заняли приготовления к походу. Сначала они решили было вовсе не брать оружия — против взрослых сильных мужчин оно было бесполезно, — но потом решили захватить с собой по маленькому складному ножу. Каждый спрятал нож на спине, привязав его шнурком под рубашкой. Эту хитрость придумал Джонти, а вычитал он ее в одной книге, где описывался побег патриотов из плена. Он же предложил не входить в бунгало всем вместе, а разделиться и попытаться проникнуть внутрь с разных сторон. В случае неудачи это могло помочь кому-то вернуться.

Стемнело. Радио на полицейском посту, откуда днем доносилась музыка, было выключено, а это означало, что наступило восемь часов.

Мальчики вновь собрались под баньяном. Дханай привел слона. Оставалось совершить небольшой переход к чайной плантации.

Махони тронулась в путь.

Небо, вначале безоблачное, мало-помалу затягивалось облаками. Это было на руку ребятам, однако облака то и дело разрывались, и тогда яркая луна, показываясь в облачные прорехи, снова заливала все ярким светом.

После поворота дорога, по которой шел слон, сузилась. Это была старая дорога, и когда забросили плантацию, забыли и ее. Махони шла, беззвучно приминая траву. Деревья, низкорослые сначала,

становились все выше, потом они неожиданно кончились — перед мальчиками было большое открытое пространство, посреди которого стояло полуразрушенное здание, в котором жили когда-то владельцы плантации.

В ярком свете луны было видно, что крыша бунгало местами уже обрушилась, окна выбиты. Большая часть дверей была сорвана с петель. Не слышно ни одного звука изнутри, не видно ни одного огонька. Мальчики соскользнули со спины слона и, разделившись, стали подкрадываться к зданию с разных сторон.

Джонти полз среди одичавших заброшенных кустов чая, приминая траву и посматривая то и дело на небо. Выждав, когда облако закрыло луну, он вскочил и коротким броском в темноте успел достичь стены здания. Однако здесь его внимание привлек странный предмет, лежавший на каменной лестнице, которая вела на веранду. Предмет был округлый и не походил ни на обломок стены, ни на упавший кусок кровли. «И все-таки это камень», — решил мальчик.

Джонти притаился и на всякий случай решил еще подождать.

Облако медленно проходило, и лунный диск понемногу светлел.

Но когда луна снова озарила все вокруг, Джонти увидел, что то, что он принимал за камень, было человеческой фигурой. Человек сидел на корточках, сжавшись и прикрыв голову полой куртки.

Вверху в изломе стены слышался шорох. Джонти поднял голову и увидел над собой второго человека, собирающегося прыгнуть прямо на него.

— Бегите! Бегите! — закричал мальчик и, как заяц, бросился от стены. Однако он плохо рассчитал, нога зацепилась за корень, он растянулся плашмя. В то же мгновение рядом с ним грузно упало большое тело.

Сильный мужчина навалился на Джонти, жесткая перепачканная землей ладонь зажала рот...

С другой стороны веранды к дому подбирался Бубуль. Он благополучно пересек открытое место, достиг стены и, обнаружив на ней остатки водосточной трубы, ловко залез в окно. Комната, в которую он попал, была большой и пустой. Впереди неясно белел прямоугольник приоткрытой двери — крыша над серединой здания рухнула, лунный свет освещал центральную часть дома.

Бубуль решил спрятаться там и осторожно двинулся было к двери, как вдруг очутился на полу. Пара сильных мужских рук крепко держала его. И только тогда до него донесся голос Джонти:

— Бегите! Бегите!

Бубуль тоже хотел крикнуть — предупредить Дханая, но было уже поздно: ему накрыли мешком голову...

Дханай подходил с тыла. Его путь был самым длинным, он задержался, и, когда раздался крик Джонти, он не успел еще достичь стены здания.

Первым его желанием было вскочить и броситься бежать, но он сдержался. С бьющимся сердцем, с трудом сдерживая дыхание, мальчик лежал, мысли, как искры, метались в голове.

«Что делать?»

Внезапно в десятке шагов от себя в тени здания он различил темную человеческую фигуру. Заметив мальчика, человек швырнул в него обломком доски. Обломок шлепнулся на землю, не причинив вреда: Дханай успел перекатиться на другое место. Видимо поскользнувшись, человек потерял равновесие и упал. Нащупав под рукой кирпич, Дханай вскочил на ноги и, пока бандит не успел оправиться, метнул кирпич в лежащего. Раздался приглушенный стон.

Дханай уже держал в руках второй кирпич, когда из-за стены здания бесшумно вынырнула другая фигура. Щелкнула кнопка электрического фонаря — яркий сноп света вырвал из темноты распростертую на земле фигуру и метнулся в сторону кустов. Не раздумывая, мальчик бросил кирпич в бандита с фонарем, вложив в бросок все свои силы. Человек застонал, скорчился и рухнул на землю. Фонарь выпал у него из рук и погас.

Раздумывать было некогда. Помочь друзьям он уже ничем не мог.

Теперь самое лучшее — это мчаться в деревню за подмогой. Метнувшись к зарослям, он юркнул в кусты. За его спиной, у бунгало, слышались разъяренные голоса. Он бежал, как ящерица, скользя между кустами.

Однако когда он достиг места, где оставил слона, то не увидел Махони. В черных неподвижных деревьях не было видно ни одного серого пятна. Мальчик сунул палец в рот, прижал язык и тихонько свистнул. Тотчас одна из черных теней, которую он принимал за деревья, разделилась, и большой слон, мягко ступая, приблизился к нему.

— Дор, Махони, дор! — крикнул мальчик, и слон, сразу же перейдя на рысь, двинулся через кусты к дороге.

Между тем в бунгало шел военный совет. Шестеро браконьеров окружили Фукана. На полу лежали связанные близнецы. Их головы были закрыты мешками.

— Это ты во всем виноват, Фукан! — сказал предводитель шайки, обращаясь к егерю. — Это тебя выследили щенки.

— Замолчи! Охотятся за всеми, — огрызнулся егерь.

— Что делать, Муния? — спросил один из браконьеров. — Третий мальчишка исчез. У него есть слон, он может привести охрану.

— Слона надо перехватить. Он не уйдет от машины, — сказал Фукан.

Браконьеры спустились вниз на дорогу. Двое из них тащили волоком близнецов. Фукан завел джип, на котором приехал, и машина, виляя из стороны в сторону, тронулась по разбитой, заросшей дороге.

Фукан знал ее лучше Дханая — он срезал большой кусок и достиг окраины деревни раньше, чем там оказался слон.

Оставив джип в кустах, шайка расположилась в засаде. Едва автомобильный мотор заглох, в лесу снова воцарилась тишина.

Бубуль и Джонти лежали связанные на дне автомобиля.

«Надо что-то предпринять! Надо освободиться от веревок!» — лихорадочно думал каждый из них. Судьба Дханая была им неизвестна. «Может быть, он уже погиб...» Автомобиль на минуту остановился. Бубуль и Джонти почувствовали, как сильные грубые руки поднимают их. Их взвалили на спины и куда-то понесли. Бросив свою ношу на землю, браконьеры удалились. Джонти чувствовал через мешок знакомый запах платановых листьев и дыма. «Где они?»

И тут Джонти почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в спину. Складной нож! Как он мог забыть про него!

Он повернулся и стал медленно, вращая головой, освобождаться от мешка. «Сбросить мешок, выплюнуть тряпку изо рта, а потом зубами разорвать рубашку Бубуля, взять нож в зубы и начать резать веревки».

Вторая половина ночи

Полночь для госпожи Неог ознаменовалась телефонным звонком.

Голос мужа в телефонной трубке был резок и нетерпелив.

— В чем дело? Пришлось поднимать телефониста... Ты разыскиваешь меня?

— Да. Приходили твои мальчишки, и они сказали...

Она коротко передала содержание их беседы.

— Та-ак... Девять часов уже прошло. Я опоздал. Ты никому не говорила о вашем разговоре?

— Только Фукану. Я так волнуюсь.

— Фукан предпримет все нужное.

Но женщина по-прежнему чувствовала какое-то беспокойство.

— Послушай, я умоляю тебя, выезжай немедленно. Я не знаю, что они затеяли. Эти истории с носорогами не выходят у меня из головы.

«Носороги и браконьеры». Неог и сам чувствовал, что спокойствие его неоправданно.

— Хорошо. Выезжаю тотчас. Через два часа буду.

— Спасибо. Я была уверена, что ты сделаешь именно так.

После телефонного разговора госпожа Неог попробовала прилечь, но сон так и не пришел к ней.

А в это время Махони торопливо трусила по дороге, то и дело она вытягивала вперед хобот и принюхивалась. У слонов очень хороший нюх, и они порой больше доверяют обонянию, чем зрению или слуху.

Дханай напряженно всматривался в тени по сторонам. Однажды ему послышался впереди шум автомобильного мотора. Вдруг Махони остановилась.

— В чем дело, э? — Дханай легонько подтолкнул слониху, но та заупрямилась.

И тут Дханай скорее угадал, чем увидел, что из кустов впереди вылетел по направлению к нему какой-то блестящий предмет. Мальчик упал на спину слона,

но, падая, увидел, как два силуэта отделились от кустов и приближаются к ним.

Блестящий предмет со свистом пронесся над его головой и вонзился в ствол дерева.

— Дор, Махони, дор!

Слон вздрогнул и, поняв, что команда седока правильная, бросился вперед. Одного из людей, стоявших на пути, он отбросил, второй отскочил сам. Махони устремилась размашистой рысью по направлению к деревне. Над самым ее ухом просвистел второй нож, слегка задев Махони. Хотя у бандитов были ружья, они не стреляли, видимо боясь поднимать шум.

Впереди заурчал автомобильный мотор. Почувствовав, как задрожал мальчик, Махони сама свернула с дороги, углубилась в заросли слоновой травы и, пробив ее, вышла на туристскую тропу, ведущую в самую глубь Казиранги.

— Махони, милая, беги теперь без меня! — шепнул Дханай слону.

Он дождался, когда слониха поравняется с деревом — его ветки низко нависали над дорогой, — ухватился за сук и, как ящерица, скользнув по ветке, очутился в древесной кроне.

Не успел он сделать это, как послышалось урчание мотора. Освещая тропу фарами, показался джип.

За рулем сидел Фукан, несколько полуголых парней теснились позади него, все напряженно всматривались в темноту.

Джип, раскачиваясь, прополз под деревом, на котором сидел Дханай. Когда звук его мотора умолк, мальчик скользнул на землю и бросился со всех ног к деревне.

Около дома, где жил инспектор, он потерял последние силы, шатаясь, взошел на крыльцо и постучал в дверь.

Женщина открыла ее тотчас. Она не спала.

— Тетя Неог, они схватили и Бубуля и Джонти. Бубуля и Джонти — спасите их! — с трудом произнес Дханай и без сил повалился на крыльцо.

В заповеднике

Держать нож в зубах оказалось трудно. Джонти едва не сломал зубы. Помог случай: выпавший нож застрял на полу между двумя толстыми ветками. Руки мальчика были связаны впереди, а не за спиной. Проведя несколько раз веревкой по лезвию, он почувствовал, что кисти рук освобождаются.

Перерезать путы, которыми был стянут брат, было уже минутным делом.

Близнецы находились внутри знакомого шалаша, который построили для себя браконьеры. Невдалеке поблескивало в лунном свете знакомое озерцо. Со стороны ямы, в которую попал носорог, тянуло сладким запахом тлена.

Джонти осторожно подполз к выходу и выглянул. В двух шагах спиной к нему сидел человек.

Шалаш охранялся...

Между тем браконьеры преследовали Махони. Когда тропа вышла на открытое пространство, седоки джипа увидели далеко впереди себя слона. Он торопливо пересекал равнину. Им показалось, что на спине животного по-прежнему раскачивается маленькая человеческая фигурка. Прежде чем слон снова скрылся в зарослях, они нашли нужную тропу и теперь упорно преследовали животное.

Слоны — хорошие ходоки, но они плохо приспособлены к быстрому бегу и совсем плохо переносят жажду. Поэтому когда на пути Махони оказалось озерцо, она свернула с тропы, зашла по брюхо в воду и с наслаждением окунула хобот в прохладную жидкость. Шумно выдув вверх фонтан, Махони принялась пить.

За этим занятием ее и застали преследователи. Джип, скрежеща, выехал из кустов и остановился на краю озерца.

— Черт побери, а где же мальчишка? — воскликнул Фукан.

— Он сбежал, — мрачно ответил Муния. — Я думаю, он давно сбежал.

— Я еду назад к дому Неога! — воскликнул Фукан. — Мальчишка побежит туда.

Муния мрачно посмотрел на слона и выругался.

Джип снова заурчал и стал разворачиваться.

Весь обратный путь браконьеры молчали. Не доезжая до домов, они спрятали машину в кустах и осторожно направились к жилищу Неога. Дом казался пустым.

— Мальчишка там, — упрямо повторял Фукан. — Надо вызвать его.

Взойдя на крыльцо, они постучали.

Ответа не последовало.

— Откройте, миссис Неог, это я, Фукан, — вполголоса произнес егерь. — Мы не сделаем вам ничего плохого. Дханай у вас?

Никакого ответа.

— Придется взломать дверь, — сказал егерь. — Пусть кто-нибудь обрежет телефонный провод. У них в доме есть телефон.

Муния бросил короткое приказание, и один из его людей бросился к столбу, чтобы перерезать провода. Но не успел он взобраться, как невдалеке послышался рокот сильного мотора. Не тронув проводов, человек скатился со столба.

— Это Неог! Это он! — воскликнул Фукан. — Мы пропали! Бежим!

Вернувшись на дорогу, они выкатили из кустов джип.

Фукан с каждой минутой все больше терял самообладание. Его била дрожь.

Сев в джип, он еле завел мотор.

— Постой-ка, — сказал Муния. Он все еще стоял на дороге. — Ты забыл кое-что. Выйди-ка сюда.

Фукан, не понимая, в чем дело, вылез из машины.

— Ты забыл, что в лицо знают только тебя одного. Тебя опасно оставлять, Фукан. С машиной я кое-как справлюсь. — И Муния стал медленно приближаться к егерю...

Возмездие

В угрюмом молчании слушал Неог рассказ Дханая. И только когда он узнал о той роли, которую играл в истории с браконьерами Фукан, по его лицу пробежала тень удивления.

Услышав, что предприняли мальчики против Боза, он кивнул. Дханай кончил, и мистер Неог сам приступил к действиям. Прежде всего Неог приказал немедленно собрать всех егерей с оружием, заправить автомашины и приготовить их к выезду. Затем он передал в деревню старосте, чтобы тот приготовил еще один отряд — на случай, если потребуется помощь. Кроме того, он послал телефонограмму на пост местной полиции.

Сделав все это, он отправился к доктору, который лечил Боза.

Решив, что управление заповедником беспокоится о здоровье туриста, доктор заверил, что пациент вне опасности и к утру будет совершенно здоров.

— А вот это-то никому и не нужно, — заявил Неог ошеломленному доктору. — Сделайте так, чтобы этот тип провалялся в постели минимум еще день. Например, вкатите ему дозу морфия.

— То есть как? — ахнул врач. — Мой долг поставить его на ноги!

Тогда Неог рассказал ему, кто такой Боз и что его отъезда нельзя допустить ни в коем случае. На всякий случай у дверей палаты, где лежал Боз, Неог поставил переодетого в штатское егеря.

Предупредив доктора, чтобы тот держал язык за зубами, он вернулся в штаб, где все было уже готово к проведению операции.

Теперь телефон в его комнате звонил непрерывно. Доклады следовали один за другим.

Егеря собраны...

Отделение охраны построено в ружье...

— Все наличные автомашины заправлены. Нет одного джипа... на нем уехал Фукан.

— Полицейские будут через час.

Когда около дома, осветив окна лучами фар, остановилась целая колонна автомашин, мистер Неог, разрешив Дханаю следовать с ним, вышел из дома. Они уселись в головную машину. Шофер осторожно выжал сцепление, и машина, увязая колесами в мягкой земле, двинулась.

Разбуженные неожиданным появлением машин среди ночи, жители деревни выстроились по сторонам дороги.

— Отберите несколько человек, вооружите их. Может быть, нам понадобится помощь! — крикнул Неог старосте.

Отец близнецов кивнул. Лицо его было встревожено. О том, что исчезновение Джонти и Бубуля имеет самое прямое отношение к тревоге, он догадывался.

Не успела машина с Неогом выехать на главную дорогу, как ее догнал местный полицейский.

— Он арестован, инспектор! — крикнул он. — Мы успели схватить его — он уже убегал из отеля.

Дханай догадался, что речь идет о мистере Бозе.

Начинался рассвет. Небо на востоке стремительно светлело, наливалось розовой краской. Над темной полосой болотистых джунглей, разорвав серую полосу тумана, вспыхнул желтый солнечный луч.

В небо словно плеснули синью — начинался день.

Торопились к бунгалу. Доехав до границ чайной плантации, Неог остановил машины, люди спешили и, рассыпавшись в цепь, стали окружать каменный дом.

Он стоял безмолвным. Сомкнув кольцо окружения, егеря вошли в него. Мистер Неог и Дханай поднялись по лестнице. Внутри ни звука. В одной из комнат нашли обрывки веревок — здесь мальчики были связаны. Тут же в углу валялся мешок — он был приготовлен для Дханая. Тщательно обследовали пол — капель крови нигде не было.

— Думаю, они еще не причинили твоим друзьям вреда, — сказал Неог. — Они просто связали их и увезли. Кто знает, может быть, они держат их как заложников? Что, если обследовать тот шалаш? Помнишь, около ямы с носорогом?

Машины вернулись в деревню, а оттуда, въехав в заповедник, направились по тропе в глубину джунглей.

Невдалеке раздался протяжный, словно рев раненого животного, гудок машины: кто-то звал их на помощь.

Не проехав и полпути, люди увидели стоящий на дороге джип.

— Фукан! — воскликнул Дханай. — Фукан бросил машину и убежал.

Неог привстал и внимательно посмотрел вперед.

— Там за рулем человек, — сказал он. — Но он сидит как-то странно... И он в форме... Это Фукан!

Колонна машин остановилась. Неог первый подошел к джипу. Человек за рулем сидел, уронив голову на руль, скорчившись, рукой зажимая рану в боку. У его ног расплывалась лужа крови.

Приподняв голову, Фукан бескровными губами шепнул:

— Он повел их к шалашу... Его зовут Муния... Вы должны знать — Муния... Я очень сожалею...

Он снова уронил голову.

Приказав отвезти Фукана в контору и вызвать врача, Неог повел отряд напрямик через слоновью траву к озерцу, к последнему убежищу браконьеров.

Лицом к лицу

Освободив друг друга от пут, близнецы легли рядышком на пол, наблюдая через щели в стене за своим стражем.

«Бежать? Для этого надо проделать широкое отверстие, а это невозможно сделать без шума...»

Прошло полчаса, в положении мальчиков ничего не изменилось.

Их сторож по-прежнему сидел спиной к ним, но по тому, как он то и дело поднимал голову и менял положение рук, было ясно, что он не дремлет.

Наконец, послышался треск ломаемых сучьев, сторож привстал, кусты, окружавшие шалаш, раздвинулись, из них быстрым шагом вышли на поляну Муния и с ним еще четверо. У всех был встревоженный злой вид.

Шестеро браконьеров присели в кружок и быстро заговорили.

— Надо убираться, — сказал Муния. — Уже началась погоня.

— Где Фукан со своим джипом?

— Я прикончил его...

— Вся деревня на ногах.

— Где мальчишка? Вы поймали его?

— Надо дожждаться вечера. Пусть стемнеет.

— В заповеднике оставаться опасно. Они вызовут из Гаухати полицейских собак.

— Да, надо уходить за Брахмапутру.

— Что мальчишки?

— В шалаше.

Наступило молчание. Браконьеры раздумывали: уходить ли сейчас или все-таки оставаться ждать темноты.

— Где деньги? — спросил вдруг один из браконьеров.

— Муния поморщился.

— Они здесь, — он похлопал по кожаной сумке, на которой сидел. — Что толку? Если кого-нибудь из вас поймают с деньгами — это конец.

— Оставить их тебе, да?

— Пойду посмотрю мальчишек...

С этими словами Муния, не выпуская сумки из рук, поднялся.

Один из браконьеров сделал протестующий жест. Вот-вот вспыхнет ссора! «Сейчас приоткроется дверь, и в шалаш заглянет Муния».

Джонти и Бубуль привстали.

Пучок тростника, заменявший дверь, действительно шевельнулся, но одновременно над шалашом пропела пуля, и сухо, как удар бича, щелкнул выстрел. От неожиданности все замерли, но в следующий же миг Муния, схватив ружье, рванулся к выходу. Остальные устремились за ним.

Выжидать дальше становилось опасно. Джонти торопил Бубуля, и скоро, проделав дыру в стене шалаша, мальчики были на свободе.

Перестрелка, приближаясь, становилась все громче. Пули свистели над самыми их головами.

— Пригни голову ниже, — шепнул Джонти. — Здесь опасно. Надо переползти в другое место.

И Джонти быстро пополз от шалаша, скользя, как ящерица, в густой траве. Скоро рука его нащупала край ямы. Джонти скатился в яму, следом за ним в яму скатился Бубуль. Теперь они находились в безопасности и могли следить за всем, что происходит вокруг.

Браконьеры залегли цепочкой по ту сторону шалаша и вели беглый огонь по наступавшим. Вокруг гремели выстрелы. Вдруг один из бандитов дернулся как-то странно и замер. Он был убит. Со стороны наступавших донесся стон: кто-то, видимо, был ранен.

Перестрелка продолжалась. Видя, что патроны на исходе, Муния повернул голову и отдал команду прекратить огонь. Браконьеры молча повиновались. Наступающие продолжали вести огонь, но, видя, что браконьеры не отвечают, тоже прекратили стрельбу. Наступила полная тишина. Нападающие ждали, что предпримет противник.

— Пора, — шепнул Бубуль. — Бежим к нашим, пока не поздно.

Джонти стащил его вниз.

— Не лезь в пекло, пока цел, — сердито прошептал он, — Они же не знают, что мы на свободе. Еще примут за браконьеров и, чего доброго, могут пристрелить.

Лежа на дне ямы, Бубуль спорить не стал. Вокруг все еще стояла тишина. Вдруг в воздухе разнеслась барабанная дробь.

— Это Биху, деревенский барабанщик! — радостно шепнул Джонти. — Он играет сбор. Все пришли сюда, чтобы выручить нас.

Наступившую тишину разорвал усиленный мегафоном голос Неога:

— Эй, вы, Муния и другие! Вы окружены! Сдавайтесь! Бросайте оружие и выходите по одному! Считаю до десяти...

Не успел он окончить счет, как браконьеры один за другим стали подниматься и, бросая на землю ружья и ножи, подняв руки, по одному направились к кустам, за которыми стоял Неог и егеря. Те держали их на прицеле.

Увидя это из кустов, со всех сторон к шалашу побежали люди.

Впереди бежал отец близнецов. Джонти и Бубуль, заметив его, выскочили навстречу.

На поляне собралась толпа. Деревенский полицейский стал надевать на задержанных наручники.

— Стойте! А где же Муния? — вдруг воскликнул Неог.

Главаря шайки не было. Воспользовавшись суматохой, он исчез.

Эпилог

Когда ошеломленные неожиданностью люди пришли в себя, они бросились в погоню. Помог случай: один егерь залез на дерево и увидел, что слоновья трава у озерца в одном месте шевелится. Кто-то пробирался через нее.

Егерь крикнул и показал направление. Погоня повернула туда.

Неог и несколько егерей бежали впереди всех.

Озерцо было узкое, вытянутое в длину, местами оно теряло берега и переходило в болото. Добежав до воды, люди остановились. Вместе с ними достиг берега и тот, кто скрывался в траве: его путь пролегал немного левее; трава раздалась, и на берегу показался перепачканный в иле Муния. Он держал над головой в одной руке винтовку, в другой — кожаную сумку.

Браконьер, видно, хорошо знал место. Он смело вошел в воду, погрузился по грудь и пошел вброд к другому берегу.

Один из егерей бросился в озеро, но не смог плыть с винтовкой, попробовал стать ногами на дно, не достал и скрылся с головой. Его еле вытащили.

А Муния уходил. Он быстро достиг того берега, но вдруг остановился и стал пятиться к воде, не сводя глаз с чего-то, что было еще скрыто от его преследователей.

Потом повернулся и бросился бежать. Тотчас из кустов выскочил большой, перепачканный в грязи носорог.

Носороги легко приходят в ярость. Вид бегущего человека привел зверя в неистовство. Муния бежал, проваливаясь в ямы, попадая в лужи, спотыкаясь, теряя драгоценные доли секунд. Огромное возбужденное животное настигало его. Тогда Муния издал пронзительный крик и швырнул на землю винтовку, потом сумку, бросился в воду и поплыл. Он плыл прямо к тому месту, где стояли его преследователи. Лицо его было искажено гримасой страха, губы дергались.

Расстояние между ним и Неогом с каждой минутой сокращалось.

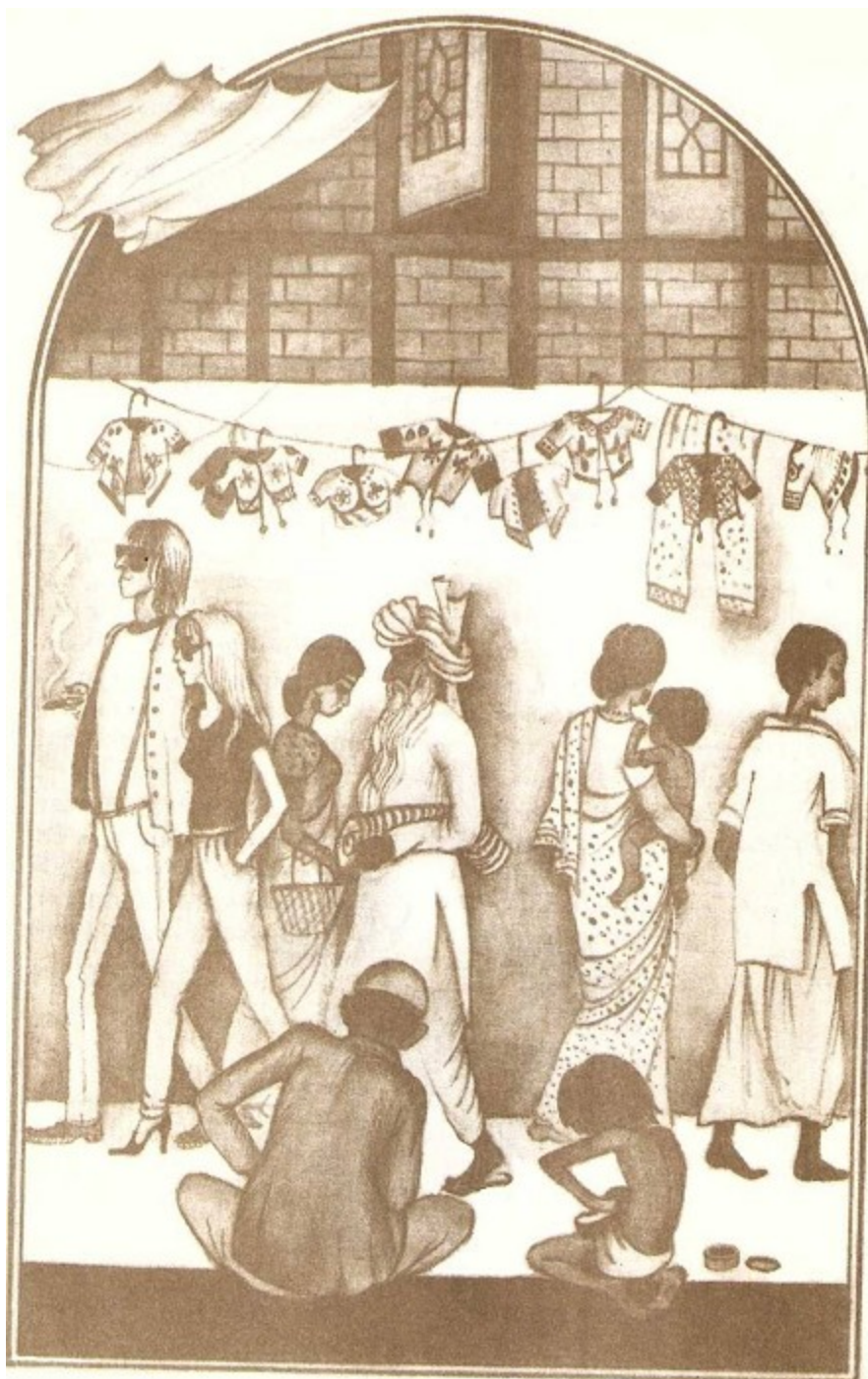
Огромное серое животное, увидев, что человек исчез, остановилось. Носорог опустил морду к самой воде, нашел по запаху винтовку и ударом короткой

толстой ноги раздавил ее. Потом животное повернулось и, гордо подняв увенчанную великолепным изогнутым рогом голову, скрылось в зарослях.

Над равниной Казиранги раздался долгий трубный звук. Это ревели буйволы, входя в воды далекой спокойной Брахмапутры.

Рассказы

Бхишам Сахни

Вступление в жизнь

Уже третий день разбухшие от воды тучи густой массой клубились на небе и разомлевшая земля отдыхала под их защитой от палящих лучей солнца. Все, от мала до велика, с нетерпением ждали дождя. И когда он наконец хлынул, люди радостно высыпали на улицу, подставляя теплым струям полуобнаженные тела. В другое время вместе со всеми радовалась бы и Ганго, но на этот раз с первыми каплями дождя к ней пришла беда.

Первый этаж дома, на строительстве которого она работала, был уже закончен, и каменщики вели работы на втором. Ганго носила цементный раствор — это и была ее работа, и до сих пор она с ней успешно справлялась. Но в это утро, когда Ганго нагнулась, чтобы поднять и поставить на голову тяжелое металлическое блюдо с раствором, она почувствовала резкую боль в пояснице. Она не смогла даже коснуться стоящего у ее ног блюда. Казалось, ей предстояло дотянуться до воды в глубоком колодце.

— Эй, Ганго! — крикнула ей Дуло, она стояла наверху в своем красном сари с двумя кирпичами на голове, — Шла бы ты лучше принимать кирпичи. Скоро родить, а она все цемент таскает...

Ганго ничего не ответила. Она еще раз попыталась поднять блюдо, но поясницу схватила такая боль, что Ганго закусила губу, чтобы не закричать.

Принимать кирпичи, стоя наверху, было нетрудно: рабочий снизу кидает, а ты его ловишь. Но Ганго боялась: а что, если не поймает?

Она все еще стояла, раздумывая, как быть, но тут как раз появился тхекедар [\[25\]](#) — человек, от которого

зависела судьба каждого. Маленький, в черной топи [\[26\]](#), выпуская клубы дыма из-под густых усов, он хмуро совершал очередной обход.

— Чем это ты любишься? Почему не несешь раствор? — крикнул он, взбираясь по стремянке.

Ганго подошла к подрядчику и покорно остановилась. Она никогда никому не перечила: ругался тхекедар — была безответна, шумел муж — молчала. Но сегодня она осмелилась заговорить.

— Я работаю, господин, — сказала она, и неуверенная улыбка осветила ее лицо. — Но разрешите мне принимать кирпичи.

— Это что еще за мэм-сахиб [\[27\]](#)! — визгливо закричал подрядчик. — Не хочешь работать, так нечего зря околачиваться! Ступай в контору, получишь там за полдня, и чтоб ноги твоей больше здесь не было!

— Но разве не все равно? Дуло станет на мое место, а я — на ее...

Но подрядчик ее даже не слушал. Он вытащил записную книжку, и не успела Ганго опомниться, как он уже вычеркнул ее имя.

В эту самую минуту на голову ей упала первая капля дождя. И Ганго поняла, что просить бесполезно: не будь на небе этих тяжелых туч, не прогнали бы ее с работы. Наступал сезон дождей, тхекедары сворачивали работы. Ганго молча вышла на улицу.

В эти дни Дели переживал свою вторую молодость. В окрестностях города расчищались развалины, на пустырях, за чертой старого Дели, вставали ряды красивых домов. Новая столица Индии — Нью-Дели — величественно поднималась к небу.

Когда начиналась очередная крупная стройка, со всей округи тотчас же стекались люди, и вокруг строительной площадки вырастало множество лачуг. А едва стройка заканчивалась, толпа рабочих, взвалив на

плечи свой скарб, спешила перебраться на новое место — возводить стены другого квартала. Но с наступлением сезона дождей строительные работы сворачивались, и рабочие, сидя в своих хижинах, изнывали от безделья. Иные расходились по деревням, но большинство оставалось в городе, перебиваясь случайным заработком.

О каждом мавзолее в Дели написаны целые поэмы, каждый памятник имеет свою историю, но от жалких лачуг тех людей, которые создают эти мавзолеи и памятники, не остается никакого следа.

В отстроенных кварталах Нью-Дели ничто уже не напоминает ни об этих убогих хижинах, ни о тех драмах, что разыгрывались под их крышами.

В этот вечер Ганго и ее муж Гхису долго сидели у своей жалкой лачуги.

— Почему же ты сразу пошла домой? Могла бы поискать работу в другом месте, — упрекал жену Гхису.

— Я искала, — тихо отвечала Ганго.

Их единственный сын, шестилетний Риса, давно уже спал, ничего не зная о заботах, волновавших его родителей. Да, едоков в семье по-прежнему трое, работник же остался только один, а впереди — сезон дождей. Гхису возмущенно покосился на жену. Не могла уж потерпеть еще дней пятнадцать-двадцать...

Гхису, невысокий плотный мужчина, был вспыльчив, и когда раздражался, часами не мог успокоиться.

— Поехала бы ты в деревню, что ли... — помолчав, проворчал он, дымя своей бири [\[28\]](#).

— А кто меня там ждет, в деревне?

— У тебя на все ответ готов... Поезжай, не выгонят...

— Никуда я не поеду, — покачала головой Ганго. — Брат твой на порог меня не пустит. Ведь дважды у вас с ним из-за меня до ножей доходило.

— А здесь что будешь делать? У меня ведь тоже работа не вечная. Говорят, саркар [\[29\]](#) хочет набрать побольше рабочих и в три дня закончить дорогу.

— Но ведь ремонтные работы не прекратятся? — совсем тихо сказала Ганго.

— Да разве на ремонтных втроем прокормишься? — взорвался Гхису. — Да и их-то кот наплакал...

Их горький разговор затянулся до глубокой ночи.

Уволили Ганго в понедельник, а к субботе семья уже едва сводила концы с концами. С утра Ганго уходила на поиски работы и до полудня успевала раза три обойти всю стройку. Но к кому бы она ни обращалась с вопросом, все только смеялись или молча показывали на тучи, заволакивающие небо. По улицам бродили без дела десятки рабочих.

В субботу, возвратившись домой, Гхису сообщил, что и ремонтные работы на дороге закончены... Стало совсем худо. Ели только раз в день, да и то не досыта.

Не унывал только маленький Риса: с утра до ночи носился вокруг хижины на хворостине, погоняя невидимого коня. А отец с матерью сидели у входа — спорили, переругивались и давали друг другу советы.

Однажды вечером, после многодневных поисков и раздумий Гхису наконец нашел способ поправить немного домашние дела.

— Надо пристроить куда-нибудь Рису, — сказал он, потягивая бири, чтобы не сосало под ложечкой.

— Да на что он годится? — возразила Ганго. — Мал он еще, чтобы работать.

— Мал, говоришь? За обедом-то он от взрослого не отстанет. Многие в его годы уже работают.

Ганго ничего не ответила. Она была бы только рада, если б ее сын стал зарабатывать себе на жизнь. Но ведь

до сих пор Риса даже по их улице ходил лишь за руку с отцом. Да и что он умеет делать?

— В его возрасте, — продолжал Гхису, — дети чистят ботинки, работают в велосипедных мастерских, продают газеты, да мало ли еще чем занимаются... Завтра же сведу его к Ганёшу: пусть работает чистильщиком.

Ганеш, односельчанин Гхису, жил в крохотной хибарке у моста, за милю от поселка. Закинув за спину маленький ящик с сапожными принадлежностями, Ганеш ходил из переулка в переулок — чистил и чинил обувь.

Наутро, отправляясь на поиски работы, Гхису сказал жене:

— Сейчас загляну к Ганешу, потолкуем, а ты пошли к нему Рису, да пораньше.

Покормив сына скудным завтраком, мать отправила его к Ганешу.

Топая босыми ножками, Рису важно двинулся на работу. Шестилетний худой малыш, с копной нечесаных волос, с большими наивными глазами и в такой длинной рубахе, что она закрывала даже его короткие штанишки.

Но добраться до Ганеша в этот день ему так и не удалось. Сколько соблазнов разбросала жизнь на его пути! Сначала он наткнулся на дерущихся мальчишек — их надо было срочно разнять, а потом и поиграть вместе с ними. Затем Риса поглазел на буйволицу — она купалась в грязном пруду. Пастух орал на нее что есть мочи, а она нежилась, забравшись в воду по самую шею. Потом Риса встретил факира и так засмотрелся на чудесное представление, что совсем забыл, куда и зачем он идет.

Когда солнце уже клонилось к закату, Риса прискакал домой на своей хворостине — промокший под проливным дождем, изголодавшийся, но очень веселый.

Да, нелегко было начинать трудовую жизнь! Все равно что молодому буйволу привыкнуть к ярму. Но делать нечего: семью ожидал голод.

На другой день Гхису сам отвел Рису к Ганешу и ушел, оставив сыну несколько ан [\[30\]](#), чтобы он купил себе банку ваксы и щетку.

Этот день Риса прожил словно в сказке. Они шли с Ганешем совершенно новыми для Рисы местами. Сколько интересного было на каждом шагу! И Риса не мог понять, почему мать, провожая его, утирала слезы. Повсюду лавки, полные невиданных разноцветных товаров, а людей столько, что у Рисы даже голова закружилась. Все это очень интересно и ничуть не тяжело!

Поджидая сына, мать все глаза проглядела. Наконец появился Риса, едва волоча усталые ноги. Ему казалось, что за всю свою шестилетнюю жизнь он не исходил столько, сколько сегодня. Но при виде матери Риса тут же забыл про усталость и принялся рассказывать обо всем, что увидел за день. А когда вернулся отец, Риса, подхватив щетку и банку с кремом, бросился к нему.

— Папочка, почистить тебе ботинки?

При виде бравого чистильщика скупая улыбка скользнула по лицу отца, всегда такому хмурому и неприветливому.

— Зачем мне чистить, сынок, я ведь не какой-нибудь бабу [\[31\]](#)... Да мне и заплатить нечем... Ну, рассказывай, кормилец ты наш.

И Риса снова принялся рассказывать о своих приключениях.

Наутро отец и сын вышли из дому вместе: отец — на поиски работы, сын — к дяде Ганешу. Две лепешки, завернутые в тряпицу, — под мышкой у отца, одна

лепешка — у сына. Вскоре они расстались, и каждый направился своей дорогой.

С замиранием сердца перебежав широкую улицу, Риса добрался до хижины Ганеша, но, к своему удивлению, увидел на двери внушительный замок.

Подумав немного, Риса пустился на поиски Ганеша. Он долго бродил по кривым, запутанным переулкам, переходя из одного в другой, но все это были не те переулки, по которым они проходили вчера. Голоса дяди Ганеша тоже не было слышно. Что же делать?

Наконец Риса решился: усевшись на перекрестке, он положил перед собой банку с кремом и щетку и стал поджидать своего первого клиента. Подражая Ганешу, Риса скривил рот и крикнул что было силы:

— Чищу! Чищу-у-у...

Услыхав собственный голос, он немного смутился, но вскоре обрел уверенность и стал выкрикивать свой призыв все громче и громче. К Рисе подошел какой-то толстый бабу.

— Что возьмешь за чистку?

— Сколько соблаговолите дать! — бойко ответил Риса, как это делал Ганеш.

Бабу оставил ему свои туфли, а сам важно прошел в лавку напротив.

Впервые в жизни Риса открыл банку с кремом. Повторить слова Ганеша он смог, но с чего начинать работу, куда накладывать крем, как действовать щеткой, этого он не запомнил. Однако он смело взялся за дело... Через пять минут и руки, и ноги, и лицо Рисы были перепачканы кремом. На одну туфлю ушло ровно полбанки. Он уже подумывал, не положить ли крема и на подметку, как опять появился толстый бабу. Увидев, что стало с его туфлей, бабу побагровел и изо всех сил ударил Рису по лицу, так, что у малыша искры из глаз посыпались. Риса замер со щеткой в руке. Он не мог

понять, что же произошло. Ведь дядю Ганеша никто и пальцем не трогал!

— Ах ты подлец!.. Черные туфли желтым кремом намазал! — вопил бабу, осыпая Рису ругательствами.

Прохожие останавливались, с любопытством наблюдая эту сцену.

Одни смеялись, другие утешали бабу, третьи напустились на Рису.

Наконец бабу, чертыхаясь, надел свои разноцветные туфли и ушел под смех окружающих.

Во время скандала Риса только ежился да беспомощно озирался.

Но как только бабу скрылся из виду, он собрал свое имущество и поспешил покинуть несчастный перекресток. Теперь он пугался при виде каждого бабу, встречавшегося ему на пути, и не решался открыть рот, чтобы прокричать: «Чищу! Чищу-у!» Риса думал о своем родном доме, чувствовал на своих плечах ласковые руки матери. Он повернулся и побежал домой.

Он бежал все быстрее и быстрее, но кривым переулком, казалось, не будет конца. Едва выбирался Риса из одного, перед ним открывалось несколько новых. Что будет, если он не найдет дороги домой?

Испуганный Риса метался, затерянный среди чужих людей, равнодушных к его горю.

Давно перевалило за полдень, а Риса все блуждал по городу. Хоть бы отыскать тот большой мост, возле которого стоит хижина Ганеша!

Лепешку он съел еще утром, его давно мучил голод. Несколько раз принимался он плакать в голос, но тут же испуганно замолкал...

Наступил вечер. Переулки опустели и погрузились во тьму. В полном отчаянии Риса остановился на перекрестке. И тут словно из-под земли перед ним появилась целая ватага мальчишек.

— Эй, ты, сопляк, чего хнычешь? — важно спросил самый маленький, поправляя на голове рваную топи.

Другой схватил Рису за руку и потянул под какой-то навес. Кто-то подтолкнул его сзади, кто-то положил ему руку на плечо и усадил в углу под навесом. Затем мальчишка в рваной топи — видно, вожак — достал из кармана горсть жареных земляных орехов и протянул Рисе.

— Бери-ка, сопляк, и брось плакать. Вместе будем работать. Мы ведь тоже чистильщики...

Скоро маленький Риса уже крепко спал под навесом вместе со своими новыми товарищами, спал, подложив под голову пустую банку из-под крема и какую-то тряпку.

А в это время в хижине, вернувшись домой после бесплодных поисков сына, Гхису утешал Ганго:

— Никуда он не денется. Он ведь сын Гхису. Завтра отыщется! Ведь и меня тоже никто не обучал ремеслу.

Но в душе он и сам был очень встревожен исчезновением сына.

Ганго молчала. Она лежала неподвижно, глядя в низкий потолок хижины.

Полная луна выплыла из-за туч, покрывая нежной позолотой роскошные особняки Нью-Дели и убогие лачуги его строителей. Все было погружено в сон. И в волшебном свете луны казалось, что мир и покой царят на земле.

Раджендра Ядав Сорвиголова

— Эй, Бадруддин, а этот опять не пришел? — доносился до меня знакомый хриплый бас хозяина мастерской.

— Он болен, господин, — слышится в ответ детский голос. — Вся спина, говорит, отнялась — не ворохнуться.

— Тоже мне, «не ворохнуться»! Лодырь! Лоботряс! — недовольно рокочет бас, а у меня невольно возникает мысль, что если бы этот человек мог давать свой голос напрокат, для наших режиссеров он мог бы оказаться настоящей находкой: в индийских фильмах на мифологические темы таким басом обычно говорят только ракшасы [\[32\]](#).

Стена моего дома с той стороны, где находится ванная комната выходит на небольшой пустырь, превращенный хозяином в гараж гордо именуемый автомастерской. У этой импровизированной мае терской постоянно торчат остовы двух-трех грузовиков и обязательно какая-нибудь легковая машина невиданной марки, потерявшая от времени и цвет и форму, а вокруг в беспорядке валяются их «внутренности»: блоки, коробки передач, коленчатые валы, болты, гайки и множество других больших и малых деталей, названия которых я попросту не знаю; так что все принимают мастерскую за свалку металлолома.

У въезда на пустырь возвышается некое подобие ворот — странное сооружение из покрытых ржавчиной пустых канистр и бидонов. Рядом легкий навес из ржавых кусков жести — это «офис», контора. Под навесом то и дело дребезжит телефон, и хозяин мастерской, надрываясь, хрипит что-то в трубку.

В гараже, кроме самого владельца, занято еще человек десять; с раннего утра до позднего вечера здесь стоит такой грохот, что всем, кто живет в нашем доме, приходится, подобно мне, в разговоре с домашними орать во всю глотку, хотя и это не всегда помогает. Поутру, заслышав первые удары металла о металл, я просыпаюсь и начинаю злиться — так и хочется вскочить, усесться за стол и тут же настрочить прошение в полицию, чтобы прекратили наконец это безобразие, ибо закон не разрешает устраивать такие заведения в центре густонаселенных поселков. Нередко, чтобы проверить отремонтированную машину, механик включает мотор на полную мощность и гоняет его минут пятнадцать. Мотор ревет во всю мочь, а все вокруг заволакивает плотной пеленой едкого черного дыма. Вдобавок, перекрывая весь этот шум, рев и грохот, грозно рокошет голос хозяина:

— Посторонись-ка, почтенный, а то как бы ненароком шею тебе не свернуть!.. Ну, а ты чего рот разинул? Бери отвертку да крепи, не то заработаешь по шее! Тогда узнаешь, как надо работать! Что? Обед, говоришь?! Какой еще обед?! Закончим — тогда и обед!

Дело не ограничивается одними угрозами — это мы поняли уже на следующий день после нашего вселения в эту квартиру. Заслышав громкий плач, доносившийся с задворок нашего дома, мы с женой, не сговариваясь, бросились к зарешеченному металлическими прутьями оконцу, выходявшему на задний двор. Почти черный от загара долговязый мужчина со всего плеча лупил толстой веревкой какого-то паренька лет двенадцати, приговаривая в такт ударам:

— Я тебя научу, как работать! Ты работать пришел, а не лодыря гонять! Дармоед, бездельник! Я научу тебя, как масло от горючего отличать!

Увертываясь от ударов, у ног хозяина извивался подросток в перепачканном машинным маслом

коротком дхоти и старенькой безрукавке, повторяя сквозь рыдания:

— Я больше не буду, господин!.. Не буду!.. Не бу-у-ду-у-у!

Мужчина в длинном добротном дхоти и длинной рубахе, тот, что лупил малыша, был, несомненно, хозяин — мы поняли это с первого взгляда. С длинными спутанными волосами, с налитыми кровью глазами на обезображенном яростью лице, он был страшен. Такими на лубочных картинках обычно изображают ракшасов.

Парнишка корчился и извивался от боли. Наконец хозяин грозно приказал ему встать, а сам, помахивая на ходу веревкой, отошел к стоявшей поблизости чарпай [\[33\]](#), взял лежавшую на краешке пачку сигарет и коробок спичек и, неторопливо закулив, с наслаждением затянулся. Выпустив одно за другим несколько колец сизого дыма, он спокойно, может быть слишком спокойно, проговорил, поглядев на все еще лежавшего на земле мальчика:

— А ну, вставай, да поживее, а то хуже будет...

Как видно, он привык пороть зазевавшегося подростка — просто так, для порядка, чтоб не отлынивал от дела. Мы потом не раз наблюдали это. Бил он по-хозяйски, спокойно и неторопливо, словно это была деталь, которую он вынимал из наполненного керосином большого корыта, и, повертев в руках, принимался протирать, старательно очищая от ржавчины и грязи.

Веревка беззвучно и, кажется, мягко опускается на спину подростка — и грохот металла разрывает истошный вопль: «Ой-ой! Больно!»

Рука моя со стаканом чая замирает на полпути, жене становится дурно. Еле сдерживая слезы, она спрашивает:

— Почему же они нанимаются к нему, если он так обращается с ними?

— А что остается делать? Есть-то надо, — отвечаю я. — Не они, так другие, не все ли равно?

— Но ведь бить людей нельзя! Есть, наконец, закон.

— А кому тут нужен твой закон? — невольно раздражаясь, говорю я. — Вот тебе пример: закон гласит, что продолжительность рабочего дня — восемь часов, а что ты видишь здесь? Рабочий день зависит от хозяина, а он заставляет их работать до глубокой ночи, и они работают при фонаре...

— А за сверхурочные ведь он наверняка не платит ни пайсы! — восклицает жена возмущенно. — Да вдобавок еще и бьет их! Не могу я на это без слез смотреть! Помнишь, как он лупил того подростка в безрукавке? Всю спину исполосовал! Разве можно истязать детей?

— А может, тот паренек круглый сирота: ни отца, ни матери?

— Откуда мне знать?

— Есть у него родители или нет, все равно с детьми так обращаться нельзя... А когда я попыталась его урезонить, знаешь, что он ответил? «Эти люди, говорит, только и ищут повод, чтобы бездельничать, А чуть тронешь кого — орут, будто их режут». Как бы он заговорил, если б его самого поучить этой веревкой?.. Неужели никто из них не жаловался в полицию?

Я молчу: на жестокое обращение с людьми у нас жалоб не пишут, жалобы у нас пишут только тогда, когда видят жестокое обращение с животными. Поборники гуманного отношения к обезьянам или бродячим собакам создают союзы и ассоциации для защиты бедных животных. Тем самым, как принято считать, они исполняют свой нравственный долг перед обществом. И кроме того, это модно, это признак хорошего тона. Если же что-либо подобное предпринимается для защиты людей, такое деяние немедленно переводится в разряд политики со всеми вытекающими последствиями.

У меня неоднократно появлялось желание написать в полицию, но всякий раз, представив себе, к чему может привести эта тяжба, я содрогался и откладывал перо.

— Физическое наказание действует на детей отрицательно, — кипит жена. — Из детей, которых подвергают физическим наказаниям, чаще всего выходят преступники.

Жена моя не только женщина с чувствительной душой, она имеет еще и степень бакалавра богословия.

— Но ты же сама много раз видела, как он избивает детей, — замечаю я. — Он нещадно лупит веревкой подростков, тех, что на побегушках у мастеров...

— Вот на них-то он и отыгрывается, — подхватывает жена. — Тронь взрослого — так тот еще и сдачи даст, а назавтра и вовсе не выйдет на работу.

Жена упоминает о «сдаче» с жестоким удовольствием и, помолчав, продолжает:

— «Хочу — помилую, хочу — накажу», вот ведь как он рассуждает.

Точно ракшас какой, в самом деле! Но всевышний, он все видит! Помяни мое слово. Вот станут разбирать машину — мотор сорвется и отдавит ему ногу... Узнает, как измываться над детьми!

— Но ведь он даже не прикасается к машинам...

— Помяни мое слово: расплаты не избежать. Всевышний глух к стенаниям взрослых, но крик невинного младенца достигнет его слуха, и он накажет жестокосердного... — И, словно пораженная догадкой, жена вдруг спрашивает: — А может, у него просто нет своих детей?

— Откуда мне знать?.. — пожимаю я плечами. — Знаю только, что ночью его в гараже не бывает. На ночь здесь остается только сторож...

Наступил сезон дождей, и чтобы брызги не залетали в контору, хозяин оградил ее бамбуковыми палками и завесил вход старым, перепачканным краской брезентом. Каждый раз, когда поздно вечером я выхожу на берег пруда прогуляться, территория мастерской, тускло освещенная единственной лампой, предстает передо мной похожей на поле битвы, усеянное мертвыми телами и в беспорядке разбросанным оружием, а жалкая при дневном свете контора выглядит в лучах луны величественным шатром поверженного полководца с некогда гордыми, а теперь бессильно поникшими знаменами.

Словно выпуклость шлема или плоскость щита, тускло поблескивает ветровое стекло или небрежно брошенное крыло машины. Разбросанные там и сям рули, колеса, подножки и прочие детали и узлы автомобиля кажутся поломанными и искореженными в

жестокой схватке. А в самом центре этой скорбно-величественной картины, на легкой чарпаи мирно похрапывает ночной сторож.

В лунную ночь я не могу отделаться от ощущения, что передо мною раскинулся лагерь Чингисхана: все спят крепким сном, над спящим станом, бодрствуя, витает лишь ужас и призрак смерти... Ужас тех, кому довелось свести знакомство с мечами бесстрашных воинов грозного полководца... И еще я вижу в лунную ночь хозяина мастерской — сопя, расхаживает он по спящему стану, гроза и повелитель запуганных ребятишек...

Однажды я случайно узнал, что паренька, которому больше всех достается от хозяина, зовут Рахимом. Вот как это случилось.

Рано утром — я еще не успел умыться — с заднего двора донеслись глухие звуки ударов и громкий детский плач. Я выглянул в окно.

Спасаясь от преследования, один из мальчиков ловко лавировал меж кузовами грузовиков и легковых машин, а хозяин, размахивая веревкой, старался его поймать. Со стороны могло показаться, что взрослый и ребенок играют в кошки-мышки.

— Стой!.. Стой, тебе говорю! — рычал взрослый. — Полезай наверх, поймаю — пощады не жди!

Неизвестно, куда «наверх» загоняли паренька. Может, это связано с какой-то опасностью, которой хозяин не хотел подвергать себя? Да нет, наверное, что-то другое: я уже заметил, что паренек был не из робкого десятка.

Потом вдруг вижу: парнишка с ловкостью обезьяны взбирается на грузовик, стоящий в нескольких шагах от моей квартиры, а разъяренный хозяин, стоя внизу, подгоняет его, грозно размахивая обрывком веревки:

— Лезь, щенок!.. Лезь выше!.. Выше, тебе говорю!

А когда мальчик, с трудом переводя дыхание, уселся на крыше кабины, хозяин спокойно проговорил:

— Теперь можешь отдыхать целые сутки. Снимать тебя буду завтра, в это же время... И ни куска лепешки тебе, ни глотка воды... Питайся свежим воздухом...

Только теперь до меня дошло, что «наверх» мальчишку загнали в наказание за какую-то провинность. И хотя крыша грузовика была футов ^[34]на пять ниже окон моей квартиры, парнишка вскарабкался туда за три секунды. Оказавшись в безопасности, он огляделся. На лице его, перепачканном сажей и пылью, четко выделялись грязные полосы от слез.

Из города я возвращался поздно вечером. Пройдя в ванную комнату, чтобы сполоснуть лицо, я увидел в окно того самого мальчика.

Уткнувшись лицом в колени, он горько плакал, повторяя прерывающимся от слез голосом;

— Ну, можно... я спущусь... я больше никогда... не буду оговариваться...

— Нет, нет, сынок, ты посиди, отдохни на досуге, устал, бедняжка, — выразительно помахивая концом веревки, издевательски-ласково отвечал ему снизу хозяин.

Неужели парнишка так и просидел на крыше кабины с самого утра? А ведь полдня лил дождь!

— Это предел жестокости! — возмущенно сказала жена, когда мы садились пить чай. — Сегодня же поговорю со всеми соседями по кварталу. Так продолжаться не может!

Она помолчала. Потом заговорила снова:

— Это же настоящий палач! Сначала мальчик плакал от побоев, а теперь этот садист целый день продержал его под открытым небом! Нет, это не человек, это какой-то зверь в человеческом облике. Сам уже не раз успел заправиться, а мальчишке даже по

нужде не разрешил сойти вниз... Слышишь, опять плачет. — И она с возмущением принялась пересказывать мне обо всех событиях прошедшего дня.

— Конечно, он зверь, — поддержал я ее, — Жаль парнишку: с самого утра голодный.

— Дождись от этого ракшаса, накормит он, как же! Я уж не стерпела взяла кусок лепешки, завернула в газету и потихоньку бросила ему, а он смотрит на нее голодными глазами и не притрагивается. «Что ж ты, спрашиваю, не ешь?» — «Хозяин, говорит, опять поколотит», — «А откуда он догадается? — говорю. — Снизу-то совсем не видно, чем ты там занимаешься». Ну, кое-как уговорила — поел.

Положил кусок рядом, отщипнет немножко и незаметно в рот... А вот как напоить его — ума не приложу. Целый день просит хоть глоток горло промочить, да ведь это вода, ее в газету не завернешь, — И жена уже спокойнее рассказала мне обо всем, что узнала за сегодняшний день: — Зовут его Рахим Бахш. Живет с родителями. В семье, кроме него, еще две сестры. Отец работаем где-то на фабрике... Я с самого полудня стояла у окна, все расспрашивала.

Через несколько дней, когда с подоконника сдуло ветром мою новую рубаху — она упала прямо посреди гаража, — мне поневоле пришлось спуститься в мастерскую. Хозяина к счастью, не оказалось: поехал осматривать чью-то попавшую в аварию машину. Рахим, сидя прямо на земле, очищал ржавчину с какой-то зубчатой детали.

— Ну как, Рахим, хорошо тебе отдохнулось в тот день на крыше грузовика? — в шутку спросил я.

Его перепачканное маслом лицо расплылось в улыбке.

Не выпуская из рук грязную паклю, он тыльной стороной ладони отбросил волосы и, не говоря ни слова, кивнул.

— Он у нас сорвиголова! — вмешался стоявший неподалеку паренек. — Ему все нипочем! Никого не боится. Даже хозяина. Бывает, даже покрикивает на него. «Эй ты, кричит, любезный, подай-ка вон ту деталь!» За это ему и достаётся больше всех.

— Ну, а если бы тогда всю ночь пришлось сидеть на крыше? — спросил я.

— Ну и что, всю ночь? — ответил он со смехом. — На крыше еще как спится! На свежем воздухе, под звездами!

— Ишь расхвастался! — покачал головой самый маленький из мальчишек. Можно подумать — ему все нипочем! А как же бхут?

— Какой еще бхут? — удивленно спросил я.

Швырнув на землю промасленную ветошь, Рахим ухватил паренька за шиворот и, подтянув его вплотную к себе, наигранно-добродушно сказал:

— Смотри-ка, разговорился! А что мне бхут?

— О каком еще бхуте вы говорите? — с любопытством переспросил я. В глубине души я решил, что бхутом они называют меж собой своего хозяина.

— О каком бхуте? О самом обыкновенном, — усмехнулся мальчишка. — Рахим боится бхутов... Да, да, господин, сюда по ночам являются бхуты. Не верите — спросите у сторожа. Самого-то бхута не видно, только бубенчики на ногах звенят да изредка плач доносится.

— Может, раньше здесь было кладбище? — высказал я предположение.

— Нет, кладбища здесь не было, а был пруд, — понизив голос, заговорил Рахим. — Много людей потонуло в том пруду. Потому, видно, и повадились бхуты летать сюда. — Вот и вчера явился один, весь в белом, и стал тормозить сторожа. «Я, говорит, ужин принес тебе. Ступай поешь», А знаешь, что стало бы со сторожем, если б он хоть крошку в рот положил?..

— А ты сам видел бхута? — перебил я Рахима.

— Конечно! Своими глазами... Задержался я вчера допоздна: работа срочная была. Закончил — на дворе глухая полночь. Домой идти поздно. Вот и решил я заночевать здесь. Уснул. Вдруг среди ночи просыпаюсь, гляжу — большой грузовик трогается с места, а в кабине никого нет. У меня сердце в пятки от страха. Как же, думаю, так? Ведь только вчера сняли с него мотор и коробку передач, один остов остался. А тут вдруг, слышу, мотор заработал. Потом грузовик то вперед тронется, то назад сдаст, вперед-назад, точно буксует... Гляжу я — глазам не верю.

Оттянув грязными пальцами нижние веки, Рахим живо изобразил, как он в ту ночь наблюдал за грузовиком.

— Вдруг вижу — из кабины выходит какой-то человек, с головы до ног весь в белом. На меня даже икота напала от страха...

— Вот интересно! А нам можно поглядеть?

— Да осыпь меня золотом, ни за что больше не останусь тут на ночь, — замахал руками Рахим и снова принялся за отложенную работу, всем своим видом показывая, что тратить время на всякие пустяки он не намерен.

Я забрал свою рубаху и двинулся было к выходу, но напоследок решил все же задать еще один вопрос:

— Ну, ночью — это понятно, а вот как днем? Хозяина-то не боишься?

— А чего его бояться? — пожал плечами Рахим, — Работа стоит, вот он и злит... — И он осекся на полуслове, весь обратившись в слух.

— Эй ты! Очистил ржавчину? — еще с улицы донесся хриплый бас хозяина. — Или, может...

Чтобы избежать встречи с неприятным соседом, я, не дослушав, поспешил побыстрее обратиться домой.

А. Педнекар Спутник

Из города А вышел путешественник и двинулся прямо на восток. Пройдя 25 миль [\[35\]](#), он свернул на северо-восток и прошел еще 25 миль. Затем он повернул прямо на запад и прошел еще 20 миль. На каком расстоянии от города А находится путешественник?»

Это была последняя задача по геометрии. Ранга попытался представить себя на месте путешественника. Но разве может быть дорога абсолютно прямой целых двадцать пять миль? Ведь на пути попадаются всякие там холмы, реки, заборы, канавы, колодцы...

«А что, если на пути встанет дом? Как пройти через него насквозь? Тогда надо, чтобы в доме было две двери — на запад и на восток. У нас же в доме никогда не было задней двери.

А если встретится колодец? Спускаться в него, что ли?

А вдруг река? Ведь через нее не перепрыгнешь, наверняка поплывешь. Когда же плывешь, никогда прямо на другой берег не выберешься — обязательно отнесет течением. Вот сосед нашей тети уж какой пловец, и то в разлив река снесла его далеко-далеко.

Как это понимать — прямо на восток? Да и сколько дней придется идти? Семьдесят миль! Ого! И все пешком? Здорово устанешь! Я вот позавчера прошел только от Билваса до Малвана, и то ноги словно отнялись... В последние два дня мы все пишем и пишем на экзаменах — пальцы у меня совсем онемели. Да еще приходится сидеть за партой. У себя в деревне мы в

школе сидим на полу. И буквы в сто раз лучше получаются».

Ранга огляделся по сторонам. В комнате сидели все незнакомые ребята. Вон девочка в голубой юбке точит карандаш бритвой. Перед ней сидит мальчик в шапочке и пишет быстро-быстро. И почему он так много пишет? Наверное, доказательство. Вчера его провожала какая-то толстая женщина.

«О! Сегодня на экзамене хороший учитель. Сидит себе спокойно за столом. А до него была учительница такая тощая, очкастая. И все по классу ходила, запугивала нас и смотрела, кто что пишет».

Ранга снова прочитал задачу и провел на листке прямую линию в пять дюймов [\[36\]](#). Поглядел на нее. «Вот красота, если б такая дорога была. Тогда пешеходам были бы видны издалека все машины. И машины, могли бы ездить на бешеной скорости. Если же на такой дороге выстрелишь из ружья, то всех, кто идет по ней, уложишь одной пулей. Бах... бах... бах...»

Дзинь-дзинь-дзинь!!!

Ой! Уже звонок! Ранга заторопился.

— Заканчивайте, дети, — сказал учитель и стал собирать листки, расхаживая между партами.

Когда он взял листок у Ранги, тот сразу же вскочил и хотел было выйти. Но учитель остановил его:

— Подожди. Нельзя выходить, пока все не сдадут работы.

Лишь когда учитель вышел за дверь, все встали.

Ранга первым выбежал из класса, но тут же вернулся. Испуганно заглянул в парту и облегченно вздохнул: его готовальня была на месте. Он сунул ее в карман и вышел из школы. Ашок уже поджидал его.

— Ну как? Все решил? — спросил он.

— По арифметике все. А по геометрии последняя задача не получилась.

— Да ну? Совсем легкая. Ладно, пойдем выпьем лимонаду или содовой.

Мальчики направились к навесу под манговым деревом, где за столиками уже сидели школьники и пили холодный лимонад.

Был тут и мальчик в шапочке, была и та девочка в голубой юбке, только сидела поодаль.

Ранга и Ашок тоже сели. Перед ними поставили два стакана лимонада. В лимонаде плавали льдинки. Ранга помешал пальцем в стакане, и льдинки закружились в водовороте. А потом стал их топить.

Повертел стакан — льдинки закружились быстрее — и поднес его к пересохшим губам. Ашок уже успел выпить свой лимонад и теперь разглядывал влажный круг на столе — след стакана.

— Какой вкусный! Холодный! — заметил Ранга.

Ашок провел четыре линии на мокром круге и стал объяснять приятелю задачу:

— Смотри, эта линия — пять дюймов, а эта — четыре. Здесь угол в 135 градусов. Вот еще пять дюймов. Здесь угол 45 градусов. Вот запад...

Ранга внимательно смотрел, но им помешали какие-то мальчишки.

Они подошли и заорали:

— Вставайте! Другие тоже пить хотят!

Положив на стол по две аны, Ранга и Ашок встали.

В половине третьего должен был начаться экзамен по литературе.

Оставался еще целый час.

— Слушай, а про что можно написать прошение? — спросил Ранга.

— Ну хотя бы про то, что по карточкам дают плохой рис. Вот и напишешь начальнику.

— Какому?

— Начальнику округа, наверное.

— Ашок, а нельзя написать прошение, чтоб в лавке нам выдавали по чашке чая и сладких лепешек за три пайсы?

— Не знаю, не пробовал. Я могу написать прошение, чтобы построили мост через реку. Этому нас учили.

— Это я тоже умею. Чтобы построили мост, и общественный колодец, и школу, — все это я могу написать.

— Самое трудное — диалог.

— И чего трудного? Пожалуйста. Например, мальчишки ссорятся. Один говорит: «Я умный, я красивый, я такой хороший. А ты урод, глупый и дерзкий». Подходит взрослый: «Разве можно ссориться, дети? Это нехорошо»... Что, не годится? Тогда про другое: про автомобиль и телегу или про лимонад и содовую. Лимонад говорит: «Пошла прочь, содовая! Я такой красивый, я такой сладкий!» А содовая отвечает: «Зато я дешевая. Меня бедняки любят. От меня живот не болит...»

— Хватит тебе! Вот умора! — засмеялся Ашок.

И тут Ранга вспомнил про авторучку. Ведь им придется много писать: и прошение, и диалог, и сочинение... А с ручкой что-то стряслось. Еще когда прозвенел звонок, Ранга, испугавшись, что ничего не написал и провалится из-за этой задачи по геометрии, заспешил и уронил ручку на пол.

Теперь Ранга вытащил ее и принялся рассматривать.

— Что, сломал? — спросил Ашок.

Ранга провел пером по пальцу, потом по бумаге — не пишет. Попробовал еще раз.

— Перо испортилось. Что делать?

Другой ручки у него не было. И Ашок не мог дать ему свою. Ну, а кроме Ашока, Ранга больше никого здесь не знал.

— Пойдем на базар, купишь новую, — предложил Ашок.

— Дорого. Отец рассердится.

— Ну, вставишь другое перо. Оно и стоит-то пять-шесть ан.

— Идем.

И они побежали. До базара было минут восемь ходьбы, и они добрались до него в два счета. Ранга хотел было сразу свернуть направо, но Ашок удержал его:

— Стой! Куда ты? Гляди, кино. Иди за мной, — и потащил приятеля в другую сторону.

Перед афишей кинотеатра они остановились. Раскинув крылья, парила в голубом небе сказочная красавица. Внизу же под ней виднелись крыши дворцов и минареты мечетей. Фильм назывался «Небесная пери». В углу афиши было написано: «Начало в 6 и 9 часов вечера».

— Вот бы поглядеть! Пойдем вечером. К шести мы наверняка кончим.

— Пойдем. Завтра экзаменов уже не будет. А в деревне такого не увидишь, — кивнул Ашок.

Справившись о цене, они решили купить билеты за четыре аны и пошли дальше. По дороге читали вывески: «Столовая Шриканта», «Берем вещи в чистку», «Сегодня картофель — 3,5 аны, патока — 5 ан», «Мука высшего качества», «Покупайте орехи», «Продажа медикаментов», «Изделия из кожи», «Магазин велосипедов — поезжай в Дели».

Возле велосипедов они остановились.

— Ты мог бы увести велосипед с базара? — спросил Ранга.

— Запросто.

— Ну да-а! Тебе такое покажут!..

— Когда никого на базаре не будет, уведу!

— Ага! Давай придем вечером. Все с базара уже уйдут. Возьмем два велосипеда и покатаем на них к себе в деревню. Вот все удивятся-то!

— Погоди!.. Сейчас мы починим твое перо. — И Ашок подвел Рангу к усатому человеку, который возился с керосинкой, вставляя в нее новый фитиль. Рядом ждал заказчик.

Из-под густых бровей усач сверкнул на мальчиков круглыми стеклами очков, привязанных ниткой к ушам, и буркнул:

— Что, батарейки чинить?

— Нет. Не батарейки. Перо сломалось, — сказал Ранга, нерешительно протягивая ручку. Станет ли усач возиться с такой мелочью?

— Сделайте, пожалуйста, побыстрее. У нас сегодня экзамен, — попросил Ашок.

Усач повертел-повертел ручку и вернул ее мальчику:

— Держи.

— Сколько? — Ранга сунул руку в карман.

Усач рассмеялся:

— Я не беру денег за поломанные перья.

Ашок отвинтил колпачок ручки. В самом деле, перо было сломано.

— Что же делать?

Усач посоветовал им зайти в магазин игрушек и письменных принадлежностей, благо он был рядом. Приятели отправились туда.

За стеклом висело, лежало, пестрело всеми цветами радуги множество игрушек. У мальчиков просто глаза разбежались. Они стояли перед витриной и никак не могли оторваться от нее.

— Эй, заходите! Что вам нужно? — окликнул их хозяин, приветливо улыбаясь.

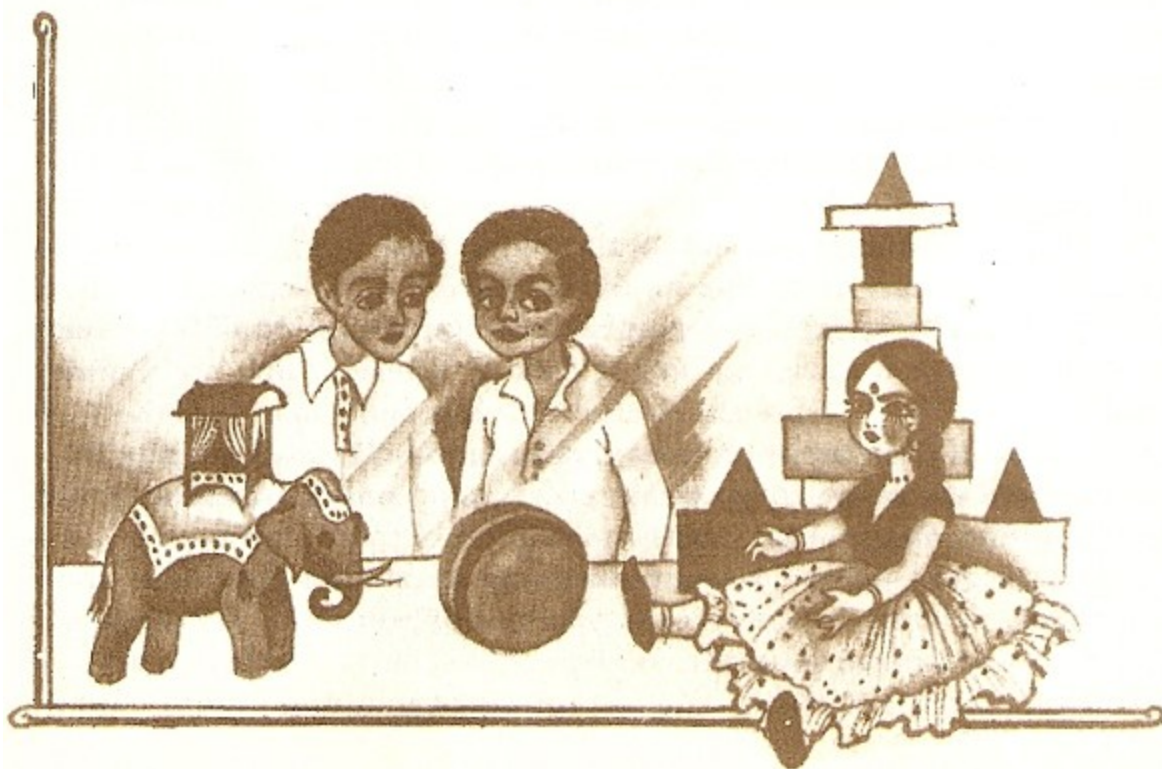
— Моя авторучка... — нерешительно начал Ранга.

А торговец уже положил перед ними несколько авторучек, попутно объясняя, какой фирмы каждая из

них, сколько стоит и какие имеет достоинства.

— Ему перо нужно. Недорогое, — робко положив руку на прилавок, сказал Ашок.

Ранга вытащил ручку. Приятели опасались, что хозяин рассердится.

Однако тот спокойно отодвинул авторучки, высыпал на прилавок груду перьев и стал их расхваливать на все лады. Мальчики выбрали перо. Ашок вздумал еще торговаться и предложил шесть ан вместо восьми. Ранга наступил ему на ногу: замолчи, мол. Но торговец уступил, вставил перо, набрал чернил, вытащил лист бумаги и провел по нему пером. Потом написал несколько слов Ашок, потом Ранга...

— Здорово пишет!

В лавку вошел мальчик — ровесник приятелей.

— Что угодно? — спросил его хозяин...

— Какую-нибудь игру-загадку.

Ашок сразу же наострил уши и скосил глаза на прилавок, куда хозяин выложил несколько коробок.

— Какую хочешь? Вот буква «М», буква «Ц», «Спутник», «Звезда», буква «Д».

— Покажите букву «М».

Хозяин достал маленькую бумажную коробку и вынул из нее несколько красных кусочков бумаги.

— Покажите мне, чтоб дома я мог сам сделать, — попросил мальчик.

Быстро сложив из этих кусочков букву «М», хозяин взглянул на мальчика. Тот кивнул: мол, понял. Хозяин снова разобрал букву.

Теперь мальчик попробовал сложить ее сам. Ашок и Ранга смотрели, что у него получится.

Но как ни бился паренек, у него так ничего и не вышло.

— Теперь ты попробуй, — кивнул хозяин Ашоку.

У Ашока буква вышла очень скоро.

— Ты, верно, уже раньше знал эту игру? — удивился хозяин.

Ашок побожился, что первый раз видит ее. Тогда хозяин достал пластмассовые кусочки для буквы «Ц». Внимательно осмотрев их, Ашок снова быстро сложил букву. Хозяин удивился еще больше.

Других покупателей в лавке не было. Хозяин скучал и решил позабавить мальчиков. Он достал еще одну игру. Это был пестрый шарик, составленный из зеленых, розовых, синих, красных, желтых кусочков дерева разной формы.

— Это «Спутник». Новая игра. Только сегодня получил. Сможешь сложить вот такой шарик?

Хозяин разобрал шарик и высыпал перед Ашоком разноцветные кубики, пирамидки, конусы, цилиндрики.

Ашок стал их соединять. Примерял, прикладывал один к другому.

Ранга и другой мальчик помогали ему.

— Э, нет. Ты сам сделай. Даю тебе десять минут. Сложишь — подарю тебе эту игру. Не выйдет — купишь.

Ашок стал складывать медленно и осторожно. Мальчики следили за ним затаив дыхание. Хозяин тем временем убирал с прилавка авторучки и перья. Ашок уже сложил половину шара, как вдруг неловким движением все рассыпал.

— Все. Время вышло. Уже двадцать пять минут третьего.

— Как? Двадцать пять?.. — Ранга даже поперхнулся от неожиданности.

— Часы у меня спешат минут на пять, — успокоил его хозяин.

До чего же незаметно пробежало время!

Ранга поспешил уплатить шесть ан за перо. Ашок растерянно положил игру на прилавок.

— Пусть так и лежит пока. Приходи вечером. Еще раз попытайся. Ты способный парень, у тебя выйдет. Приходи обязательно, — одобрительно кивнул ему хозяин.

Мальчики выскочили на раскаленный солнцем асфальт. Теперь они уже не глазели по сторонам, не замечали вывесок. Им было ни до кино, ни до велосипедов.

За несколько минут домчались они до школьной ограды. Через окно они увидели учителя, сидящего за столом, школьников, склонившихся над партами. Значит, экзамен начался. Недаром около школы стояла глубокая тишина.

Когда мальчики подбежали к двери, пробило половину. Теперь сторож может не пустить их в школу! Ранга едва удерживался от слез. Ашок пошел первым.

— Куда идешь? — рявкнул на него сторож.

— На экзамен, — пробормотал Ашок.

— А раньше где шатался? Можете отправляться домой досыпать. Уже пробило половину.

Мальчики растерянно топтались на месте. У Ранги по щекам катились слезы. Ашок хмуро глядел в землю. Сторож снова прикрикнул на них. И приятели молча вышли на улицу.

Шли, не глядя друг на друга, пока не увидели у дороги одинокое манговое дерево. Тогда они сели под ним на землю, и Ранга прошептал:

— Все из-за твоих загадок.

— А зачем мы на базар ходили? Забыл?

Виноваты были оба.

Что толку ссориться? Ранга опустил голову. Как теперь показаться домой? Что сказать родителям?

Ашок смотрел вдаль, а перед глазами у него мелькали, кружились пестрые деревьяшки, и он их все складывал, складывал... Сперва синий... Потом зеленый... А куда деть вот этот красный?

Чандрагупта Видьяланкар

Праздник Дивали [\[37\]](#)

Сегодня Раджив проснулся с первыми лучами солнца. Вообще-то он любил понежиться, пока голос матери не поднимал его с постели. Но сегодня он вскочил сам: ведь вчера вечером мать пообещала взять его с собой на базар.

— Если только ты встанешь, — прибавила она. — А то тебя не добудишься...

Утро было тихим и солнечным, хотя, наверно, мать сказала бы, что оно ничем не отличается от вчерашнего. Но для Раджива весь мир, казалось, излучал сияние. Еще бы — шел великий праздник Дивали: его ждут целый год! Раджив до сих пор вспоминает прошлогодний праздник, а ведь ему не было тогда и шести лет. Но он все равно все-все помнит. Помнит женщин в новых, разноцветных сари, мужчин в белых одеждах, горы сладостей на подносах. А вечером веселые огоньки по всему городу, гирлянды цветов и треск фейерверка.

Вода в колонке была холодной как лед, но Раджив сам, без обычных понуканий, сунул голову под струю и вытерся чистым полотенцем. Сестра помогла ему облачиться в новую, ни разу не надеванную рубашу, привела в порядок его непослушные вихры. Ох, скорей бы выбраться наконец из дому! Раджив подбежал к матери.

— Смотри, мама! — радостно затараторил он. — Мне бы еще жилетку — и совсем как взрослый! А скоро мы пойдем на базар?

Мать неторопливо отложила веник — она мела двор — и, оглядев сына, сдержанно улыбнулась.

— Как ты спешишь, сынок! — воскликнула она.

— Но ведь ты сама сказала, что мы пойдем на базар!

— Пойдем, пойдем, — успокоила Раджива мать. — Но сейчас еще очень рано, да и с делами надо управиться.

— Всегда у тебя дела, — вздохнул Раджив.

Мать опять улыбнулась.

— Поди скажи отцу, чтобы собирался...

Когда все наконец были готовы, мать заявила, волнуясь:

— Сегодня вечером, сынок, мы установим в доме нового бога. Поэтому мы начнем с того, что пойдем к алтарю и помолимся старому.

Радживу не терпелось поскорее отправиться на базар, но слова матери о новом боге заинтересовали его.

— А разве боги бывают разные — старые и молодые? — спросил он, во все глаза глядя на мать.

— Молодыми и старыми бывают только люди, сынок, — вздохнула мать. — А бог, он всегда один — и новый и старый.

Раджив не понял: как это, и старый и новый — один и тот же бог?

Мать улыбнулась и провела рукой по волосам сына.

— Кто такой бог, об этом, сынок, не спрашивают. Ему поклоняются. А какой он, старый или новый, это не имеет значения...

Нет, Раджив не мог понять этого. Но он внял совету матери и больше уже ни о чем не спрашивал.

Мать подошла к маленькому домашнему алтарю и торжественно зажгла стоявший перед ним светильник. Потом на ярко раскрашенное изваяние Лакшми она возложила гирлянду из живых цветов, нанесла киноварью красное пятнышко — тiku на лоб богини и, чтобы привлечь внимание хранительницы очага, позвонила в маленький колокольчик. Раджив не спускал

с матери глаз. Когда же она запела благодарственную молитву, стал вполголоса ей подтягивать.

Допев молитву, мать взяла с медной тарелки, полной сластей, самый лакомый кусочек и, протягивая его сыну, тихо спросила:

— Кого ты любишь больше всего на свете, сынок?

Ничего не отвечая — рот был набит печеньем, — Раджив крепко обхватил руками ноги матери, словно хотел сказать ей: «Конечно, тебя, мама!»

— Вся семья наша, сынок, жива и здорова по милости божьей, — тихо сказала мать.

Мать говорила что-то еще про волю и милость всевышнего, но Раджив уже не слушал. Все это было скучно и непонятно, и думать об этом не стоило. Конечно, тому богу, что хранит жизнь и здоровье его матери, он обязательно помолится. А как же иначе? А то бог возьмет и рассердится...

Когда они пришли на базар, мать первым делом купила Радживу кусок халвы. Потом они направились к лавке, где продавались игрушки. Отец с сестренкой тем временем зашли в лавку со светильниками, шутихами и другими заманчивыми вещами, необходимыми всем, кто собирался отмечать праздник Дивали.

Ох, сколько игрушек стояло на полках! Внизу — глиняные, чуть выше — деревянные, потом — заморские целлулоидные. А на самой верхней полке торжественно застыли изваяния богов и богинь. Раджив замер на месте от восторга и изумления. А мать подошла к полкам и принялась выбирать игрушки.

Она отложила одну глиняную и две деревянных. Лавочник сложил игрушки в маленькую плетеную корзину и протянул Радживу. А Раджив все не мог оторвать взгляда от статуэток, стоявших на верхней полке.

— Посмотри, посмотри, мам! — тянул он за руку мать. — Там бог — один, второй,

третий...

— Да, да, сынок, — торопливо отвечала мать. — Сейчас мы купим себе нового бога и поставим его в алтаре. Должен же быть у нас новый бог...

Пока лавочник раскладывал перед ними свой товар, у входа плавно притормозил большой черный лимузин. Из машины степенно вышла богато одетая дама и с нею — маленькая девочка в красивом шелковом платье. Подобострастно улыбаясь, лавочник бросился им навстречу, приглашая осчастливить своим присутствием его бедную обитель. Крепко прижимая к груди глиняную фигурку богини Лакшми, Раджив не отрываясь смотрел на девочку. Она была словно сказочная фея, сошедшая прямо с небес.

Дама не спеша отобрала несколько самых красивых и дорогих игрушек. Слуга, неотступно следовавший за ней, тотчас же отнес их в машину. Богатая покупательница пошла было к выходу, но лавочник торопливо достал из картонной коробки большую изящную статуэтку и с поклоном протянул ее даме. Это была богиня Лакшми, только не глиняная, как у Раджива, а из настоящего белого мрамора.

Дама едва не выронила тяжелую статуэтку. Лавочник подхватил беломраморную богиню, осторожно поставил на пол, на специальную подставку, как раз рядом с Радживом.

— Мама, мама, какая она красивая! — в восторге закричал Раджив.

Он отложил в сторону свои игрушки и обеими руками обхватил холодный мрамор. С трудом оторвав Лакшми от каменного пола, Раджив повернулся к матери:

— Хочу этого бога! Давай купим его! Ты только посмотри... — и осекся.

Дама вырвала у него тяжелую статуэтку, сердито бросив:

— Бывают же такие дети! Маленький наглец! Нахал! Раджив прямо остолбенел от неожиданности. Он не знал, что такое «наглец», но видел, что не только дама и лавочник, но все окружающие смотрят на него с осуждением, и догадался, что это не похвала, а совсем наоборот.

Раджив повернулся к матери. В глазах у него стояли слезы. Мать растерянно смотрела на сына. И вдруг Раджив разрыдался.

Присев на корточки, прижимая к груди голову сына, мать со сдержанной горечью сказала даме:

— Так обидеть ребенка! И когда — в праздник! Можно бы и не вырывать, просто сказать мне...

В ответ дама с презрительным высокомерием бросила:

— Ты видишь этикетку? Или, может, ты ослепла? Видишь, сколько она стоит? Пятьдесят рупий! Пятьдесят, поняла? А у тебя за всю жизнь, наверно, не было в руках таких денег! Чем бы ты стала расплачиваться, если б твой сын разбил ее?

Ничего не сказав больше, мать взяла Раджива за руку и молча вышла из лавки. Потом опустила руку ему на голову и ласково проговорила:

— В праздник не принято плакать, сынок! А всевышний — он всюду, а не только в лавке. И изображение его делают не только из мрамора. А мрамор, он не для нас, сынок, не для бедняков. Нам хватит и того, что из глины.

Чтобы хоть как-то утешить сына, мать купила ему еще две игрушки, а в придачу еще одну статуэтку Лакшми, совсем маленькую, из бронзы.

— Бери, сынок, — сказала она. — Пусть их... У тебя теперь есть своя Лакшми...

Горе Раджива как рукой сняло. Они еще походили по базару, а потом вернулись домой.

Вечером все, и взрослые и дети, принялись украшать дом, расставляя рядами светильники — наполненные маслом глиняные плошки, в которых плавали крохотные язычки пламени. Потом вся семья собралась вокруг домашнего алтаря, чтобы отслужить благодарственный молебен. После молебна началось главное — ребят угощали сладостями, это был единственный день в году, когда каждый мог есть до отвала.

Подавая Радживу его тарелку, мать тихо сказала:

— Никуда не убегай, сынок. Пойдем смотреть праздник в городе.

У Раджива от счастья даже горло перехватило. Подумать только: посмотреть, как празднуют Дивали в городе! Это же чудо!

Наскоро запихнув в рот кусок побольше, Раджив подбежал к матери. Остатки конфет и фруктов он сложил в коробочку: он возьмет ее с собой в город, чтобы на ходу подкрепиться.

Весь город переливался огнями. Дорогие магазины на главной улице были увешаны гирляндами разноцветных электрических лампочек, на карнизах домов светились бесчисленные трепещущие огоньки светильников. С треском взрывались шутихи, рассыпались огни фейерверков. Раджив шел по городу, крепко держа руку матери, чтобы не потеряться в толпе. Подхваченные людским потоком, они медленно двигались к храму.

Наконец впереди показался словно врезанный в черное небо высокий купол, увитый снизу доверху гирляндами голубых огоньков.

— Смотри, сынок, — сказала мать, — это храм, а голубые огоньки — электрические лампочки. Здесь живет бог. Держись за меня покрепче: мы с тобой попробуем войти внутрь.

— Ага, ага! — радостно закивал Раджив и, нащупав в кармане коробочку, вдруг сказал: — А конфеты я отдам богу...

Мать молча поцеловала сына, и они двинулись к храму. У входа шла бойкая торговля цветами. Мать тоже купила цветы — поднести дар Лакшми.

Люди шли в храм плотной густой толпой, однако внутри был порядок. Ни суеты, ни давки. Люди чинно подходили к алтарю и не задерживаясь шли дальше, уступая место другим.

Раджива окатила теплая волна пропитанного благовониями воздуха.

Высокий голос, славящий бога, точно приветствовал мальчика. И этот голос и аромат сандала и благовонных масел словно слились с тихой праздничной ночью, озаренной огоньками бесчисленных светильников.

На глазах у матери выступили слезы умиления. Царившее вокруг торжественно-радостное настроение передалось и Радживу, переполнив его детскую душу неведомым ему прежде чувством благодарности тому, кто создал всю эту красоту.

Медленно двигаясь вместе с толпой, Раджив приближался к алтарю.

Левой рукой он крепко держался за материнскую руку, а в правой нес подношения богу — цветы и заветную коробочку.

Наконец толпа вынесла их к алтарю. Охваченная благоговейным трепетом, мать низко склонила голову перед изваянием божества. Стараясь не растерять

цветы, Раджив стал торопливо вынимать из коробки принесенные сласти, как вдруг, взглянув на то, что стояло в глубине алтаря, застыл ошеломленный: за невысоким барьером возвышалась статуя, высеченная из белого мрамора, точь-в-точь такая же, какую они видели на базаре, только намного больше.

Перед глазами Раджива всплыло сердитое лицо дамы, в ушах прозвучали брошенные ею обидные, злые слова. Пальцы его невольно разжались, сласти с цветами рассыпались по полу.

— Мама, мама! Этот бог не для нас! — испуганно закричал Раджив. — Этот бог для богатых!

Увешанная бесчисленными гирляндами цветов величественная статуя богини Лакшми, высеченная из белого мрамора, бесстрастно взирала на царящую вокруг нее суету, а Раджив, не отводя от богини испуганных глаз, крепко прижимал к груди вылитую из бронзы крохотную фигурку Лакшми, которую они с матерью по дешевке купили на базаре.

Бамачороно Митро Мечта

На столике в спальне Судамо-бабу тускло горит лампа. Кругом тишина, лишь в соседнем доме слышится по временам неумный детский плач. В комнате, где жена укладывает детей, тоже спокойно: Мими и Тукуна наконец уgomонились после яростного спора, закончившегося очередной потасовкой. А спорили они из-за того, к кому лицом должна лежать мать. Слипаются веки и у Прити, хотя сквозь дрему она все еще обмахивает детей опахалом и напевает колыбельную. «Мими, дочка моя золотая...» — сонно звучит ее голос. Под размеренный шорох опахала тихо плывет по воздуху колыбельная. Она кажется волшебной песней, доносящейся из царства сна. Должно быть, в материнской этой колыбельной сокрыта некая чудодейственная сила, если при звуках ее унялись даже такие отчаянные сорванцы, как Мими и Тукуна.

Судамо-бабу облегченно вздыхает, осторожно встает с постели и на цыпочках прокрадывается в другую комнату, где стоит заваленный книгами письменный стол. Судамо-бабу принадлежал к пишущей братии и занимал среди писателей современного толка видное, если не сказать исключительное, положение, которое становилось тем неколебимее, чем непонятнее были его идеи, образы, сравнения, чем удивительнее казались создаваемые им слова. В последнее время он носился с мыслью создать оригинальнейший, ни на что не похожий роман, в котором своеобразно бы преломились все достижения человеческого ума. Но когда в доме стоит такой гвалт, когда между детьми то и дело разыгрываются настоящие сражения, тут не

только не напишешь ни строки, а последние мысли и те растеряешь.

Судамо осторожно поставил на стол лампу, вывернул посильнее фитиль, достал бумагу и только было взялся за перо, как вдруг услышал хныканье Мими:

— Ма, смотри, он брыкается!

Судамо-бабу в изнеможении отложил перо. «О Рагхунатх!» — мысленно обратился он к богу — покровителю их семьи.

Тем временем хныканье Мими превращалось в громкий рев. Судамо охватило жгучее желание разорвать в клочки бумагу, вонзить перо в стол, швырнуть лампу о стену и бежать вон из дома, пополнив собой племя саньяси [\[38\]](#). Однако ничего подобного он не сделал, а, обхватив в отчаянии руками голову, все повторял и повторял имя божие, бросая на Прити беспомощные взгляды. А та как ни в чем не бывало по-прежнему, лежа на постели, тянула свою монотонную колыбельную: «Мими, дочка моя золотая...»

— Должно быть, Мими закаливает свои голосовые связки, — с жестким спокойствием заметил Судамо-бабу.

Прити встрепенулась, приподнялась на локте и жалко улыбнулась мужу.

— Тихо, уродинка, молчи! — попыталась она зажать рот дочери.

Но разве можно унять ревущего ребенка?

Послышались глухие удары по постели; это, конечно, Тукуна. Взбешенный обвинением сестры, он колотил кулаками по подушке, демонстрируя тем самым свой боевой пыл. Судамо подозревал, что за этим последуют непосредственные военные действия. Так оно и случилось: Тукуна превратил свои подушки в баллистические снаряды.

— Что за наказание такое, ни минуты не дадут поспать спокойно! Хоть умирай! — в сердцах воскликнула Прити, щедро награждая детей шлепками. Потом, схватив сына за ухо, она спросила: — Ты зачем лягнул Мими?

— А чего она сама протянула ко мне руку? — визгливо ответил вопросом на вопрос Тукуна.

— Как вам не стыдно! Вы оба хорошие задиры... Ну, а ты, Тукуна, вообще негодный мальчишка — без конца ссоришься с сестрой. Ведь она же меньше тебя!

Слова эти — своеобразная характеристика Тукуны — так часто повторялись, что он уже не обращал на них ни малейшего внимания.

Вот и сейчас: вместо того чтобы устыдиться, он со злостью замолотил кулаками по спине сестры. Дать сдачи ему Мими не могла, и тогда с досады она вцепилась зубами в руку матери — та вскрикнула от боли.

Надо сказать, что Тукуна испытывал неприязнь к Мими еще до ее рождения. В то время он, правда, не умел говорить, и точившая его ревность проявилась весьма странным образом: мальчик стал до крайности упрям, раздражителен и ни за что не желал сходить с рук матери. Когда появилась на свет Мими, Тукуна молча подошел к дверям комнаты, где лежала Прити, бросил на новорожденную сердитый взгляд, так же молча отошел от порога и забился в угол. Когда ему случалось видеть, как Прити кормит девочку, он всякий раз норовил столкнуть ее с рук матери, а застав Мими одну, обязательно щипал ее, колотил и убегал прочь. Жестокость Тукуны доставляла отцу глубокие страдания.

— Это же брат и сестра, они родились один за другим, — заметила Прити. — Такие дети всегда ссорятся.

Она уложила их подальше друг от друга, а сама легла на спине посредине, чтобы уболагодворить обоих, и начала рассказывать про тигра.

— Ты, Мими, никогда не видела такого тигра! У него большие-пребольшие уши, большие-пребольшие зубы, большие-пребольшие ноги, большие-пребольшие руки.

— Разве у тигров бывают руки? Вот и неправда! За это бог тебя накажет! — закричал Тукуна, вспомнив слова матери о том, что бог наказывает за ложь.

— Конечно, не бывают, я просто оговорилась.

Но Мими не согласилась с этим.

— Нет, бывают, бывают! Правда, да? А то чем же они будут рис есть?

— Вот тигр пришел и говорит, — продолжала Прити, не ответив Мими на ее вопрос, — «хау-мау-кхау, человечесиной пахнет. А ну, кто здесь плачет?» — «Нет, нет, — отвечаю я ему, — Мими не плачет, уходи скорее, уходи отсюда». «Хорошо, говорит, уйду, но если она будет плакать, я заберу ее».

Способность тигра говорить человеческим голосом у Тукуны возражений не вызвала. Он, как и Мими, слушал рассказ матери, широко раскрыв глаза.

— Ма, — вдруг воскликнул Тукуна, — раз Мими грызет мой мел и грифельную доску, пусть тигр и забирает ее!

Мальчик не солгал. В свое время Мими, после некоторых исследований, пришла к глубокому убеждению, что грызть мел и грифельную доску куда приятнее, нежели использовать эти предметы для письма или рисования. Но как бы то ни было, в этот момент она не пожелала согласиться с братом и возразила, прижавшись на всякий случай потеснее к матери:

— Пусть тигр Куну забирает!

Прити оказалась меж двух лагерей, ведущих словесную перепалку.

— Пусть тебя!

— Нет, тебя!

Враждующие стороны схватились врукопашную, сражаясь на груди Прити. Та водворила их на прежние места и села.

— Если вы будете так безобразничать, я уйду из дому. Пусть тигр заберет меня. Меня!

— Я угощу его рисом, и он тебя не тронет, — успокоила Мими.

— А я, — заявил Тукуна, — застрелю его из своего ружья!

Прити встала с постели, собираясь подойти к двери, но Мими и Тукуна вцепились в мать с двух сторон. Она оттолкнула их и скрылась за порогом. Шаги ее замерли где-то на улице.

Брат с сестрой остолбенели. Они не могли произнести ни слова и лишь со слезами на глазах смотрели друг на друга.

Наступила тишина. Судамо-бабу воспользовался благоприятной возможностью и вернулся было к прерванному занятию. Как раз в это время в его романе развертывалась одна исключительно сложная коллизия. Некая страна Лучезария научилась добывать из эфира и хранить импульсы духовной энергии. Лучезария собрала всю духовную энергию, которая вырабатывалась на ее территории в течение многих веков и поколений, что позволило ей подняться до положения духовного наставника всего мира. Теперь Лучезария посылала накопленные импульсы в другие страны...

Но тут Судамо-бабу вздрогнул от душераздирающего крика: «Маа-ма!» Это Мими и Тукуна заливались в один голос Судамо-бабу с тихой яростью отшвырнул перо. «О господи, — восклицал он про себя, — разве в этом доме станешь писателем? Если б жена вдохновляла хоть немного — так нет, от нее одни сплошные помехи!.. Столько было связано надежд с браком по любви, но жена оказалась слишком прозаической натурой. Вечно она занята хозяйством и детьми. Нет, в такой обстановке писать невозможно. Да еще эти дети... О господи!»

Между тем Мими и Тукуна не замолкали. Они орали как оглашенные.

— Куда ты пропала? — истерически окликнул жену Судамо-бабу. — Не слышишь, что здесь творится?

— Что я должна делать? — улыбнулась Прити, выходя из темного угла.

— Если хочешь прославиться как жена знаменитого писателя, угомони их хоть немного. Ну, пожалуйста!

И Судамо-бабу молитвенно сложил руки. Прити усмехнулась, подошла к постели, прижала детей к

груди и запела:

— Куда же уйти я смогу от вас, родные Мими и Куна?

Я жить должна, ради вас должна, родные Мими и Куна...

— Сделай одолжение, перестань петь свои стихи, — раздраженно-вежливо буркнул Судамо-бабу.

— Никто не смеет прервать этот стих, родные Мими и Куна... — продолжала петь Прити, не обращая внимания на просьбу мужа.

— О господи! — вскипел Судамо-бабу. — Я не могу больше оставаться в этом доме!

Он вскочил, опрокинул с грохотом стул и шагнул к двери.

— Куда ты пойдешь и как бросишь детей,
Бесценный мой господин?..

— Как, как ты сказала? — в изумлении остановился Судамо-бабу.

Он во все глаза смотрел на жену и без конца повторял про себя неожиданное обращение.

— Куда б ни пошел — вернешься в свой дом,
Бесценный мой господин.
И будешь ты пленником нашим навек,
Бесценный мой господин.

Тут Судамо-бабу взорвался:

— Пленником?! Ну погоди, увидишь, какой я пленник!

Он поднял стул и сел на нем в вызывающей позе. Прити метнула на мужа насмешливый взгляд и легла, обнимая детей.

— Ма, расскажи про красивый дом, — попросила Мими.

Вместо рассказа Прити снова запела:

— Свети сильнее, ясный месяц мой,
Мими пойдет невестой в дом чужой.
Но кто же будет провожать ее?..

— А правда, Мими, кто тебя проводит в дом мужа?

— Тукуна, — не задумываясь ответила Мими.

— Вот еще! — выпалил Тукуна и даже присел от возмущения. — Я ни за что не стану провожать ее!

— Ма, мама, пусть он проводит меня, ну вели ему!

Прити растроганно поцеловала дочь и поспешила успокоить ее:

— Он проводит, конечно, проводит. Кто же еще?..

— Нет, — упрямо замотал головой Тукуна, — я ни за что не пойду провожать Мими.

Тукуна ударил сестру кулаком по спине.

— Все равно пойдешь, все равно! — заливаясь слезами, твердила Мими.

Прислушиваясь к этому неожиданному спору сына с дочерью, Судамо-бабу встал из-за стола и подошел к кровати. Ему захотелось провести один любопытный эксперимент. Когда дети решили, что тигр унес мать, их отчаянию не было предела. Интересно, как они будут реагировать, если тем же самым припугнет их отец?

— Предупреждаю, — сказал он, привлекая к себе Мими и Тукуну, — если вы будете безобразничать, я уйду из дому... и меня заберет тигр... Вам не жалко?

Мими и Тукуна уставились на мать и молчали.

— Что же вы не отвечаете? Не жалко? — допытывался Судамо-бабу. — Вот я ухожу...

Прити тихо улыбалась.

— Не жалко? — последовал все тот же горестный вопрос, Мими отмалчивалась, а Тукуна наконец разомкнул губы и ответил:

— Нет.

— Вот она, судьба отцовская! — сокрушенно вздохнул Судамо-бабу. — Надрывайся ради них, а на старости лет тебя же прогонит родной сын. Все мираж, все обман!

На глазах его сверкнули слезы. Он встал и двинулся было к себе, но Прити удержала его:

— Ну что ты расстроился от пустячного детского слова?

— Пусти, пусти...

Судамо-бабу снова сел за стол. Душа его ныла от боли. Он молча глядел на небо, Прити уснула. Рядом посапывают Мими и Тукуна, прижавшись к матери с обеих сторон. Тонкий рот Мими иногда нервно вздрагивал, на губах Тукуны играла улыбка. Вокруг снова воцарилась тишина.

Дон-н-н, дон-н-н... — пробили городские часы.

Время позднее, пора бы идти спать, но Судамо-бабу не до сна, он все думает, думает о Мими и Тукуне. «Откуда у них такая злоба? Кто в этом виноват? Должно быть, я сам», — решает он и тяжело вздыхает. Ведь в детях повторяются их родители. О, этот обезумевший от злобы мир!

Вдруг вскочил Тукуна.

— Где мое ружье? Дай его скорей!

— Зачем оно тебе среди ночи? — встрепелась Прити.

— Тигр пришел, хочет Мими унести. Я убью его, ма!

Мальчик схватил свое игрушечное ружье и побежал к двери. Прити со смехом бросилась следом, поймала его и уложила на место.

— Вот ты какой! Целыми днями ссоришься и дерешься с Мими, а увидел во сне, что тигр пришел за

сестрой, так бежишь убивать его.

— Прити... Прити, — повторял потрясенный Судамо-бабу, — значит, человеческое в человеке все-таки сильнее всего. Никакая злоба, никакая зависть не может вытравить в людях мечту о торжестве добра, о мире, о равенстве. И эта мечта все равно сбудется. Обязательно сбудется!

Маркандэй Туфли Манохара

«Непонятно, что это, но не туфли же... — Манохар в растерянности стоял посреди комнаты. — Почему же хозяйка опять велела искать их здесь?»

Он снова оглядел комнату.

«Нет тут никаких туфель, валяются две красные игрушки, и все».

Он поднял их.

«До чего красивые! Только это уж точно не туфли: крошечные какие! Вот у хозяина башмаки так башмаки: толстенная подошва, да еще подковки набиты, а верх смазан ореховым маслом. Это, я понимаю, туфли!»

Манохар мечтательно улыбнулся.

«Вырасту, непременно куплю туфли. Самую тяжелую работу буду делать, а куплю. Говорят, люди и в восемьдесят лет радуются жизни. Если так, то я еще успею на них полюбоваться. Мама говорит, что не всю жизнь я буду гнуть спину на хозяина. «Ты, говорит, еще глупый, ничего не понимаешь. Вот я и определила тебя в услужение, чтобы выучился какому-нибудь делу. Знаешь соседского Раму? Его мать им не нахвалится. А что ж, разве только Раму хороший сын?

Только Раму хорошо зарабатывает? Придет время, и ты тоже будешь работать на джутовой фабрике. А вернешься из Калькутты, будет у тебя шикарная рубашка, дхоти, чалма и настоящие городские туфли...»

Манохар совсем размечтался, но вовремя вспомнил о хозяйке. Он снова с сомнением посмотрел на игрушки, взял их в руки.

«Какие мягкие! Как цветы. А это что за блестящие штучки на ремешках?»

Манохар осторожно потрогал непонятные штучки.

«У этой новой невестки хозяев все не как у других. И одевается не по-здешнему, и говорит не так, как мы».

И тут его осенило:

«Да ведь это же и есть туфли! Я же видел точно такие на ногах у молодой хозяйки! Красные и блестят».

Он слышал, как судачили про невестку деревенские женщины:

«Ну и модница! У самых знатных господ чалма, наверно, не стоит столько, сколько ее туфли! Да... Что и говорить: в городе жить лучше! У наших-то богачей и то в запасе башмаков не найдется. А у нее туфли как новенькие, будто не по земле ходит...»

Манохар вспомнил ярко-красные босоножки невестки хозяина. Ну точно как эти, только побольше. И ремешки такие же: золотые, гладкие-прегладкие.

Он повертел туфельки-игрушки в руках: снизу, правда, грязные, но ни подковок, ни гвоздей — подошва мягкая, из резины. Это его озадачило:

«Чудно! Посмотрю, как они будут у меня на ногах».

Манохар собирался было примерить необыкновенные туфли, но в комнату вошла молодая хозяйка. Манохар покрылся холодным потом.

Он живо представил себе, как старая хозяйка награждает его подзатыльником, а хозяин дерет за уши.

Молодая хозяйка заметила его страх и улыбнулась.

— Хотел примерить, да? — ласково спросила она. — Тебе они не годятся, Манохар. А чего ты так испугался? Наверно, не велели их трогать, да? Надо было позвать меня. — И, спустив дочку с рук, младшая невестка, погладила жесткие, как щетка, торчащие в разные стороны волосы Манохара. — Господи, какие у тебя жесткие волосы! Неужели мама не мажет их маслом? Ну пойдем, я смажу.

Она села и стала надевать туфли на нежные, белые, как лепестки лотоса, ножки девочки.

На глаза Манохара, застилая — взгляд, навернулись слезы, он поспешил смахнуть их с ресниц.

«Интересно, как надевают туфли?»

Но хозяйка уже обула дочку, и для потрясенного Манохара осталось загадкой, каким непостижимым образом туфли пристали к ногам.

«Ничего, они сейчас свалятся, — утешал себя Манохар. — Девочка шевельнет ножкой — и они упадут. Ее, конечно, станут обувать снова, и тогда-то я посмотрю, как это делается». Но девочка болтала ногами, потом встала, потом побежала, а туфли так и не упали. Манохар ни на миг не отрывал от них изумленного взгляда.

Ярко светила серебристая луна. Деревенскую улицу покрывал толстый, как ватное одеяло, слой пыли. Раскаленная днем, к вечеру она приятно холодила ноги. Молодая хозяйка с дочкой и Манохаром шли по дороге. Девочка шла, держась за руку Манохара, а он все оглядывался, смотрел на следы туфель — в пыли отпечатывались узоры.

Манохар уже проходил здесь сегодня днем. Идти было трудно: пыль обжигала, как кипящее на сковородке масло. Чтобы подошвам было не так горячо, он привязал к ним большие листья дерева палаш.

Задумавшись, Манохар отпустил руку девочки, и она упала. Манохар бросился ее поднимать, он хотел взять девочку на руки, но не смог: ведь он сам был немногим больше своей подопечной. Тогда Манохар стал стряхивать пыль с платица. Девочка тоже принялась хлопать себя ручками, но пыль будто въелась и в платье, и в голые ноги, и в туфли.

Как бы не рассердилась молодая хозяйка! Манохар сел прямо в пыль, взял девочку на колени и стал вытирать ее концом дхоти. Пропитанные пылью туфли были уже не такими яркими, как ни трудился над ними Манохар, как ни вытирал их, как ни дул на них.

«И зачем нужно было обувать ее, когда на дороге полно пыли? — в тоске думал Манохар. — Ведь вечер уже, ноги ни капельки не жжет и не холодно — не зима».

Он снова почистил туфли, погладил, подул. Ему было очень жаль их, казалось, что туфлям больно. Манохар нагнулся посмотреть, не поцарапались ли подметки о камешки, но тут раздался голос молодой хозяйки.

— Что это ты делаешь? Брось! Вернемся домой — и почистишь. Туфли чистишь, а у самого вся одежда в грязи. И ребенка посадил себе на колени — тоже силач нашелся!

Манохар растерялся: он не знал, что ответить. Мать взяла девочку за руку, поставила прямо в пыль и сказала:

— Отряхнись-ка, Манохар. Пора возвращаться, мы уже долго гуляем...

Они вернулись домой. Всю дорогу Манохар плелся сзади, не смея приблизиться к госпоже.

Дома мать напоила девочку молоком и уложила спать. Одна ножка в пыльном башмачке свесилась с кровати.

Хозяйка протянула Манохару веер:

— Помаши немного, пусть она уснет, а я пойду поужинаю. — И, уже уходя, добавила: — Я буду спать у себя, а ты сними с нее туфли и ложись тут же, на полу.

Манохар был очень доволен, что все обошлось, но слова «сними туфли» привели его в замешательство. Как же их снять-то? При серебристом свете луны он долго смотрел на девочку, на белое чистое покрывало на постели, на туфли. Потом сел, прислонившись к кровати, и протянул руку к туфлям. Подержал блестящие пряжки, осторожно потянул за тонкие ремешки, но разуть девочку не удалось.

Иногда кто-нибудь из домашних заходил в комнату, и тогда он оставлял туфли и начинал усердно махать веером.

«Сниму, когда все уснут, а пока почищу», — решил он и принялся тереть туфли своей рубашкой. Въевшуюся пыль он соскреб пальцем, а куда палец не доставал — выдул.

— Напрасно хозяйка привезла туфли в деревню, — бормотал он. — Неужто не знала, какая тут пылица? Это ей не город. А если уж привезла, так держала бы в сундуке.

Потом он стал рассматривать свою рубашку, которую ему подарила хозяйка.

— Разве рубашка лучше туфель? Нет, туфли красивее, а их не жалеют, ходят в них по пыли.

Манохар потрогал нежные ножки девочки.

Ночной воздух становился прохладнее. Застывшая в небе луна заливала светом весь двор. Манохар сидел неподвижно и смотрел на красные туфли.

Листья деревьев... горячая пыль... скрипящие ботинки Раму и густо смазанные ореховым маслом башмаки хозяина...

— Нет, нет, — снова забормотал он. — Я куплю себе такие же красные туфли. Только ходить в них ни по пыли, ни по камням, ни по росе, ни по грязи не буду. А когда пойду на чью-нибудь свадьбу, буду в них, пока невесту провожают до дома жениха, а потом сразу сниму. Нет, нет! Еще украдут!..

Голова его склонилась к кровати возле ног девочки. В полусне Манохар обхватил их рукой и погрузился в сладкий сон, мечтая о туфлях, как мечтает о своем возлюбленном юная красавица.

Проснулся он от голоса молодой хозяйки и очень удивился, что уже утро. Он так и проспал сидя всю ночь. С минуту Манохар смотрел на башмачки, болтающиеся возле самого его лица.

«Ой! Ведь хозяйка велела их снять!» — вспомнил он и испугался.

Но хозяйка стояла рядом и, улыбаясь, смотрела на него так, как еще никто никогда не смотрел на Манохара.

— Что же это ты? Всю ночь так с туфлями в руках и просидел! Ох и глупый ты, Манохар! Пойди умойся. А ты поел вечером?

Манохар молчал.

— Что же ты не отвечаешь? Ну ладно, поди умойся, спроси у госпожи лепешки и поешь. Я оставила тебе чай.

Манохар пошел мыться, но вдруг вспомнил, что сейчас будут разувать девочку. Поскорее ополоснув лицо, он прибежал обратно, но хозяйка уже сняла туфельки. Увидев Манохара, она снова засмеялась:

— Ты так привязался к девочке, что даже умываешься кое-как. Ты же прямо ни на шаг от нее не отходишь, дурачок! А ведь завтра мы отправляемся в Дели. Что будешь тогда делать?

Она снова рассмеялась, но сердце ее сжимала печаль: о чем так горюет этот мальчик? Вздохнув, она встала и вышла из комнаты, бросив на ходу Манохару:

— Скажи служанке, пусть переменит девочке платье, а потом приведи ее ко мне. Я дам ей молока и тебя покормлю.

Манохар отвел девочку к служанке. Торопливо одевая ее, та ворчала:

— Обуешь ее сам, у меня и без того хлопот полон рот. Уж эти мне богачи! Всегда на тебя уйму дел взвалют! А как эта появилась, так и вовсе покоя нет. Работаешь, работаешь — хоть разорвись. Сама, что ли, не может переодеть?

Ничего не ответив, Манохар забрал девочку и вернулся в спальню.

Потом снял с себя рубашку, расстелил на полу и посадил девочку лицом к себе. Повертев туфельки в руках, Манохар, хмурясь, принялся надевать их на нежные ножки. Но девочка вырывалась: «Будь лошадкой, Манохар, будь лошадкой!» — и ремешки запутывались у него в руках.

Тогда Манохар уселся поудобнее, взял девочку на колени и, удерживая ее одной рукой, другой попытался надеть туфли. И опять ему это не удалось. Туфли снова и снова выскальзывали у него из рук, и он вытирал их о дхоти. Девочка подпрыгивала и смеялась.

В комнату, держа в одной руке стакан молока, а в другой поднос с чаем и лепешками, вошла молодая хозяйка.

— В чем дело, Манохар? Служанка сказала, что девочка уже давно переодета и что ты пошел ее обувать. Так ты до сих пор только этим и занят? А зачем же ты расстелил на полу рубашку? — Она чуть нахмурилась, но лицо ее оставалось добрым и ласковым, как всегда. — Только вчера надел, а уж всю перепачкал. Разве я ее тебе для того дала?

Манохар молча встал, поднял рубашку и направился к двери, но хозяйка его остановила:

— погоди, я тебе принесла поесть. Садись, ешь.

Манохар был поражен: есть в доме! Что будет, если увидит старая хозяйка? Ни слова не говоря, он взял поднос и вышел. Молодая женщина обула девочку, напоила ее молоком и, держа за руку, вышла из дому.

Манохар стоял, возле двери и торопливо жевал лепешки: опять он не увидел, как надевают туфли!..

Ночью Манохар долго не мог заснуть. Спала девочка, рядом с ней спала ее мать, у постели стояли туфли. «Завтра они уезжают, — думал Манохар. — И девочка уезжает, а вместе с ней — туфли...» Он смотрел на туфли и мечтал: «Хорошо бы за ночь вырасти. Тогда

бы я завтра поехал с хозяйкой в Дели. Заработал бы денег и купил себе красивые красные туфли».

Манохар протянул руку и осторожно придвинул туфли к себе. Потом встал и пошел к окну: при свете луны он рассмотрит их лучше, рассмотрит в последний раз...

Молодая хозяйка вздрогнула и открыла глаза: ее разбудил грохот медного таза. Это Манохар задел накрытый тазом кувшин с водой.

Она открыла глаза и увидела, как мальчик поспешно отошел от окна, как поставил на место туфли, как лег, свернувшись калачиком, на пол. И она поняла наконец, о чем он печалится...

Утром молодая хозяйка долго смотрела на спящего мальчика, на его усталое лицо, на следы слез на щеках. Потом разбудила Манохара.

— Вставай, собирайся, пойдешь с нами на станцию.

Сборы не отняли у Манохара много времени. Он торопливо натянул рубашку, не отходя от девочки. «Сегодня-то я увижу, как надевают туфли!» Но хозяйка вдруг сказала:

— Ну что ты стоишь, Манохар? Поди на кухню да взгляни, как там пури [\[39\]](#). Они уже, наверно, готовы.

А сама взяла девочку за руку и пошла за туфлями. Так Манохар ничего и не увидел.

До станции было две мили. Они шли к ней рано утром, солнце пекло не очень уж сильно. Но Манохар все посматривал на деревья, стоящие вдоль дороги. Ведь на обратном пути ему понадобятся их листья: солнечные лучи будут обжигать, как кипящее масло, а от раскаленной пыли ноги будут гореть, как от укусов пчел. Он уже не вспоминал о туфельках девочки, о скрипящих туфлях Раму и о башмаках хозяина. Он ни о чем не думал, он думал только о больших листьях дерева палаш. Даже в такой зной они оставались

зелеными, как крыло попугая. В их тени могли укрыться животные, а Манохар мог привязать их к подошвам и спокойно шагать по раскаленной пыли. Недаром же он прихватил с собой обрывки веревки, унесенные тайком из дому. Пришлось припрятать их от старой хозяйки: она считала эту выдумку баловством.

— Наряжаешься? — ехидно спросила она как-то. — Твоему отцу и в голову не пришло бы цеплять что-то на ноги, а он, видите ли, не может ходить босиком!

Так думал Манохар, когда шел на станцию. А на станции молодая хозяйка, улыбаясь, зашла вместе с ним в лавку, и вышел он оттуда с большой белой коробкой. А в коробке лежали туфли.

Домой Манохар шел по самой жаре, по огненной, раскаленной пыли. Под мышкой он держал драгоценную коробку. Ведь дорога была пыльной и грязной, на ней попадались камни. Так что туфлям, его собственным, ярко-красным туфлям, лучше всего было лежать в коробке.

Мастарам Капур Урмиль

Поездка в цирк

Наступили каникулы — для них это были первые каникулы, — и теперь две сестры, Анджу и Манджу, с утра до позднего вечера носились по двору. Часов семь на сон, минут пятнадцать на еду, на все эти завтраки, обеды и ужины, остальное время уходило на игру.

В конце концов двор им показался тесен, и однажды Манджу — она всегда была заводилой — сказала:

— Хочешь, поедem в цирк? «Каннаут-саркас» называется — цирк Каннаута. Ну как, согласна?

— В цирк без билета, наверно, не пустят, — отвечала осторожная Анджу. — А на билет надо деньги. Где ты их возьмешь?

— Какие еще деньги? — возмутилась Манджу. — Маленьких пускают бесплатно. Я ходила как-то в цирк с папой. Так он покупал билет только для себя. Вот так-то!.. А какие в цирке звери! Тигры, слоны, медведи! И все дрессированные!.. Мы в тот день не досмотрели: отец торопился куда-то... А теперь мы бы сами поехали. Ты ведь никогда еще не была в цирке?

И Манджу принялась объяснять сестре, как добраться до цирка.

От их дома «Каннаут-саркас» очень далеко, поэтому они поедут туда на автобусе, где, конечно, без билетов не обойтись. Но автобусных билетов у нее хоть отбавляй. В доказательство Манджу открыла свою сумочку и показала сестре содержимое. Сумочка действительно была полна билетов: каждый вечер, вернувшись с работы, отец торжественно вручал дочери два автобусных билета, все их Манджу сохранила, ни одного не потеряла, и теперь они могли пригодиться.

Вообще-то сестры были как-то раз с матерью в Дели, месяца полтора назад, но, кроме трех лавок, куда водила их мать, ничего рассмотреть они не успели! А мать не раз говорила им, что Дели — очень красивый город. В Дели есть Красный форт — глаз не отведешь, а еще высоченная кирпичная башня, называется Кутуб-минар, и много-много другого. Но девочки еще ничего не видели: отец с матерью всегда были чем-то заняты...

Теперь-то они все увидят! Девочки незаметно выскользнули за калитку. Не успели они выйти на улицу, как вдали показался автобус.

— Бежим! — крикнула сестре Манджу. Когда-то еще другой придет!

Когда, задыхаясь, они добежали до остановки, там уже стояло три автобуса: два красных, один голубой.

— К «Каннаут-саркасу» идет вот этот, красный, — уверенно сказала Манджу. — В тот раз мы на таком же ездили.

В автобусе почему-то никого, кроме кондуктора, не было. Толкаясь и мешая друг другу, девочки влезли в автобус и, пройдя вперед, уселись на жесткое сиденье. Прямо под ними урчал мотор. К девочкам тут же подошел кондуктор.

— Куда едем, малышки? — спросил он.

— До «Каннаут-саркаса», — храбро отвечала Манджу.

— Тогда вам придется сойти и пересесть в другой автобус, — сказал кондуктор, меняя табличку на ветровом стекле, — Наш автобус отправляется в парк.

Сестры молча вышли из автобуса и бросились к тому, что стоял сзади. Автобус был набит до отказа: в проходах плотной стеной стояли люди. Девочки, ловко, как ящерицы, скользя между людьми, пробрались вперед. Кондуктор громко выкрикивал названия остановок и распахивал двери — люди выходили и

входили, автобус катил дальше. Наконец кондуктор выкрикнул:

— Синдхия-хаус, Каннаут-саркас!

Девочки заторопились к выходу: здесь выходило много народу и сестры боялись не успеть. Толпа оттерла Анджу к кондуктору.

— А где твой билет, девочка? — строго спросил кондуктор, пожилой человек в очках и в тюрбане.

— Ее билет у меня! — подала голос Манджу, она уже была у выхода и стала открывать свою сумочку.

— Ладно, ладно, вижу, — устало махнул рукой кондуктор. — Выходите, да поживее!

Сестры выскочили из автобуса и остановились в растерянности. По обеим сторонам улицы возвышались белые здания с нарядными витринами магазинов, гудели машины, шли люди. А цирка не было.

Сестры решили перейти на другую сторону, но их остановил какой-то пожилой человек.

— Разве сейчас можно переходить? — строго спросил он у Манджу. — Видишь, что там написано?

И показал на табличку под козырьком, прикрепленную к столбу. На табличке горела надпись: «Стойте!»

— Ты в каком классе учишься? — продолжал расспрашивать незнакомец.

— Перешла во второй, — несмело отвечала Манджу.

— Ну все равно, пора бы знать: пока на табличке не загорится зеленая надпись «Идите», улицу переходить нельзя. А тех, кто нарушает это правило, забирает полиция.

Услыхав про полицию, Манджу испугалась, но в это самое время зелеными буквами загорелась надпись «Идите», и все, кто стоял на тротуаре, стали переходить улицу. Девочки поспешили вслед за взрослыми.

Похоже, что они оказались в самом центре Дели. В зеркальных витринах магазинов был разложен товар: черные блестящие лаковые туфли, цветные шелковые сари, удивительные игрушки, корзины с фруктами и много-много другого. Но сестрам было некогда. Взглянув на очередную витрину, они спешили дальше. Их влекло совсем другое: они приехали сюда не затем, чтобы любоваться на все эти тряпки, они приехали в цирк «Каннаут-саркас», чтобы посмотреть на дрессированных тигров, львов и медведей...

Но вот, обогнув весь центр, они вновь оказались на том самом месте, где они пересекали улицу. Куда же пропал этот цирк «Каннаут-саркас», где показывают дрессированных зверей? Девочки недоуменно переглянулись. Что делать? Наконец, набравшись смелости, Манджу подошла к одному из пешеходов.

— Скажите, пожалуйста, где здесь показывают дрессированных зверей? — робко спросила она.

— Каких еще зверей? — удивился тот. — Нет тут никаких зверей! Делать им здесь нечего! Зверей показывают только в цирке.

— Мы в цирк и приехали. «Каннаут-саркас» называется — цирк Каннаута!

Пешеход расхохотался.

— Эх вы, глупышки! — наконец проговорил он, утирая слезы, выступившие на глаза. — Каннаут-саркас — это название того самого места, где мы находимся. «Саркас» ^[40]по-английски обозначает не только «цирк», но и «круг». Видите, все здания в центре стоят кольцом, окружают площадь. И кольцу этому дали название в память человека по имени Каннаут. Вот и получилось Каннаут-саркас. А цирка здесь никогда и в помине не было.

Прохожий смеялся, а девочкам было не до смеха, обескураженные, они молча зашагали дальше. И вдруг

Манджу дернула за лямку передника шедшую впереди сестру. Анджу оглянулась. Сестра испуганно показывала ей на большую урну, стоявшую на краю тротуара. На урне большими буквами было написано: «Сплевайте сюда!»

— Видишь, Анджу? Надо плюнуть, а то заберет полиция. — И сестры по очереди плюнули в урну.

Они устали и проголодались, и сейчас им хотелось одного — побыстрее вернуться домой. И тут, точно по заказу, к остановке подкатил долгожданный красный автобус. Девочки бросились к двери. Народу и в этом автобусе было много, но им уступили место.

Немного погодя к ним подошел кондуктор.

— Приобретайте билеты, — привычно сказал он.

— А у нас есть билеты, — спокойно отвечала Манджу.

— Покажите.

Манджу открыла свою сумочку и, вынув оттуда два билета, протянула кондуктору. Взглянув на билеты, кондуктор улыбнулся.

— Кто вам дал эти билеты?

— Наш папа, — за обеих отвечала Манджу.

Сидевшие рядом пассажиры рассмеялись. Манджу на миг растерялась, но тут же взяла себя в руки.

— Если вам не подходят эти, у меня есть другие, — сказала она. — У меня много билетов.

На этот раз вместе со всеми рассмеялся и строгий кондуктор.

— Ну ладно, куда же вы едете? — спросил он, когда смех немного утих.

— Домой.

— А где ваш дом?

Адреса своего Манджу не знала. Она помнила лишь одно — рядом с их домом лавка, принадлежавшая человеку, которого они называли не иначе как дядюшка Джумман.

— Где наш дом, говорите? — повторила Манджу. — Рядом с лавкой дядюшки Джуммана.

— Ну, а где эта лавка? Я же не знаю.

Девочки изумленно переглянулись.

— Вы куда ездили? — поинтересовался сидевший рядом пассажир.

— В цирк. Смотреть дрессированных зверей. А там нет никакого цирка. Одни только игрушки в витринах. Называется Каннаут-саркас, а цирка нет.

При этих словах автобус, казалось, даже качнуло от взрыва хохота...

На остановках из дверей высыпали люди, автобус принимал новую партию пассажиров и плавно катился дальше. Девочки вертели головами, стараясь не пропустить знакомую вывеску на лавке дядюшки Джуммана, но лавка будто сквозь землю провалилась. На конечной остановке автобус опустел. В салоне остались только они да кондуктор.

— Итак, лавка дядюшки Джуммана по пути нам не попадалась, — заговорил кондуктор. — Что же мы будем делать дальше?

Девочки переглянулись, на глазах у обеих были слезы.

— Ну что ж, пойдемте, — вздохнул кондуктор. — Придется, видно, идти в полицейский участок.

Смена его уже кончилась, но уйти домой он не мог: не бросать же на произвол судьбы двух перепуганных девчушек...

Услышав, что кондуктор собирается сдать их в полицию, сестры расплакались. Кондуктор сунул им по конфетке, взял сестер за руки и привел в ближайший полицейский участок.

При виде красного тюрбана на голове у дежурного, сестры залились пуще прежнего. Дежурный принялся угощать их бананами, но это не помогло — девочки продолжали плакать. Тогда он махнул рукой, вынул

лист чистой бумаги и принялся составлять протокол. Когда он спросил, как их зовут, сердце у Манджу екнуло, а по спине пробежали холодные мурашки: теперь-то их непременно отправят в тюрьму!

Девочки разревелись еще громче. Вместо них ответил кондуктор. Он назвал их имена и добавил, что адреса своего девочки не знают.

Дежурный задумчиво почесал в затылке, а потом сказал кондуктору:

— Возьми-ка ты их к себе домой, брат. А я тем временем свяжусь по телефону со всеми полицейскими участками и постараюсь разыскать их родителей.

Кондуктор согласно закивал головой, и слезы на глазах у девочек тотчас же высохли.

Взяв незадачливых путешественниц за руки, кондуктор отправился домой. Все втроем снова сели в красный автобус. Через полчаса они вышли. И вдруг Манджу радостно закричала:

— Эй, да это же лавка дядюшки Джуммана!

— Вот чудеса! Значит, вы тоже из этих мест? — удивился кондуктор. — Ну, показывайте, где живете.

— Вот в том зеленом доме, — показала Анджу. — На втором этаже.

— Вот это да! — еще больше удивился кондуктор. — А я живу вон в том переулке. Только на первом этаже. Знать надо соседей-то, — усмехаясь, добавил он.

Девочки вместе со своим спасителем двинулись к дому. Еще издали они увидели, что у ворот стоит отец и, отчаянно жестикулируя, что-то говорит собравшимся вокруг соседям. Манджу лихорадочно обдумывала, что сказать в оправдание, но кондуктор опередил ее: он окликнул отца и тут же все ему рассказал. Отец слушал и смеялся. Вместе с ним смеялись соседи. А вечером Манджу и Анджу дали честное слово отцу и матери, что никогда больше не будут ездить в город без взрослых.

Мальти Джоши

Испытание

Джоти принесла из кухни чайник и, ставя его на стол, взглянула на папу. Он сидел понутив голову.

— Как ты думаешь, маме лучше? — спросила девочка.

— Об этом говорить рано, наверное: после операции прошло несколько часов, — ответил отец. — Но врачи уверяют, что все будет хорошо, и мама скоро вернется домой.

— Тогда почему ты такой печальный? И ничего не ешь?

— Устал я, Джоти. Всю ночь не спал. Да и куда мне столько? Ты же наложила мне целые горы. — Отец кивнул на тарелки с лепешками и фруктами.

— Но у тебя с утра во рту ни крошки! А поэтому отставить разговоры и вмиг очистить посуду! — шутливо скомандовала Джоти и налила отцу чай.

— Настоящий начальник! — засмеялся отец, подвигая к себе чашку. — Совсем как мама.

Джоти улыбнулась, но тотчас же на ее глаза навернулись слезы.

— Что ты, глупышка? Ведь знаешь: операция прошла удачно, бояться больше нечего, — стал успокаивать дочку отец и, ласково похлопав ее по плечу, сказал: — Отнеси-ка лучше в больницу таблетки и ампулы для уколов. А я немного вздремну.

Джоти подпрыгнула от радости: она увидит маму! С той самой ночи, когда маму увезли в больницу, девочка все время видела перед собой ее искаженное болью лицо. И хотя Джоти старалась казаться спокойной, чтобы не тревожить младших братьев, Малая и Винам, сердце у нее разрывалось от страха и жалости.

Когда Джоти, переодевшись, вернулась в столовую, отца уже не было. Осторожно уложив лекарства в корзиночку, она полезла в карман отцовского пиджака, чтобы достать ключ от сарая, где стоял велосипед, и ахнула от неожиданности: рука вылезла наружу.

— Папа, воры разрезали твой пиджак! — крикнула Джоти, влетая в спальню.

Отец, он уже был в постели, отвернулся. Не в силах унять дрожь в коленях, девочка присела на край кровати.

— Так ты знал об этом? Когда это случилось? Сколько было денег? А еще что украли? — сыпала она вопрос за вопросом.

Долго сдерживаемые слезы потоком хлынули из глаз.

Отец сел в кровати и, ласково глядя Джоти по голове сказал:

— Не плачь, детка. Слезами горю не поможешь.

— Почему ты ничего не сказал мне?

— Не хотелось расстраивать. Пятьсот рупий — сумма немалая. — Из груди отца вырвался тяжелый вздох.

— Где ты взял столько денег? В долг?

— Да...

— А как же теперь с лекарствами?

— Не волнуйся, дочка. Я уж их купил и еще достану сколько потребуется. Деньги нужны были не на лекарства, а на другое: я решил пригласить кого-нибудь из тетушек присмотреть за малышами, помочь по хозяйству... Ну, хватит об этом. Отправляйся в больницу да смотри, не проговорись маме.

— Не бойся, папа.

Джоти пошла в больницу пешком: ведь ключ от сарая украли тоже... Всю дорогу ее одолевали тяжелые думы. Мамина болезнь — такое несчастье, а тут еще эта кража! Девочка хорошо понимала, каково сейчас на

душе у отца. Денег нет, а родственников положено встречать как следует, да еще, по обычаю, в день расставания, перед самым их отъездом, надо преподнести им подарки.

Конечно, совсем неплохо, если бы приехала тетя Нилу. Но тетушка, увы, никогда не приезжает одна, без своих четверых детей — сущих бесенят, которые в мгновение ока переворачивают весь дом вверх дном. В прошлый раз мама только и делала, что прибирала за ними. Стоит им опять заявиться, как Джоти уже не сможет спокойно сидеть в школе: она будет думать, что там еще натворили эти дьяволята. А шум и гам они учинят такой, что тишина станет казаться недостижимой мечтой...

Тетя Сародж — добрая, полная и мягкая, как подушка, приезжает она всегда одна, потому что детей у нее нет. Но помощи от нее не дождешься. При одном упоминании о работе ей становится плохо. Даже чай приготовить для нее проблема. Только и слышишь: «Джоти, подай спички!.. Дочка, подбрось дров в печку!.. Принеси сахар!..»

Честное слово, легче все сделать самой.

Есть еще одна тетя, которую все зовут просто «тетушка». У нее, как и у тети Сародж, нет детей, но во всех остальных отношениях она полная ей противоположность. Язык у нее такой острый, что все боятся его. Ни одна служанка не уживается у нее в доме. Покончив с домашними делами, она выскакивает на улицу, чтобы и там повсюду сунуть свой нос. Если не поругается с кем-нибудь, так спать спокойно не сможет! Когда родился Винай, она прожила у них два месяца.

И хотя с того времени минуло несколько лет, воспоминания о тех днях живы еще до сих пор...

Джоти подумала обо всем этом и приняла решение.

Она не раз бывала в больнице. Здесь родилась и она сама, и оба ее братика. Медицинские сестры хорошо знали Джоти и сразу же провели ее в палату, где лежала мать.

Мать спала. Джоти села на табурет и долго смотрела на бледное, осунувшееся лицо, такое усталое и грустное. Потом она встала и отправилась в обратный путь.

Дома Джоти рассказала отцу о своем решении. Они не станут обращаться за помощью к тетушкам. Лучше они поищут домашнюю работницу. А пока она сама присмотрит и за братишками и за домом.

Отец долго возражал, но потом сдался: ведь, помимо всего прочего, стоит приехать гостям, и учеба у Джоти и Малая пойдет прахом.

На следующий день стало ясно, что Джоти не хвалилась, когда говорила, что сможет обойтись без тетушек. Она встала чуть свет, быстро умылась, разожгла печь, приготовила чай, отварила рис с бобами и напекла лепешек. Малай натаскал воды из колодца и сбегал на рынок за овощами. Даже малыш Винай и тот решил не отставать от сестры. Он взял картофель, сваренный «в мундире», и с важным видом принялся его чистить.

Обычно по утрам отец сидел в садике за домом и просматривал свежую газету. Но на этот раз, когда Джоти позвала его к столу, оказалось, что он гладит ее школьную форму. Джоти принялась было объяснять, почему не успела погладить платье, но отец заявил, что отныне следит за одеждой он.

Завтрак прошел весело. Мальчишки за обе щеки уплетали лепешки, отец хвалил бобы, а Джоти смеялась от радости. Правда, потом она вдруг вспомнила, что забыла приготовить лепешки с фруктами для школы, но отец дал денег на буфет, и проблема была решена.

По дороге в школу Джоти отвела Виная в детский сад, а после уроков забрала брата домой.

Вечером было решено: по утрам Джоти будет готовить не полный завтрак, а отдельные блюда: например лепешки с овощами или хлеб с картофельными котлетами.

Так и повелось. Утром в кухне хозяйничала Джоти, а по вечерам ей помогали отец и братья. Навещающая мать, четверо с гордостью докладывали ей о своих последних достижениях в области кулинарного искусства.

Как-то раз, оторвав очередной лист календаря, Джоти увидела, что сегодня — день рождения отца.

Джоти решила приготовить по этому случаю его любимое блюдо — сладкую рисовую кашу. Но рис простоял на огне целый час, а мягче так и не стал. Джоти сбегала за соседкой тетушкой Бимлой. Та взглянула на рис и засмеялась.

— Глупышка! — сказала она. — Кто же заранее кладет сахар? Это надо делать только после того, как рис начал развариваться.

И Джоти пришлось начинать все сначала. Конечно, жаль было пропавших продуктов, но зато каша, приготовленная по рецепту тетушки Бимлы, удалась на славу!

Вести хозяйство — дело хитрое.

Надо печь лепешки — в доме, оказывается, нет муки. Пора ужинать — кончилось топленое масло и сахар. Не заквасили вовремя молоко — и оно не скисло. Потом в мыльницу попала вода — и мыло превратилось в жидкую кашу. Как-то не спрятали вечером сыр в шкафчик, а крысы тут как тут — все утащили. Пора сходить в прачечную за бельем — а квитанция словно сквозь землю провалилась. А тут книги на полках покрылись пылью, их все до одной нужно протереть тряпочкой.

Да еще не забыть пришить пуговицы к папиной рубашке...

А когда, казалось, все переделано, Джоти замечала, что у Виная отросли ногти, а Малаю нужно постричься. С Винаем, конечно, проще: взяла ножницы, чик-чик — и готово! Заставить же Малая сходить в парикмахерскую — целая история: ему страсть как не хочется расставаться со своей шевелюрой.

От забот у Джоти голова шла кругом. Не раз она спрашивала себя: «Как же со всем мама управлялась?»

Рано утром, прежде чем приняться за домашние дела, Джоти садилась за свой стол, чтобы доделать школьные задания. Но она все равно не могла не думать о хозяйстве. А к вечеру так уставала, что глаза слипались сами собой, когда Джоти открывала учебник. И папа отправлял ее спать.

С самого первого класса Джоти была отличницей. Теперь же она все чаще отвечала учителю невпопад. Преподавательница английского даже сделала ей замечание:

— Джоти, тебе не кажется, что ты стала с прохладцей относиться к домашним заданиям?

Джоти ничего не сказала в свое оправдание, но, вернувшись домой, горько плакала.

Наконец нашли домработницу. А через несколько дней, ко всеобщей радости, выписали маму. Но забот у Джоти не убавилось. И прислуге надо было помочь, и за мамой поухаживать. Врачи не разрешали матери вставать с постели, и Джоти приносила ей тазик с водой, чтобы она могла умыться, и, как ребенку, помогала ей переодеться или причесаться. Джоти мерила матери температуру, давала лекарства и собственноручно готовила специальные блюда.

Через две недели врачи разрешили матери ходить по дому. А еще через несколько дней она смогла уже присматривать за хозяйством.

И тогда Джоти засела за учебники, полная решимости наверстать упущенное и сдать экзамены за восьмой класс, как и прежде, на «отлично».

В мае классная руководительница зачитала экзаменационные оценки. Увы, Джоти уже не была отличницей. А ей так хотелось, чтобы и в этом году учительница сказала, что она лучшая в классе! Первое место по успеваемости заняла Кумуд Тамбе, которая давно соревновалась с Джоти, второе — Налини Шастри, а она, Джоти, лишь третье.

Джоти было очень обидно, но она сдержалась и, подойдя к Кумуд и Налини, поздравила их.

Когда Джоти подошла к дому, на нее налетел Малай.

— Ты слышала? — кричал он, размахивая табелем, — Я занял пятое место в классе!

Рядом прыгал Винай, громко верещал, точно кузнечик. Джоти ласково обняла братьев, прошла с ними в дом и сразу же направилась в свою комнату: не хотела огорчать мать.

Отец, вернувшись с работы, первым делом окликнул Джоти, но вместо нее к нему подбежали Малай и Винай. Малай скороговоркой выпалил свои оценки, а Винай начал быстро-быстро что-то рассказывать.

— А где сестренка? — перебил его отец. — Неужели все еще в школе?

Из своей комнаты вышла мама.

— Джоти у себя, — сказала она. — Наверное, переживает из-за отметок. Я подумала: пусть немного побудет одна, успокоится, тогда и зайду к ней.

— Дочка! Доченька! — громко позвал отец и вместе с матерью вошел в комнату дочери.

Джоти сидела грустная, с низко опущенной головой.

Отец надел ей что-то на запястье и взял со стола табель. Джоти взглянула на руку и увидела блестящие, изящные часики.

— Ох, папа! — сказала она и заплакала.

— Что ты, дочка! — произнес отец дрогнувшим голосом. — Стоит ли расстраиваться? Оценки у тебя совсем неплохие, а если немного похуже, чем раньше, то ты в этом не виновата. На твою долю выпало тяжелое испытание. И ты с честью его выдержала. Вот я и решил выполнить наконец свое обещание и купил тебе часы. Ты заслужила этот подарок.

И Джоти вдруг успокоилась, на душе у нее стало радостно и легко, как будто она и на этот раз оказалась

лучшей ученицей в классе.

Пудумейпиттан Блаженный сон

Раму восемь лет. Но для своего возраста он слишком слаб. Он маленького роста, худой как щепка и вечно хворает. Дома его излишне опекают: «Не ходи туда, не ходи сюда!» Чтоб он когда-нибудь послушался? Да ни за что!

Когда матери нездоровится — а это случается довольно часто, — Раму приходится бегать в лавочку, делать кое-что по хозяйству: не отцу же заниматься стряпней — он уходит на службу. А откуда взять время, чтобы выучить урок, приготовить домашнее задание?! Просит отца зайти в школу, объяснить учителям, что и как, а тот отказывается, говорит: «Некогда». Ясное дело, ему-то не влетает от учителя!

Вот и сегодня такая же история. Страх подсказывает Раму, что лучше бы не ходить в школу. Но разве он смеет не пойти?..

Пока учитель углубился в книгу, мальчик осторожно прокрадывается на свое место. Но этот коршун успел заметить его.

— Эй, Рамасами, сколько раз я тебе говорил: не входи, если опоздал! Почему ты сел? Сейчас же становись на скамейку... [\[41\]](#) Домашнее задание принес?

Молчание.

— Ах ты паршивый щенок! Думаешь, это тебе сойдет? Иди сюда!

Раму нерешительно мнетя на месте.

— Я же сказал: иди сюда... Ты еще упрямишься? — Учитель тащит его к столу. — Руку!

— Завтра я принесу задание, сар [\[42\]](#).

— Завтра я тебя и пощажу. А сейчас давай руку! Ну!

— Ой! Больно, сар! Не бейте меня, сар!

— Для того и бьют, чтобы было больно.

Трах! Трах! Трах! Побоище заканчивается.

— Становись на скамью.

А сколько уроков еще впереди! Сколько учителей! И все они, один за другим, пробуют свою силу на Рамасами.

Урок географии. Учитель входит в класс, надевает очки, снимает тюрбан. Боже, какая у него линейка!

— Кришна! Назови северную границу Индии.

— Гималаи, сар.

— Эй ты, Пичча, встань! Южная граница?

— Бенгальский залив, сар.

— Что-о?..

— Нет, нет, сар... Арабское море, сар... Индийский океан, сар.

— Эй, Рамасами, урок учил? Главный город Индии?

Раму тихо выдавливает из себя:

— Дели.

— Как?

— Нет, сар, нет, сар!

— Что глазами хлопаешь? Выучить надо было. Подойди сюда. Покажи столицу.

По карте Индии блуждает тоненький палец. Глаза скошены на палку.

— Ну!

Трах! Линейка опустилась на дрожащие руки.

— Ма-ама!.. Мамочка!

— Я тебе покажу маму. Пошел вон, осел! Стой за дверью и учи урок.

Теперь Раму уже большой. Он сидит на стуле. В руках у него увесистая дубина. На голове тюрбан. Очки... Какое чудесное превращение!

С учебником и грифельной доской, словно маленький мальчик, приближается к нему робкими шажками учитель географии.

«Ах ты шелудивый пес! Опять опоздал! Подойди сюда. Вот тебе, негодяй! Каково? Ты меня линейкой, а я тебя дубиной».

Учитель географии заливается слезами.

«Иди за дверь, учи урок. Пока не ответишь, будешь торчать в школе».

Раму раздражается торжествующим хохотом...

Другая картина... Большой класс. На стуле сидит седой наставник с добрым улыбающимся лицом. На коленях у него примостился Раму.

Ласково глядя мальчика по голове, учитель спрашивает: «Почему ты сегодня опоздал? Разве можно так поздно приходить? Это скверная привычка. Ну, поешь ладду, мой хороший! А теперь скажи, какой главный город Индии?» — «Дели». — «Молодец, только не робей, ты славный мальчик. А этого учителя географии, смотри, мы швырнули в яму. Не бойся: я с тобой...»

Трах!

— Я тебе велел учить урок, а ты спать, щенок?

Трах!

— Я не спал, сар. Дели — главный город, сар. Ой-ой-ой! Ай-ай-ай! Бо-о-льно!..

Нарайон Гонгопадхай Футбольный матч

Гол забил я. Даже и сейчас еще слышны ликующие вопли:

— Да здравствует Паларам! Гип-гип-ура!

Эх, а ведь в эти минуты меня бы могли тащить с торжеством на плечах, а потом еще угостить на славу в какой-нибудь лавчонке или в закусочной! Но вместо того меня терзают комары, назойливые и неотвязные. Хотел было убить одного, да так стукнул себя по носу, что искры из глаз посыпались. А ведь заплакать-то нельзя. Вот и сижу в болоте, а вокруг комары трубят в свои трубы.

— Да здравствует Паларам! — снова слышалось вдали.

Какой-то наглец комар вонзил свой острый хоботок в мою правую щеку. Бац! Я с такой силой шлепнул себя по щеке, что голова закружилась. Пожалуй, сам учитель арифметики Гопи-бабу не сумел бы закатить такую оплеуху. Я чуть не взвыл от боли, но вовремя удержался. Еще добрый час придется мне торчать в этих комариных кустах. Нечего и думать, что удастся выбраться отсюда до наступления темноты.

— Да здравствует Паларам! — донеслось до меня в последний раз.

Паларам — это я. Вообще-то я парень здоровый, но временами бывают у меня приступы какой-то странной болезни, и тогда я пью сок из листьев дерева васаки.

Я активный член нашего футбольного клуба «Гром». Правда, сам я не футболист, но зато знаменитый болельщик. Если наша команда забивает гол, я потом целую неделю разговариваю хриплым шепотом.

А уж если мы вдруг выигрываем — чего почти никогда не бывает,— то у меня от радости начинается приступ непонятной болезни.

Все шло хорошо, пока я был только болельщиком. Несчастья начались с той минуты, когда я вышел на футбольное поле.

Нам предстояла встреча с футбольным клубом «Бродяга». Еще за три дня до игры я начал разучивать классическую мелодию, подыгрывая себе на сломанной фисгармонии младшей сестры. Я, конечно, вовсе не собирался стать певцом, а просто хотел научиться вопить без перерыва в течение всего матча. Однако, увы, мои музыкальные занятия продолжались недолго, ибо в комнату, яростно потрясая каким-то толстенным учебником, ворвался старший брат.

Ну ладно... Дальше — больше. Когда мы пришли на стадион, нас ожидало ужасное известие.

Лучшими игроками в нашей команде были два брата — Бхонту и Гхонту. Они великие мастера драться на палках и отлично играют в защите. Если уж ударят по мячу, так заодно и центрального нападающего противника собьют. А сколько ног переломали оба брата, невозможно сосчитать.

Но вот теперь они подставили хорошенькую подножку собственному клубу, и клуб захромал сразу на обе ноги.

Есть у братьев в Бенаресе дядя. Конечно, где он живет, это его личное дело, но неужели он не мог выбрать другого дня для свадьбы?

Телеграмма пришла сегодня в полдень. И предатели Бхонту и Гхонту вприпрыжку понеслись на вокзал. Как говорится, без ножа зарезали.

Капитан команды Тёни-да взревел как тигр:

— Им бы только нажраться на дядюшкиной свадьбе! Подлецы! Обжоры! Предатели!

Но криком делу не поможешь, разве что душу отведешь. Игроки «Грома» скисли, как вчерашний рис. Бхонту и Гхонту с нами нет. Кто теперь спасет нас от поражения?

Центральный нападающий команды «Бродяга» Нэра Миттир на редкость косоглаз. Когда он приближается к воротам, наш вратарь Гобра совершенно теряется: никак не может понять, в какой угол ударит Миттир. Наверняка косоглазый Миттир влепит нам штуки четыре.

Что же нам делать?

Вместе с Тени-да пришел на стадион какой-то парень по имени Бходжуа. Коренастый, широкоплечий. Его позвали на случай драки.

С минуту Тени-да пристально оглядывал его, потом спросил:

— Эй, Бходжуа! Сможешь играть защитником?

Бходжуа в это время растирал бетель [\[43\]](#) с известью. Отправив горсточку в рот, он осведомился:

— А как это?

— Получишь мяч — бей. Сумеешь?

— А почему бы и нет? Еще как! Ударю по мячу, а потом по игроку! — В глазах Бходжуа вспыхнул боевой огонек.

— Нет-нет, по человеку бить не надо. Только по мячу. Уверен, что сумеешь?

— А почему бы и нет? Вчера на дороге прицепилась ко мне бродячая собака. Лает и лает... Вот я и дал ей такого пинка, что она мигом оказалась в кузове проходившего грузовика. Так и укатила на станцию...

— Кончай заливать, — облегченно вздохнул Тени-да. — Один защитник есть. Нужен еще один, еще один... — Он озабоченно посмотрел по сторонам, и вдруг взгляд его остановился на мне: — Все в порядке! Играет Пала.

— Я?

Я чуть не подавился — во рту у меня был арахис.

— Ты ведь сам говорил, что забил три гола в Шимултола. Или ты все наврал?

Конечно, наврал. Все, кому доводилось лакомиться тушеными овощами на веранде у Чаттерджи, — все обычно плели всякие небылицы.

Плел и я. Вот уж не думал, что у Тени-да, который дважды провалился на выпускном экзамене, такая великолепная память!

— И вовсе я не наврал, — пробормотал я, проглотив наконец арахис. — Мне просто нездоровится, а то бы я наверняка играл за «Гром»... Понимаешь, когда я бегаю, у меня селезенка екает...

— На то она и селезенка, чтобы екать. Протряси ее хорошенько — и, уж поверь мне, болезнь твою как рукой снимет. Иди сюда.

Тр... тр... р...

Свисток судьи. Не успел я и слова вымолвить, как Тени-да рывком втащил меня на поле. Я чуть не упал... «Ладно, будь что будет, — подумал я. — Или я, или моя болезнь! Сегодня кому-то из нас несдобровать!»

Игра началась. Я стоял в защите. Сначала я надеялся, что Бходжуа управится и без меня, но оказалось, что, кроме грозной физиономии, других достоинств у него не имеется. Когда мяч подкатился к его ногам, он ударил изо всех сил. Но по мячу почему-то не попал и растянулся во весь рост.

Хорошо еще, что вратарь Гобра был начеку, а то не миновать бы нам гола.

Сильным ударом Гобра послал мяч в центр поля. Правый крайний Хабул Сен принял мяч и устремился к воротам противника. На этот раз обошлось.

Но в футболе на одном везении далеко не уедешь! И вот уже мяч стремительно катится в нашу сторону, и ведет его не кто иной, как косоглазый Нэра Миттир.

Бходжуа спешит ему навстречу, но тот ловко обводит его, а Бходжуа налетает с разбегу на бокового судью. Но какое мне дело до Бходжуа, если у меня и без него своих хлопот хватает. Теперь между Нэра Миттиром и вратарем Гоброй остаюсь только я один! А Гобру я знаю. Уставившись в косые глаза Нэры, он разинет рот и будет стоять как пень, даже не сообразит, в какой угол ворот может влететь мяч.

— Бей! Бей! — слышу я крик Тени-да. — Пала, бей!

Мать моя Дурга! ^[44]И бить боязно, и не бить боязно!

Я все-таки бью по мячу. Удивительная вещь! Нэра Миттир хлопает глазами, а мяч летит прямо к Хабул Сену.

— Браво, браво, Пала! — кричат со всех сторон. — Чистая работа!

Значит, я и в самом деле спас свои ворота? Правда, года три назад я пробовал играть в теннис, но ни разу даже не коснулся ногой футбольного мяча, и вот теперь я остановил грозного Нэру Миттира!

Чудеса!.. Моя впалая грудь раздулась от гордости. «Тоже мне игра — футбол, — презрительно подумал я. — Стоит мне захотеть, и я бы запросто мог играть за знаменитый клуб «Моханбаган».

Но Нэра Миттир снова атакует! Должно быть, в ногах у него магнит, не иначе. Мяч так и прилипает к ним.

Дважды осрамившись, Бходжуа рассвирепел. Он снова отчаянно бьет по мячу и снова мажет. Однако и на этот раз наши ворота спасены. Нет, их спас не Гобра, а коровья лепешка на поле. Нэра Миттир вовремя поскользнулся на ней, и я тут же выбил мяч из вратарской площадки. Мяч от ноги левого крайнего «Бродяги» ушел за пределы поля.

Уверенность в своих силах все росла. А тут еще истошные вопли наших болельщиков; «Браво, Пала, молодец!»

Опять атака! И чем там только занимаются наши нападающие!

Травку, что ли, щиплют? Правый полузащитник «Бродяги», этакий плотный коротышка, с ходу бьет по мячу. Я подставляю ногу, и мяч от моей ноги летит прямо в наши ворота.

— Го-о-о-ол!.. — торжествуют болельщики «Бродяги».

Но зря они надрываются. Мяч ударяется о штангу и отскакивает в кусты. Свободный удар.

Тут Бходжуа снова отличился. Торопясь выбить мяч, он попадает ногой по штанге и, ухватившись за ступню, с воплем валится на землю.

Бходжуа получил травму. Несколько человек подняли его с земли и вынесли с поля.

Не было бы счастья, да несчастье помогло! Он так играл, что если б я мог, то сам бы с удовольствием подставил ему подножку. Штанга отомстила ему вместо меня. Но теперь я остался совсем один! Все же мы пока еще держались. Слава всевышнему — мяч больше не долетал до меня? Раза два Гобра удачно выскакивал из ворот, раза три мяч перехватывали полузащитники. Затем свисток судьи, и первый тайм кончился.

Уф, все-таки первый тайм продержались! Если бы так пошло и дальше! Селезенка у меня ноет, сердце прыгает, но со всех сторон несутся выкрики болельщиков «Грома»:

— Здорово играешь, Пала, молодец!

Даже сам капитан Тени-да и тот похлопал меня по плечу:

— Я вижу, ты первоклассный игрок!

Можно ли после этого думать о селезенке? Раздувшись от гордости, я с маху выпил два стакана лимонного шербета.

Один Бходжуа ничего не пил, он сидел мрачный, с перевязанной ногой.

Тени-да презрительно сморщился:

— А ты, Бходжуа, оказывается, первоклассный болтун! Одним ударом зашвырнул собаку на грузовик, а по мячу ни разу не попал. Эх, ты!

В глазах у Бходжуа — мрачная решимость.

Начался второй тайм. Бходжуа, прихрамывая, вернулся на поле.

Подойдя ко мне, он хмуро пригрозил:

— Ну, держись! Теперь кое-кому несдобровать!

Я взглянул ему в лицо и замер на месте: может, это он обо мне?

— О ком ты?

— Сам увидишь.

Но вот он опять приближается. Кто это «он»? Да все тот же косоглазый Миттир? Взгляд его страшен. Теперь-

то он наверняка забьет нам гол!

Бходжуа ринулся ему навстречу как бешеный буйвол. Раздался дикий вопль. Бходжуа, даже не посмотрев на мяч, ударил Нэру Миттира ногой прямо в бок, а тот недолго думая ответил ему сильным ударом в челюсть. Оба распластались на земле словно неживые.

Бходжуа отомстил, но откуда же ему было знать, что Нэра Миттир занимается боксом.

На несколько минут игру приостановили. Между командами «Гром» и «Бродяга» едва не завязалась потасовка, однако вмешались взрослые и разняли драчунов. После этого неожиданного инцидента игра возобновилась. Но ни Бходжуа, ни Нэра Миттир на поле так и не вернулись.

Понятно, что, оставшись без своего форварда, команда «Бродяга» сильно пострадала. И все же она не потеряла боевого пыла. Атаки следовали одна за другой. А этот самый коротышка — правый полузащитник — везде поспевал.

«Вне игры!» — свистит судья.

Опять нам везет.

Полузащитники «Грома» как будто разыгрались. Мне больше не приходится иметь дело с мячом. До конца игры остается минуты три.

Если удастся протянуть эти долгие три минуты, мы спасены и Паларам вернется к себе домой героем...

Черт побери! Опять этот проклятый коротышка! И откуда он только взялся? Пожалуй, он играет почище самого Миттира! Он, словно мышь, может пересечь все поле с мячом в зубах! Но сегодня команде «Гром» дико везет. Гобра бросается к мячу, но не достает его, а тот, скользя по штанге, вылетает за линию ворот.

И представляете, та коровья лепешка, из-за которой вспахал носом землю Нэра Миттир, подвела и меня. Поскользнувшись, я упал навзничь. Когда я поднялся, в ушах у меня звенело, голова будто раскалывалась...

Еще минута. До конца игры только минута! Судья посматривает на часы. Ничья? Это, конечно, великое счастье, но мне не до этого — все плывет перед глазами. Только бы не упасть, только бы выбраться отсюда!

Мяч на вратарской площадке.

До меня глухо доносится голос Гобры: «Бей, Пала...»

Вот-вот финальный свисток. В глазах — туман. Сейчас я соберу последние силы и ударю! Вот это будет удар!

И я ударил. Ударил что было сил.

— Го-о-о-о-ол!

Небо обрушилось от крика! Сначала я ничего не понял. Неужто мой удар был так силен, что мяч пролетел все поле и вылетел в ворота противника?.

Но через несколько секунд я узнал горькую истину. Гобра, раскрыв рот, ошеломленно смотрел на меня. А в сетке наших ворот застрял мяч. Казалось, будто даже и его озадачил мой фортель...

Что же было потом?

Потом я убежал и спрятался в кустах, подальше от ребят. И сейчас еще слышны издали веселые возгласы болельщиков «Бродяги»:

— Да здравствует Паларам, гип-гип-ура!

Потеккат Маленькая Хозяйка

Дождь лил не переставая уже несколько дней. Легкий туман поднимался от земли и тонкой пеленой окутывал рощи и холмы. Ровный, однообразный шум дождя нарушали только налетавшие изредка сильные порывы ветра. Серые тучи нависали так низко, что время определить было невозможно; хотя день еще не угас, сумрак над рисовыми полями, казалось, сгущался с каждой минутой.

Пока я размышлял, не наступил ли уж и в самом деле вечер, дождь вдруг прекратился, и, как только перестук его затих, воздух огласился кваканьем лягушек и звоном цикад. Чувство одиночества, свойственное обычно человеку, застигнутому ночью на безлюдье, все сильнее и сильнее охватывало меня. В сердце заползал безотчетный страх.

Время от времени где-то на северо-западе вспыхивали зарницы, будто кто-то зажигал там огромные спички, но грома слышно не было.

Места эти были мне совсем незнакомы. Случайно попав сюда в ненастье, промокший до нитки, я сбился с пути и понял наконец, что заблудился. Вокруг не было ни души. Справа от меня тянулся глухой лес, впереди лежали бесконечные рисовые поля, с двух других сторон темнели пологие холмы.

Керала [\[45\]](#) красива даже и в такую погоду, она не похожа на все другие места Индии. Но сейчас мне было не до окружающих красот природы. Холодные щупальца страха и тревоги все сильнее сжимали сердце. Тоскливо и монотонно шумели гиганты деревья в лесу. Потоки грязной, ржавой воды с шумом низвергались с ближнего холма.

Снова пошел дождь. Я подоткнул дхоти, крепко зажал под мышкой книги, раскрыл зонт и зашагал вперед, стараясь держаться дамбы, разгораживавшей поле. Но вскоре путь мне преградил канал. Пришлось остановиться. В эту минуту до меня донеслись негромкие всхлипывания. Я приподнял зонт и огляделся по сторонам: справа от меня, у самого края канала, виднелась маленькая человеческая фигурка.

Я подошел поближе. Человек, должно быть, заметил меня, потому что всхлипывания прекратились. Это была девочка лет одиннадцати, не больше. Худое темное тельце едва прикрывал какой-то ветхий лоскут. Больше на ней ничего не было. Живот у нее глубоко запал. Ребра проступали так резко, что их можно было пересчитать. Голову украшала широкополая, сделанная из листьев шляпа-зонтик, старая-престарая и походившая на настоящее решето. Из-под полей на лоб выбивались пряди темных густых волос.

Кап-кап-кап... — выстукивали о дырявую шляпу тяжелые алмазные капли дождя и, почти не задерживаясь, скользили по голому телу девочки. В руках она держала какие-то сверточки и бутылку с отбитым горлышком, наполненную, по-видимому, керосином. Из складок так называемой одежды, у самой талии, выглядывали две или три паппатты [\[46\]](#). На пальцах правой руки можно было разглядеть несколько железных колечек — ее единственные украшения.

Посиневшее от холода личико поражало неестественной худобой и бледностью, но, несмотря на это, девочка была очень красива. На меня смотрели горящие, как угольки, испуганные глаза. Маленькая незнакомка стояла неподвижно, как изваяние.

— Что ты здесь делаешь, девочка? — приветливо спросил я.

Ответа не последовало.

— Почему же ты молчишь? Может, ты ждешь кого-нибудь?

— Мне нужно на ту сторону, а перейти не могу... Если отец не дождется меня... — И она снова заплакала.

На смуглых щеках пролегли две сверкающие от слез бороздки. Подойдя ближе к каналу, я увидел, что мостика действительно нет. По-видимому, его снесла поднявшаяся от дождя вода.

— Не бойся, девочка, — постарался я утешить ее. — Я помогу тебе. А где твой дом?

— Там, за холмом, — показала она.

Я велел ей подождать, а сам пошел по берегу и метрах в двухстах обнаружил ствол упавшего хлебного дерева, служивший раньше мостом.

Мы перебрались через канал.

— Далеко отсюда до шоссе? — поинтересовался я.

— Не близко, — протяжно и серьезно ответила девочка. — Надо идти до десятого столба.

Я знал, что если даже доберусь до шоссе без особых помех, то вряд ли успею сесть на автобус, идущий в Кожикодэ. Поэтому я решил попросить приюта у своей маленькой спутницы:

— А можно у вас переночевать?

Девочка молча кивнула и улыбнулась.

— Ты меня накормишь?

— Конечно, — вдруг осмелев, ответила она.

— Как тебя зовут?

— Мани.

— Кто же у тебя дома?

— Отец и два брата. Мама умерла еще в прошлом году.

— А чем занимается отец?

— Раньше он собирал пальмовый сок. А теперь лежит... упал с дерева и сломал руки и ноги.

— Вот бедняга! — вздохнул я. — Кто же вас кормит?

Девочка не ответила.

— Что это ты накупила? — показал я на свертки.

— Соль и красный перец...

Снова полил дождь. Стало совсем темно. Мы дошли до середины поля. Тропинку уже трудно было различать. Местами она вообще пропадала, и тогда нам приходилось брести по колено в воде. Но Мани оказалась прекрасным проводником.

— Сейчас будет яма... — предупреждала она, оборачиваясь время от времени в мою сторону, — Здесь дорожку размыло... Рядом канава, осторожнее, а то угодите в нее.

Через несколько минут мы свернули на дорожку, которая привела нас к холму, и стали подниматься вверх по узенькой тропке. По обеим сторонам ее громоздились высокие скалы. Даже теперь я испытываю чувство страха при одном воспоминании об этом страшном восхождении среди крошечной тьмы, об этой петляющей среди щелей и обрывов тропке, усыпанной острыми, как лезвие ножа, камнями, которые принесли сюда потоки дождевой воды.

Ветви лиан свешивались со скал и хватали нас за одежду. Дороге, казалось, не будет конца. Время от времени я спрашивал, долго ли нам еще идти, и всякий раз девочка отвечала:

— Еще капельку...

Наконец мы поднялись на плоскую вершину холма. Я осмотрелся. Вокруг царил мрак. Месяц едва виднелся сквозь пелену облаков. И всюду, словно далекие звезды, мерцали светлячки.

Мы отыскивали другую тропинку и начали спускаться с холма. Теперь идти было еще труднее.

Вскоре Мани остановилась:

— Вот наш дом. Идите сюда. Через эту калитку.

С огромным облегчением я стал вглядываться в темноту: слева слабо вырисовывалась небольшая хижина. Оттуда не доносилось ни звука. Света в окошке

не было, очаг не горел. Мани оставила меня во дворе, положила на веранде свою шляпу и торопливо вошла в дом.

— Это ты, дочка? — прохрипел кто-то.

Мани подошла к отцу и начала что-то тихонько говорить ему. Я расслышал только слово «сартукаран» [47].

«Девочка, очевидно, приняла меня за чиновника, — подумал я. — Бедняжка! Для нее всякий человек в рубашке и пиджаке — важная персона».

Мани налила немного керосину в жестяную лампочку и зажгла ее. Слабый мерцающий огонек осветил ее улыбающееся лицо. Потом она вынесла на веранду циновку и молча пригласила меня сесть. Я снял пиджак, сел и осмотрелся.

На стене висели крюки, с «помощью которых хозяин, очевидно, взбирался на пальмы, и острый нож, которым он рассекал кору для добывания сока. Просторная веранда дышала чистотой и уютом; в земляном полу кое-где виднелись ямки, выбитые дождевыми каплями. Дверь имела настоящую раму, но сделана была из пальмовых листьев. Возле входа в хижину, у красноватой закопченной глинобитной стены, стояла подставка для лампы. Здесь же, на стене, висело несколько картинок, вырезанных из старых английских газет. Через полуотворенную дверь в слабом свете лампы, стоявшей на веранде, виднелась фигура лежащего на чарпаи человека с закутанными в какие-то тряпки ногами. С северной стороны к веранде примыкала пристройка с очагом. Передняя и задняя стены этой своеобразной кухни были сплетены из пальмовых листьев. Боковая стенка отсутствовала, на ее месте стояла клетка с курами. Иногда оттуда доносилось тревожное кудахтанье. На противоположной стороне веранды было рабочее место

Мани. Сидя здесь, она ткала из кокосовых волокон циновки. Зеленоватые волокна лежали тут же, придавленные тяжелым камнем.

В кухне у очага покачивались подвешенные к крыше бамбуковые бутылки, в которых Мани держала горчицу, семена сельдерея и другие приправы. Здесь же на нитках висели «на счастье» закопченные яичные скорлупки. Рядом с ними, на возвышении, стояли глиняные горшки и лежала кучка поджаренных плодов хлебного дерева. С другой стороны очага была расставлена кое-какая кухонная утварь.

Посредине кухни сидел голенький малыш и грыз кожуру плода хлебного дерева. Мани тотчас же отняла у него это сомнительное лакомство и выбросила. Потом подошла к очагу и стала разводить огонь. Малыш заплакал.

— Подойдите ко мне, пожалуйста, — слышался из комнаты голос отца Мани.

Я вошел в хижину и присел у постели больного. Лица его в темноте почти не было видно. Он тихо спросил, как меня зовут, где я живу, чем занимаюсь, и, по-видимому, почувствовал большое облегчение, узнав, что я не сборщик налогов. Мы разговорились, и он поведал мне свою историю.

Зовут его Чату. Он добывал пальмовый сок, а иногда собирал кокосовые орехи. Но ему никогда не удавалось заработать столько, чтобы в семье был полный достаток. Поэтому он стал потихоньку изготавливать тодди [\[48\]](#). Это не укрылось от глаз сборщика налогов. Он потребовал пятнадцать рупий и обещал уладить дело. Но у Чату не было и рупии. Поэтому его отправили на четыре месяца в тюрьму. Жена его в то время ждала ребенка. Через несколько дней после его возвращения она родила мальчика и умерла.

— Моей жене просто посчастливилось, — доверительно говорил мне Чату, — с тех пор как она ушла от нас, мы все время голодаем. Если я еще как-то мог прокормить Мани и Кёллана, то что мне было делать с новорожденным? Неподалеку от нас живет плотник, у его жены тоже родился ребенок, и я отнес ей своего сына... С месяц она кормила его грудью. Теперь за ним смотрит Мани. Кроме того, ей приходится делать всю домашнюю работу...

Потом он рассказал, как три месяца назад упал с пальмы, что у него переломы рук и ног, а поблизости — никого, кто мог бы помочь. Его старый приятель Сайдали привел как-то с собой человека по имени Паниккар. Этот Паниккар и перевязывает его. Но прошло уже три месяца, а улучшения не предвидится... Руки и ноги скрючены. Вряд ли он сможет еще когда-нибудь работать.

— Паниккар приходит каждый день, — жаловался он. — Перевязывает... А толку что? Только мучает. Вы спрашиваете, есть ли у меня деньги? Сайдали дал мне три рупии... Но мы уже все истратили. Лекарства дороги. А сбережения Мани ушли на угощение и выпивку Паниккару. С тех пор как я лежу, нас кормит Мани... О, если бы бог не дал нам ее, нас давно бы не было в живых! Еще не успеет подняться солнце, а она уже сидит за своими циновками... Да и по дому все делает: ухаживает за мной, смотрит за малышами, ходит за покупками, готовит еду...

— Сколько же она зарабатывает в день? — поинтересовался я.

— Мало, конечно... Но ведь больше она ничего не умеет делать. За кусок готовой ткани в семь дюймов дают одну пайсу, да еще за волокно нужно платить. Если работать с утра до вечера без отдыха, то можно соткать двенадцать кусков. За это платят одну ану...

— Значит, весь ваш доход — одна ана в день?!

— Верно... А что остается делать? Кто нам даст деньги? Да, вот еще Мани завела кур. За яйца она получает по полторы пайсы за штуку. Потом еще собирает листья для набивки матрасов и продает их в магазин. Это тоже дает нам две-три пайсы. Кое-как мы сводим концы с концами. На всем другом можно экономить, но без риса, соли и керосина не проживешь. На шесть пайс мы покупаем полмерки риса, на две пайсы — керосина, на одну — соли и еще на одну — перца. Одну пайсу я трачу на бетель и одну — на табак. Вот и выходит, что все наши покупки укладываются в одну ану. Иногда на две пайсы мы покупаем рыбы. А когда созревают плоды хлебного дерева и манго, мы просто оживаем; ведь за них платить не надо. Для нас наступают золотые дни. Мы варим их и едим с рисовым отваром. Иногда нам удается раздобыть молодую пальму...

— Пальму?

— Да, пальму. Вы, наверно, не знаете, что ее можно есть. Древесину мелко секут и вымачивают в воде, а потом сушат. Вот и получается мука. Когда нет риса, мы принимаемся за нее... Очень вкусно!.. Особенно если сварить из этой муки густую кашу... Можно нарвать в лесу молодых побегов и есть их с таким «рисом». Тоже неплохо!..

— На что же вы покупаете одежду?

— В прошлом месяце Мани продала две курицы за шесть ан. На это мы купили две тунду [\[49\]](#) и немного ткани. Вот одна тунду на мне.

— Рис готов, — раздался из-за двери голосок Мани.

Я перешел в другую комнату. Здесь было так же чисто и уютно. На циновке стояла жестяная мисочка с водой. Лежала тарелочка, сделанная из бананового листа, и дощечка, на которой можно было сидеть. Я сел. Мани принесла рис, кокосовое молоко и приправу из

стручков красного перца. И рис, и приправа, и кокосовое молоко были необыкновенно вкусны.

Пока я ел, павший подле меня малыш проснулся и отчаянно заревел. Сестра взяла его на руки и унесла.

Потом я отдыхал на веранде, а Мани кормила отца.

Прошло с полчаса. Я заглянул на кухню, и моим глазам представилась любопытная сценка. На приступке, вытянув ноги, сидела Мани, на коленях у нее ерзал малыш. Рядом с сестрой сидел с миской в руке старший мальчик, Келлан. Малыш изредка широко раскрывал рот, и тогда Мани осторожно вливала в него немного похлебки. Мани тоже ела. Но что это была за еда! Найти хоть одно зернышко риса в миске водянистой похлебки было, должно быть, так же трудно, как отыскать на дне моря драгоценную раковину с жемчугом.

Пора было подумать и о сне. Хотя Чату и приглашал меня лечь в комнате, я решил устроиться на веранде. Мани гостеприимно предложила мне старенькое одеяльце, очевидно, единственное в доме. Но я, разумеется, отказался, лег на старую циновку, подложил под голову дощечку, укрылся своим пиджаком и закрыл глаза.

Мани потушила лампу, заперла дверь. Бежали минуты... Снова пошел дождь... И хотя навес над верандой был плотно устлан пальмовыми листьями, вода находила невидимые глазу щелки и тонкими струйками стекала вниз. Ноги у меня намокли. Потом промокла циновка. Я встал и перебрался на другое место. Снова лег и едва успел подумать, что все мои беды кончились, как непрошенная струйка воды попала мне прямо в ухо... Я вскочил и уже больше не ложился. Накинув на плечи пиджак, я сел с ногами на циновку.

Через четверть часа дождь прекратился, небо быстро очистилось. На западе ярко засиял месяц. Волшебным светом окутались далекие голубоватые

горы. Дождевые капли сверкали на листьях, словно бриллианты. Спать не хотелось. Я сидел и размышлял о Мани и ее отце. Я думал о честности маленькой хозяйки, о ее быстрых, ловких движениях и практическом складе ума. Как велико в ней чувство собственного достоинства, как она мила, добра и обходительна! И как мужествен и терпелив бедняга отец!..

Да, передо мною развернулась невеселая картина беспросветной нужды и горя, но все сыпавшиеся на этих людей несчастья не смогли вытеснить из их сердец любви и безграничной преданности друг другу... В этом их настоящее богатство. Вот оно, то бесценное сокровище, которое не смогут отобрать у них даже высокомерные богачи. Нищета придавила сейчас этого крестьянина, но верная любовь, сияющая в улыбке его маленькой дочери, всегда с ним и всегда будет помогать ему жить...

Что же я увидел сегодня? Семью, которая существует на одну ану в день! Да, на одну ану, которую мы в городе отдаем за чашку кофе, живут четыре человека. Но они не думают об этом: у них нет на это ни времени, ни сил.

Вот возьмем, к примеру, хотя бы Мани. В то время как ее счастливые сверстницы в городе ходят в школу, а затем играют и веселятся, она с утра до вечера плетет циновки и ухаживает за всей семьей. Она даже не может купить себе немного ароматного масла, чтобы смазать волосы.

Перед счастливицами из города открыт весь огромный, необъятный мир, тогда как для нее весь мир — рисовое поле, холм и лес, который можно увидеть с его вершины. Да еще захудалая лавчонка, где она изредка делает свои грошовые покупки. Она целыми днями сражается с бедностью, одолевает ее из последних сил...

Я проснулся на рассвете. Меня разбудил разноголосый хор птиц. Но Мани поднялась раньше меня. Она уже открыла дверь, зажгла лампу и принялась за работу.

Я встал, умылся, оделся и прошел к Чату, чтобы попрощаться с ним. Только сейчас смог я хорошенько рассмотреть его. У него было темное, обросшее бородой лицо. Этот бедняга напомнил мне обожженное молнией кривое дерево, которое я видел однажды на берегу реки.

Я дал Чату рупию; глаза его наполнились слезами, и он стал благодарить меня:

— Да вознаградит вас всевышний за ваше добро...

Я не дослушал его: на это у меня не хватило сил...

В дверях стояла Мани.

— Ну, Мани, это тебе, — протянул я ей восемь ан, — купи себе что-нибудь из одежды...

Мани показала мне, как пройти к шоссе, и мы распрощались. Я начал спускаться вниз по крутой тропке.

Уже шагая полями, я обернулся и взглянул на вершину холма. Там неподвижно стояла маленькая хозяйка и смотрела мне вслед.

Амаркант Прислуга

Семейство у господина адвоката весьма многочисленное, и поэтому днем в доме нередко бывает шумно. Кому-нибудь постоянно что-то требовалось: подать, принести, унести, постирать, вытереть, подмести. Словом, работы на пятерых, а прислуга на всю эту ораву — всего-навсего один человек, пятнадцатилетний подросток по имени Джанту!

Поднимаясь чуть свет, Джанту первым делом втаскивает в дом чарпай тех, кто предпочитает спать на свежем воздухе — во дворе или на веранде. Тех, кто любит понежиться в постели, Джанту не беспокоит: бросив их на растерзание мухам, которые с жужжаньем носятся вокруг, Джанту принимается за дело. Прежде всего — веранда. Мести ее он начинает из самого дальнего угла, постепенно приближаясь к дверям дома. Когда с верандой покончено, наступает черед дома — бесчисленных замызганных, душных комнатенок, где все раскидано, скомкано, разворочено, где по углам валяются перепачканные пылью точь-в-точь вороньи гнезда — клочья волос, а в воздухе постоянно стоит легкое зловоние от небрежно задвинутых под кровать легких, из пальмовых листьев, тарелок с остатками винегрета или вареного гороха, съеденного тайком от взрослых. Серые от пыли полы в комнатах обильно усыпаны мелкими камешками, которыми любят развлекаться ребятишки, таская с улицы в плоских плетеных корзинках.

В самую последнюю очередь Джанту метет двор: двор большой, но до того грязный и запущенный, что мести его неприятно даже ему, человеку привычному ко всему. В надворных постройках гнездятся комары, а

ближе к забору полно лягушек. Своей неухоженностью двор больше напоминает свалку. Под окнами дома все заляпано гороховой размазней, залито остатками соуса, завалено ворохами гниющих пальмовых листьев, засыпано серым пеплом. Утрамбованная до звона земля усеяна зернами прелого риса, которым, носясь по двору, любит обсыпаться детвора, а на подоконниках желтеет толстый слой листьев, за ночь налетевших с соседнего дерева.

Джанту метет двор сосредоточенно, размеренно действуя метлой — ширк... ширк... ширк...

И только когда двор уже подметен, по одному начинают просыпаться дети. Едва продрав глазенки, малыши тотчас же начинают хныкать, выпрашивая у матери мелочь. Выклянчив несколько медяков, каждый опрометью мчится к Джанту — ему предстоит сбегать на базар и купить сластей. Начинается торг — когда отправляться в рыночные ряды. Вся беда в том, что у каждого из ребятишек — свое время подъема: один встает ни свет ни заря, а другой тянется чуть не до полудня. Малыши не любят, когда Джанту один отправляется на закупки: съесть принесенное — это совсем неинтересно. Гораздо интереснее отправиться вместе с Джанту, удобно усевшись у него на руках, а еще лучше, взобравшись ему на шею, точно всадник на коня, и таким манером добраться до лавки сластей. Чего лучше? А там уж выбирай, что душе угодно! По утрам можно видеть, как Джанту возвращается с рынка, неся на руках перепачканного сажей четырехлетнего Раджу, который крепко прижимает к груди купленную за одну ану затейливую завитушку джалеби [\[50\]](#), либо пятилетнюю Ушу: непричесанная, она восседает у него на плече с таким видом — ну ни дать ни взять богиня Лакшми. Кто-то ухитряется вскарабкаться ему на спину. Остальные следуют за

Джанту своим ходом. Каждый зажимает в ладошке одноановую монетку — деньги, по их понятиям, немалые, так как на одну ану можно приобрести тающий во рту ладду, плавающий в сиропе сочный гулаб-джамун, пару джалеби или целую пригоршню вареного гороха.

Если же Джанту, случается, попросит кого-нибудь — обычно это дети бесчисленных гостей, которые бывают в доме: племянников и племянниц, своячениц и шуринов, — остаться дома, ух, что тут начинается! Оскорбленная, покрасневшая гостя шипит как разъяренная змея: будь у нее жало — ужалила бы. «Почему ей (или ему) надо сидеть дома? Забыл, с кем разговариваешь? Это тебе не какие-нибудь замухрышки из рабочего пригорода, а дети благородных людей. Берегись, кто посмеет так разговаривать с моим ребенком! Я и хозяйки не боюсь, мигом язык вырву!»

От страха лицо у Джанту становится серым. Но дети — это еще не все; обитатели женской половины дома тоже получают мелочь на завтрак. Сладости, они любят полакомиться свежееиспеченными сладостями из ближайшей лавки. Однако ходить туда благородным дамам не к лицу, для этого существует прислуга. Каждая дама заказывает на свой вкус. Старшая дочь господина адвоката предпочитает на завтрак пури — тонко раскатанные, сочащиеся маслом сдобные лепешки.

— Мне, Джанту, как всегда, на две аны купишь пури! — величественно подплывая к подростку, беспрекословным тоном изрекает она.

— Одну минутку, госпожа, — робко говорит Джанту, который, как обычно, занят каким-нибудь делом. — Вот закончу и принесу.

Но госпоже некогда: она сердится и бежит жаловаться к отцу, на ходу бросая матери:

— Ты слышишь, мам, как обнаглел?

Жена адвоката на чарпаи с полным ртом бетеля.

— Ты что это там, Джанту, — бубнит она, — Доченьке моей прекословить вздумал? Ты должен сам догадаться, чего она желает, а не ждать, пока тебя пошлют. Девочки застенчивые, не всегда еще и осмелятся сказать. Спина у тебя переломится, что ли, если тебя просят принести какой-то пустяк из лавки? На то тебя и наняли в прислуги. А если пререкаться, то скатертью дорога. Мы не держим. Деньги есть, а таких, как ты, много найдется.

— Эй ты, сын свиньи! — доносится из комнат раскатистый бас хозяина: все знают, что в эти часы он предается молитве. — Эй, Джанту, за такие штучки я тебя живо провожу за ворота!

Джанту молча выслушивает все, что говорят ему хозяин и хозяйка: лучше б он бросил дела и сбегал в лавку, чем выслушивать такое.

Но помыкать прислужгой любит не только старшая дочь хозяина, он должен беспрекословно выполнять приказания любого члена семьи, если тот постоянно или временно — как гость — живет на женской половине дома. Старшая сестра хозяина, например, очень любит хрустящие рассыпчатые лай — чтобы они были прямо с пылу с жару, — а пекут эти сласти только в одной-единственной лавке, расстояние же до этой лавки никак не меньше мили. И принести надо в чистеньком полотенчике да так, чтобы не остыли.

Младшая сестра хозяина — человек хотя и без особых запросов, но и она частенько гоняет Джанту за фруктами: за манго, джамуном или еще за чем — по сезону.

А старуха, мать хозяина, не успокоится, если ровно в десять ей не подадут к столу ломтик гуавы или кусочек соленого печенья. Все знают эту ее слабость и стараются во всем угождать ей, ибо в противном случае она, по ее словам, может слечь в постель: насморк — дело нешуточное! А такое случается иногда, если — не

приведи господь Джанту подает ей завтрак не вовремя. Старуха начинает усиленно шмыгать носом и, вытирая концом сари слезящиеся глаза, жаловаться на недомогание и головную боль. Едва добравшись до постели, она валится ничком и, колотя себя кулаками по голове, принимается причитать: «Загубил, загубил, безбожник! Чтоб ему ни дна, ни покрывки! Ох, смертушка моя пришла! Ох батюшки!.. Канчан, Канчан! — зовет, наконец, она внука — сына старшей дочери, — Сбегай, сынок, за лекарем! Ох батюшки, никто и ухом не ведет, сидят как истуканы! Бросили бедную старуху!.. Невестка, о невестка, подай, бога ради, подай ту бутылку с горчичным маслом, смажу голову, авось полегчает. О Рам, все милостивый боже!..»

И тогда в доме поднимается такой гвалт, что редкие прохожие, случайно оказавшиеся возле дома, невольно вздрагивают. Все, как один, набрасываются на виновника: и каких только проклятий и угроз не сыплется в эти минуты на голову бедняги Джанту! А сам виновник недоуменно хлопает глазами: ведь с завтраком госпоже он задержался не по своей вине, как раз в это время он выполнял приказание хозяйки или готовил ванну для хозяина. И, слушая их Джанту начинает злиться на всех женщин на свете.

Разнося завтрак, он успевает сделать еще целую кучу всяких дел — сбежать на базар за овощами, купить топленого масла, натаскать дров. А о семье господина Гупты, что живет напротив, и говорить нечего, к ним Джанту посылают раз двадцать на день — взять взаймы то два-три стакана муки, то несколько ложек сахара, то полмеры арахиса или гороха. Господин Гупта никогда не отказывает, но все это надо будет возвращать, точно так же, как и взятые в долг овощи.

И только после того, как уборка закончена, — а это бывает не раньше половины одиннадцатого — Джанту получает завтрак — все, что осталось от ужина:

черствый кусок лепешки да горсть несвежих вареных овощей. Если свежие овощи кончились, то вместе с куском лепешки Джанту получает горсть сушеных овощей, завалывшихся где-нибудь в углу кладовой. Однако Джанту так голоден, что набрасывается на пищу, точно волк на добычу. Свой завтрак он проглатывает за одну минуту, запивая водой из широкогорлой лоты [\[51\]](#).

После завтрака Джанту превращается в водоноса: ему предстоит наполнить все баки и ведра, что имеются в доме, затем перемыть ребятишек и переодеть их во все чистое. Сполоснув ребячьи штаны и рубахи, Джанту развешивает их сушить, а сам отправляется на женскую половину — там тоже ждут, когда же наконец он принесет им воды. Обливаясь потом, он носит туда воду в больших кувшинах: воды требуется много, так как женщины любят поплескаться, особенно в жаркую пору. А стирать их белье: все эти сари, кофточки, нижние юбки, полотенца, подстилки — это тоже обязанности Джанту. Подростку некогда даже дух перевести, руки от напряжения деревенеют, а вены на жилистой шее, того и гляди, лопнут.

Стоит ему, однако, на минуту присесть где-нибудь в тенечке, как тотчас же с женской половины доносится ехидное:

— Вот лоботряс! Так и норовит от работы увильнуть.

Пока перемоются все женщины, проходит больше часа. После этого Джанту предоставляется наконец возможность самому сходить к колонке — сполоснуться из-под крана. Он моется долго, покрывая от удовольствия, фыркая и отдуваясь: когда, освеженный, Джанту возвращается домой, время уже приближается к половине второго.

Все уже пообедали и отдыхают. На бронзовом подносе у порога — кучка сухой просяной каши или

вареного низкосортного риса, остатки овощей, половина темной лепешки да мелкая плошка жиденького кислого молока. Забрав поднос, Джанту отправляется во двор: на свежем воздухе все-таки приятнее. Пока он ест, в сторонке сидят две-три бродячие собаки: вывалив языки, они умильно смотрят на него, глотая голодную слюну. Джанту перемешивает вареный горох с рисом и, набрав полную горсть смеси, отправляет в рот. Жевать ему некогда — он сразу глотаёт, а когда сухая каша застревает в горле, Джанту тянется к стоящей здесь же лоте с водой.

После обеда Джанту приносит во двор еще два больших кувшина воды — на всякий случай, — затем, расстелив где-нибудь под навесом свою рваную циновку и ложится и тотчас же засыпает мертвецким сном.

Однако отдохнуть ему не дают: дай слуге волю, он и вовсе избалуется. Поэтому не успевает он заснуть, как кто-нибудь из домашних, потягиваясь после сладкого сна, уже будит его: ишь, развалился, а в доме нет ни капли воды. Принеси два-три кувшина свежей воды, сбегай к красильщику за сари, вынеси на солнце кровать, а то клопы завелись, для вечерней молитвы нарви листьев священного базилика...

И так до наступления сумерек.

Не успеет Джанту передохнуть, как начинаются вечерние хлопоты — то же самое, что и утром, только в обратном порядке. И Джанту все делает, делает, делает: подает, убирает, уносит, приносит, перетаскивает, моет, скоблит, скребет... Освобождается он часам к двенадцати, а то и к половине первого ночи.

Иногда его начинает познабливать и ноги делаются точно ватные, но он старается не подать вида и делает все, как в обычные дни.

Только однажды он заболел по-настоящему. Два дня весь в жару он еще как-то таскался, наивно полагая,

что все это, потому что в доме жарко, и все пройдет, стоит выйти на свежий ветерок. На третий день он не смог даже встать с постели. Полыхая жаром, он лежал в своей крохотной душной каморке и тихонько стонал. Когда заглянувшие в каморку ребятишки сообщили старшим, что Джанту заболел, те им не поверили.

— С самого начала был лодырь! Ишь притворяется!

— Кругом дел хоть отбавляй, а он — болеть!

— Это от жары. Пусть ополоснется холодной водицей — и все пройдет.

— Разве можно бросать дело на полпути? За такие штучки и не таких, как он, провожали за ворота!

— Пойди скажи ему, чтобы без разговоров принимался за дело! А если вздумалось болеть, то пусть отправляется к своему деду!

Ребятишки гурьбой бегут к каморке Джанту и, возвратившись оттуда, докладывают:

— Джанту места себе не находит. Все пить просит. Дай нам лоту, мы напоим его.

— Еще чего вздумали! — повышает голос мать. — Чтобы ноги вашей больше там не было! Не то уши оборву! Тоже мне нашлись жалельщики!

После легкой перебранки, злого шепота и проклятий, произносимых вслух, к вечеру все наконец согласились с тем, что Джанту не притворяется, а болен по-настоящему. Сначала женщины осмотрели его издали, потом накрыли больного толстым джутовым мешком, поставили у изголовья большую лоту с водой, а у ног вместо ночного горшка — грубо обожженный глиняный кувшин. После этого в доме и во дворе наступила гнетущая тишина. Только из каморки Джанту доносились легкие стоны.

О том, что надо лечить больного, никто даже не подумал. «Зачем лекарства? Человек из низшей касты вылечится безо всяких лекарств — просто так, от свежего воздуха и чистой воды» — таково было

единодушное мнение всех взрослых членов семьи господина адвоката.

Однако Джанту продолжал метаться в жару.

— Это все оттого, что в богатом доме кормят досыта, — наконец изрекла древняя старуха — мать хозяина. — Не будь таких харчей, разве б мог какой-то несчастный кахар [52] столько дней сказываться больным? Закажите ему хинина — таблетки этак три или четыре. Пусть проглотит их, запьет водицей, — сразу поправится.

— А не поправится, я его тут же выставлю за ворота, — еле сдерживаясь, недовольно ворчит хозяин. — Ты только посмотри, сколько хлопот нам доставил! Прислугу держат, чтоб хозяевам было легче, а тут...

Выпив несколько таблеток хинина, Джанту действительно очень скоро поправился, все в доме вздохнули с облегчением, и тотчас же на плечи бедняги Джанту взвалили все дела, скопившиеся за дни его болезни.

— О господи, милосердный боже! Что прикажешь делать хозяевам, если слуги вот так целыми днями будут валяться в постели? — завидев Джанту, будто про себя бубнит жена старшего брата хозяина.

— Да что и говорить, невестка! — искоса поглядывая на Джанту, подхватывает старуха. — Хозяин очень сердился все эти дни. «Какой, говорит, прок держать в доме прислугу, которой нужен доктор?» Совсем уж было собрался рассчитать, да я, к счастью, оказалась рядом — удержала. «Молодой еще, говорю, темный, ничего-то еще, говорю, не смыслит. Подожди, говорю, чуточку, не спеши — понемногу все поймет». Еле уговорила.

Слыша такие речи, Джанту испуганно втягивает голову в плечи и мысленно дает себе зарок — никогда больше не болеть.

Вечером его вызывает сам хозяин.

— В чем дело, Джанту? — сердито говорит он. — Ты работаешь хуже, чем прежде. Если не можешь, так прямо и скажи — я подыщу другого человека.

— Не надо другого человека, господин, — точно перед божеством прижимая к груди сложенные лодочкой руки, дрожащим голосом умоляет Джанту. — Я все буду делать, как прикажете. Я ем ваш хлеб, и пусть покарает меня рука всевышнего, если я в чем провинюсь.

И Джанту принимается за дела еще усерднее, чем прежде: выгонят — идти ему некуда. Безработных в городе — хоть пруд пруди. Окажешься за воротами — с голоду подыхать придется, а тут как-никак хоть кормят досыта.

Незаметно наступает жаркий сезон. С утра до позднего вечера по пыльным улицам городка гуляет обжигающий суховей.

С утра у Джанту разламывает все тело. После обеда, забываясь в легкой дреме, он просыпается от боли: будто налитое чугуном, тело ноет, болит каждый сустав. Он переворачивается на спину, расслабляется и, мысленно обратившись к всевышнему, устало прикрывает веки. И тотчас же будто проваливается в черную пропасть. Просыпается весь мокрый. Нестерпимо хочется пить. И тут он вдруг вспоминает, что из-за усталости не успел натаскать воды. Немедленно к колонке! Уф, голова как чугунная, полежу еще чуточку, авось отойдет.

Он опять закрывает глаза и несколько минут лежит, не шевелясь. Но пить с каждой минутой хочется все сильнее. Пересохло во рту и в горле. Еще не стряхнув с себя сонную тяжесть, потягиваясь, он встает. О Рам, ступишь во двор — ветер будто обжигает, а до колонки целый фарланг [\[53\]](#). А тут еще тело разламывает! Да, пожалуй, он еще немного отдохнет. А как сладко ему спалось! И, повалившись на свою дерюжку, он свертывается калачиком. И вот он уж видит себя посреди раскаленной пустыни. Солнце палит немилосердно, хочется пить, ох как же ему хочется пить! Пить, пить, пить... Вода — вот она совсем близко, еще несколько шагов, и он припадет к холодной, пронизывающей свежести родника, но все тело вдруг становится такое тяжелое, что он не в силах пошевелить ногой, а тут еще этот ужасный суховей! Да, надо отдохнуть — чуть-чуть, совсем немного, набраться сил, чтобы сделать эти последние несколько шагов. Вода, вода, вот она почти рядом, вода — блестит, переливается, манит...

До его слуха доносится какое-то странное шарканье, — ах да, это сандалии господина адвоката!

— Джанту! — грохочет над ухом подростка негодующий бас хозяина. — Это так-то ты исправляешься? Дрыхнет, каналья, а в доме ни капли воды не осталось! От жары спрятался? А ну-ка, бегом к колонке! Два кувшина с водой чтобы постоянно стояли во дворе!

— Слушаюсь, господин, — испуганно лепечет Джанту и, с быстротой молнии метнувшись к воротам, бросается выполнять приказание.

notes

Примечания

1

Дада — старший брат (уважительное обращение к старшему).

2

Рани — княжна, принцесса.

З

Бенч (*англ.*) —скамейка.

4

Яма — в индийской мифологии бог смерти.

5

Личи — тропические фрукты.

6

Бабу-джи — почтительное обращение к старшим.

Дарбар — зал для торжественных приемов.

Гоа — союзная территория Индии; до 1961 г. была португальской колонией; славится как туристский центр.

9

Рупия — основная денежная единица в Индии, в одной рупии 100 пайс.

10

Кули — носильщик.

Мочи — название касты кожевников.

12

Дхоти — набедренная повязка.

Все в порядке, все в порядке, сэр (*англ.*).

Бхилы — название одного из малых народов Индии, сохранившего многие черты первобытнообщинного строя. Племена бхиллов живут в основном в лесах Западной Индии, занимаясь охотой.

Бхуты — злые духи, демоны.

Дворец Васанта (бхаван — слово санскритского происхождения).

Дворец Касима (махал — слово арабо-персидского происхождения).

Гинея — английская золотая монета достоинством в 21 шиллинг, впервые отчеканенная в 1663 г. и находившаяся в обращении до 1817 г.

Ганеш — в индийской мифологии бог богатства и процветания, изображается с туловищем человека и с головой слона.

Хариджан — неприкасаемый. Член низшей касты в Индии; им раньше строго запрещалось общаться с людьми из высших каст. Сейчас в Индии все касты отменены.

Сари — национальная одежда индийских женщин из цельного длинного куска ткани.

Сезон дождей в Индии продолжается с июля по сентябрь.

Катамаран — спаренная лодка: лодка, состоящая из двух корпусов, связанных между собой общей палубой.

Колледж (*англ.*)— учебное заведение (высшее, среднее, специализированное среднее).

Тхекедар — подрядчик.

Топи — головной убор, шапочка.

Мэм-сахиб — госпожа; так называли раньше индийцы жен английских чиновников.

Биру — местные сигареты из цельных листьев табака.

Саркар (*простореч.*) —правительство.

Ана — мелкая монета, имевшая хождение в Индии до 1957 года. Одна ана составляла $1/16$ рупии — основной денежной единицы Индии.

Бабу — господин.

Ракшасы — злые духи в индуизме и буддизме.

Чарпай — легкая деревянная кровать с натянутой на нее веревочной сеткой.

Фут — мера длины, равная 30,479 сантиметра.

Миля (сухопутная) — мера длины, равняется 1523 м.

Дюйм — мера длины, 2,5 см.

Дивали — праздник огней в честь Лакшми — богини счастья успеха и процветания.

Саньяси — ушедший от мирских дел человек, отшельник.

Пури — лепешки, поджаренные на топленом или растительном масле.

«Саркас» — индийское произношение английского circus, которое имеет два значения: цирк, арена и круглая площадь в городе.

В старой индийской школе учеников в виде наказания заставляли становиться на скамейку; применялись и телесные наказания.

Сар — искаженное английское «сэр» — господин.

Бетель (или бетелевый перец) — растение, широко распространенное по всей Азии. Листья его с добавлением извести и пряностей обычно жуют наподобие жевательной резинки.

Дурга — в индийской мифологии богиня, которая побеждает зло.

Керала — штат на юго-западе Индии. Один из редких уголков Индии, где много гор и холмов, покрытых густыми лесами.

Паппатта — пресная лепешка.

Сартукаран — сборщик налогов.

Тодди — хмельной напиток из пальмового сока.

Тунду — небольшая накидка, шарф.

Джалеби — вид сладостей.

51

Лота — низкий бронзовый сосуд с широким горлом.

Кахар — член касты носильщиков паланкина.

Фарланг — мера длины, равная примерно 400 м.